

де скандинавская линия

ДЕТЕКТИВ
О РИНО
КАРЛСЕНЕ

«408 страниц захватывающего чтения»
Моника Н. Индестад, Bergens Avis, Норвегия

«Одна из самых увлекательных
книг этой осени»

Курт Ханссен, Dagbladet, Норвегия

«Бегите и покупайте»

Berlingske Tidende, Дания

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

ФРУДЕ
ГРАНХУС

ВОДОВОРОТ

18+

Annotation

Недалеко от города Будё в Северной Норвегии происходит нечто странное: на берегу появляются старинные фарфоровые куклы, прикрепленные к деревянным плотам, а затем – избитая девушка без сознания, одетая как одна из кукол. В это же время мальчишки находят на побережье человека, погруженного в ледяную воду, чьи руки прикованы к камню, а затем появляется еще одна жертва неизвестного преступника. За расследование берется полицейский Рино Карлсен, которому придется распутать целую цепочку страшных преступлений. Роман Ф. Гранхуса – яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу. Это история о том, как любовь превращается в одержимость, которая не знает пределов и моральных принципов, стирает границу между добром и злом и сводит с ума.

- [Фруде Гранхус](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

Фруде Гранхус

Водоворот

Frode Granhus
MALSTRØMMEN

© Vigmostad & Bjørke, 2010

© А. Юченкова, перевод на русский язык, 2020

© ИД «Городец», издание на русском языке, 2020

Глава 1

Ландегуде

Мальчишки почти не расставались, ведь среди остальных сорока трех жителей острова других ровесников не было. Если для шалостей и развлечений остается лишь маленький островок, усыпанный холмами, приходится использовать каждый свободный метр. Порой они спускались к валунам, чтобы проверить, не вынесло ли на берег после прошлой разведки что-нибудь ценное.

Холодный северо-западный ветер, гулявший по островку последние пару дней, внезапно затих и превратился в легкий ветерок. Приятно прохладный, он не обжигал холодом, даже если дул прямо в лицо. Укромное место мальчиков находилось в расщелине между голой скалой и скользким, покрытым мхом валуном, всего в метре над морем. Оба носили спасательные жилеты, без этого родители гулять не выпускали – как бы здорово ты ни умел плавать, но в двенадцать лет справиться с неуправляемыми морскими течениями не под силу.

– «Вестеролен», – один из мальчиков показал на корабль у кромки горизонта. Второй пригляделся и молча согласился:

– Опаздывает на пятнадцать минут, – сказал он и осторожно перепрыгнул через трещину шириной в метр.

Они двинулись дальше, балансируя на скользких валунах, а глаза выискивали хоть что-нибудь. Когда они добрались до подножия горы, их внимание привлек какой-то звук.

– Тс-сс!

– Что?

– Слушай!

Ветер принес необычный звук.

– Может, тюлень застрял где-то?

Они молча прислушивались к звуку, который становился все громче и яснее.

– Какой к черту тюлень!

Мальчишки бросились бежать изо всех сил, делая лишь небольшие передышки, чтобы убедиться, что бегут в нужную сторону. Добежав до небольшого пригорка, они остановились перевести дыхание и огляделись. До них доносились короткие повторяющиеся стоны.

– Это у разлома. Он, наверное, застрял.

– Кто?

– Не знаю, какой-то зверь.

Они ринулись к морю, туда, где открытой раной в скале зиял разлом. Добравшись до края, мальчики опустились на четвереньки и проползли последние несколько метров. Звук затих, они вытянули шеи, пытаясь разглядеть что-нибудь. Между валунами кто-то стоял на коленях, вода доходила ему до груди. Когда он рванулся и застонал, мальчики увидели, что он сидит на небольшом камне. После следующего рывка они заметили, что его руки находятся под водой. И опять этот звук – крик животного в смертельной опасности. Он отчаянно пытался освободиться, поднимал голову к сероватому небу и судорожно бился.

– Эй!

Услышав оклик, незнакомец рванулся еще сильнее. Воздух пронзил отчаянный вопль.

– Эй!

В этот раз незнакомец замер, словно не мог поверить, что кто-то действительно его зовет.

– Помощь нужна?

Мужчина завертел головой, оглядываясь вокруг, боковым зрением поймал фигурки ребят, попытался повернуться, но лишь скатился глубже в воду. Карабкаясь обратно на камень, он опять зарычал. «Помогите!» – голос охрип, слова звучали отрывисто.

Мальчики осторожно спустились в разлом и подошли к незнакомцу. Он пристально следил за каждым их шагом, как будто боялся, что, как только он моргнет, видение исчезнет. Мокрые волосы спутались и напоминали морские водоросли, через них проглядывала светлая кожа.

– Что случилось? – Мальчики остановились на расстоянии вытянутой руки.

– Помогите! – Незнакомец попытался поднять руки, но опять соскользнул в воду.

Они ухватили его, и, поднимая, нащупали цепь, которой он был прикован.

– Как вы... – в мутной воде блестели наручники и большая железная цепь, уходящая в глубину.

Цепь вновь потянула его вниз, и гримаса боли исказила иссиня-бледное лицо незнакомца. Он не плакал, не рыдал, но был явно сильно напуган.

– Что за дьявол это с вами сделал?

Мужчина неуверенно тряхнул головой.

Глава 2

Бергланд, 30 миль к северу от Будё

Волны вяло и неторопливо накатывали на берег, осеннее солнце отражалось в морской ряби. По пляжу прогуливалась пожилая пара – мужчина обогнал женщину, чтобы подать ей руку. Взявшись за руки, они пошли дальше, стараясь не подходить близко к волнам. Они часто гуляли здесь, но всегда задерживались, наслаждаясь близостью друг к другу и природе. Время от времени она наклоняла голову к его плечу и показывала на что-то. Они останавливались, а потом согласно кивали и шли дальше.

Дойдя до бухты на другом конце пляжа, они снова замерли. Она опять что-то углядела и показала ему. Разглядеть, что именно вынесло море, было трудно, однако этот предмет привлек ее внимание, и они задержались.

– Это еще что такое? – спросила она.

– Откуда мне знать?!

Они стояли молча, все еще держась за руки.

Волны подкатали неизвестный предмет поближе, и он почувствовал, как она сильнее сжала его руку.

– Похоже на куклу, – предположил он.

– Забытая игрушка, утонувшая в море...

Он не спешил соглашаться.

– Скорее, ее кто-то кинул в воду. Похоже, она лежит на плотике.

– Боже мой, помнишь, на прошлой неделе здесь нашли еще одну такую же старую куклу на плоту?

– Да-да.

Волны вынесли маленький плот на берег, он подошел и аккуратно его поднял. Плотик был из дерева, а чтобы кукла не упала с него, к деревяшке были приделаны перильца и натянуты веревки.

Он протянул ей куклу.

– Вот она.

Женщина внимательно оглядела игрушку, явно не выражая никаких чувств.

– Фарфоровая кукла...

– Старая?

Она кивнула, не сводя глаз с игрушки. Краски поблекли. Платье, когда-то, видимо, черное, стало бледно-серым, а белоснежное тело на плечах

пожелтело. Она осторожно высвободила куклу и поднесла ее к глазам.

– Не нравится мне это...

– Наверняка просто кто-то отпустил игрушку искать нового хозяина.

Она продолжала разглядывать куклу, осторожно поворачивая ее в руках.

– Таких давно не продают. А тут сразу две... Это похоже на... какое-то предупреждение.

– Ну Ада!

– Как будто... не знаю...

Он обнял ее:

– Ну что?

Она вздохнула:

– Как будто кто-то выплескивает свое отчаянье.

Глава 3

Будё

Evil walks behind you
Evil sleeps beside you
Evil talks arouse you
Evil walks behind you^[1]

– Ты когда-нибудь думал, о чем поет этот хрипатый придурок? – Двенадцатилетний парнишка, развалясь, сидел на пассажирском сиденье.

– Вообще-то, нет. Суть в том, что из-за него у меня сосет под ложечкой.

– Да брось ты! – Мальчик закатил глаза – Кассеты уже сто лет никто не слушает.

– В наши машины CD-плееры не ставят, – комиссар полиции Рино Карлсен ласково похлопал по приборной панели машины и лукаво взглянул на сына, – И знаешь почему?

Парень опять покривился.

– Это зона-свободная-от-хип-хопа. Похоже, уже почти единственная. В этих стенах нет места для Пуффи Дуффи или Даг Дэдди.

– Пафф Дэдди. Кстати, его теперь зовут П. Дидди.

– Какая разница. Никакие сутулые товарищи в вязаных шапочках и спущенных штанах не смогут выкрикивать свои обвинения в этой колыхаге.

– А ты в курсе, что восьмидесятые – это древние времена?

– Однажды я обращаю тебя в правильную веру, Иоаким. Готовься.

Иоаким Карлсен натянул шапку на глаза и демонстративно вздохнул. Вообще-то он гордился отцом, его мысли казались мальчишке забавными. Определенно, он классный папа, не такой, как у всех, и не только потому, что работает в полиции, просто его колесо истории остановилось примерно двадцать пять лет назад. Было сложно себе представить, что отец когда-нибудь покинет свои золотые восьмидесятые. Когда мальчик спросил у матери, почему они с отцом развелись, та тоже сказала что-то подобное.

– Мы переросли друг друга, – объяснила она, – то есть я-то выросла, а вот он – нет. Иоаким отлично понимал, о чем она. Ведь даже голубой

«вольво» был тем же самым, что и в 1985 году. Рино Карлсен давным-давно нашел самого себя и не видел необходимости в переменах.

– Я тебя у заправки высажу. Не знаю, когда попаду домой. У нас новое дело.

– Убийство, изнасилование или кто-то пописал в общественном месте?

– Дело, – повторил Рино Карлсен, останавливаясь.

– Ладно. Я друзей позову. Магнитола помучаем, – Иоаким вылез из машины и добавил, хлопая дверью: – П. Дидди!

Рино шутливо погрозил сыну кулаком. Иоаким в ответ сделал модное движение из хип-хопа, которое недавно стало его коронным. Именно благодаря сыну Рино и его бывшая жена получили после развода совместную опеку над ребенком. В общем и целом казалось, что он пережил развод без особых страданий и грусти, может быть, потому что сам развод прошел довольно спокойно. Им удалось избежать обычных споров и ссор, по крайней мере, до той, что случилась пару недель назад. Тогда жена прислала ему смску и попросила дать согласие на курс лечения «Риталином»^[2] для Иоакима. Он вскипел. Разрешить – значит согласиться с весьма спорным диагнозом, и тогда мальчика накормят наркотиком, действующим на центральную нервную систему. А ведь большинство родителей делают все, что в их силах, чтобы уберечь детей от подобного зла. Да, Иоакиму сложно вести себя спокойно, особенно в школе, но лечение, которое на практике заключается в том, что ребенка накачают наркотиками, – это, по меньшей мере, излишне. Рино сильнее сжал руль. Если Иоакиму для того, чтобы успокоиться, нужно покидаться в стену дисками Ронана Китинга, которого так любит его мать, пусть кидает. Согласия она не получит.

Через несколько минут Рино остановил машину возле больницы и поднялся в отделение. Он назвал свое имя медсестре, и его тут же проводили в кабинет.

Врач с внешностью подростка и манерами многоопытного врача взглянул на него с сомнением:

– Значит, вы...?

– Полицейский, – будто извиняясь, Рино развел руками и протянул ладонь для рукопожатия, – Рино Карлсен. Половина штаба занимается визитом министра. Поэтому я за дежурного.

Врач кивнул. Неужели этот мужчина в джинсах действительно сотрудник полиции?.. Затем врач взглянул на компьютер с такой озабоченностью, словно на жестком диске отражались все страдания пациентов:

– Прошу вас ограничиться самыми необходимыми вопросами. Даю вам десять минут. Пациент поступил в очень тяжелом состоянии, как психическом, так и физическом. У него множественные обморожения. Некоторые из них едва заметны, например, на лице, где кожа более устойчивая к повреждениям. Руки, наоборот, намного чувствительнее, чем принято считать. А обморожение в ледяной воде совершенно не похоже на то, которое бывает на ветру. Этому парню показалось, что он пережил самую страшную боль в своей жизни.

– Показалось?

– Да, пока кровь в замороженных артериях не отогрелась. Миллионы иголок впивались в нервные окончания.

Рино знал, каково это, когда замерзают руки. «Вольво» довольно капризно вел себя зимой.

– Вы хотя бы примерно представляете себе, сколько он просидел в ледяной воде?

– Слишком долго. Мы подозреваем необратимые поражения. В худшем случае речь может идти об ампутации, хотя пока, конечно, об этом рано говорить.

– Несколько часов?

– Определенно.

Полицейский почувствовал, как мороз пробежал у него по коже.

– Вы меня проводите?

– Да, и еще... При поступлении его состояние лучше всего можно было бы описать как психоз.

– А сейчас?

– Реакция адекватная, но ему нужно отойти от травмы, нельзя переживать ее заново. Как я уже говорил, не больше десяти минут.

Они долго петляли по коридорам, затем врач знаком приказал Рино остановиться и приоткрыл дверь палаты. Оттуда, кивком поприветствовав посетителей, вышла медсестра. Врач постучал по часам – мол, времени у тебя мало – и впустил Рино внутрь.

Спинка кровати была поднята, чтобы пациент мог находиться в полусидячем положении. На штативе, на высоте плеч, лежали забинтованные руки. Мужчина, которого, по данным полиции, звали Ким Олауссен, перевел на инспектора затуманенный взгляд.

Рино пододвинул стул к кровати и присел.

– Меня зовут Рино Карлсен. Я работаю в полицейском участке в городе. Не обращайтесь внимания на одежду, меня вызвали из дома.

Взгляд мужчины никак не изменился.

– Вы не против, если я задам пару вопросов?

Опять никакой реакции.

– Парень в белом халате дал мне всего десять минут. Если он в этом вопросе принципиален, у меня осталось девять. Можно, я перейду сразу к делу? Тогда начнем с самого простого: вы знаете, кто это сделал?

Губы мужчины задрожали, и с них сорвалось хриплое «нет».

Около трех лет назад в городе уже был подобный случай. Тогда, как и в этот раз, мужчину приковали к валуну под водой. Его похитили из собственного дома, на голову надели мешок, а на руки – наручники. Преступника до сих пор не нашли, и из всех нераскрытых дел, которые вел Рино, именно это беспокоило его больше всего. Когда ему сообщили о происшествии возле Ландегуде, он воспринял это как издевательское напоминание.

– Вы можете рассказать, что случилось?

Взгляд мужчины казался отсутствующим, поэтому Рино повторил вопрос.

– Меня ударили... – голос звучал слабо. Очевидно, пациенту давали много обезболивающих, – ...я как раз закрывал бар на ночь.

Рино подумал, что мужчине, наверное, трудно говорить. Отчаянно крича, он повредил связки.

– Где вы работаете?

– В «Подвале».

В самом злачном местечке Будё.

– Вы были один?

Медленный кивок и грустное выражение лица, как бы в подтверждение того, что на всем белом свете у него никого нет.

– Я убираю основную грязь перед приходом дневной смены.

Основную грязь. Перед глазами всплыла картинка: пьяные юноши и девушки без сознания валяются на полу.

– То есть преступник прятался в баре?

Олауссен немного помолчал и произнес:

– Наверное, да.

– Вы его видели?

– Я сразу вырубился.

– А когда очнулись?

Взгляд опять затуманился.

– Меня тошнило. К тому же, на голову мне что-то надели...

– Мешок?

Мужчина вздрогнул так, что кровать скрипнула. Несколько мгновений

он тяжело дышал, потом постепенно успокоился.

– Может быть... холщовый... я мог дышать.

– Но вы ничего не видели?

Мужчина кивнул.

– Их было несколько?

Утонувшее в подушке лицо мужчины формой напоминало грушу, а щеки слегка надулись.

– Только один.

– Точно?

Рино истолковал молчание как знак согласия.

– Что случилось дальше?

– Все было как в тумане... Думаю, я лежал в багажнике. Я смог нормально соображать, только когда он вытащил меня.

– Как он довез вас до острова?

– В каноэ.

Такого ответа полицейский не ожидал.

– В каноэ?

– Там было очень тесно. На меня что-то давило со всех сторон. Похоже, это было каноэ.

Рино подумал, что вряд ли жители острова обычно добираются до Ландегуде на каноэ, так что подобное не могло остаться незамеченным.

– Вы можете предположить, в какое время это произошло?

– Мы закрываемся в три. Так что, скорее всего, чуть раньше трех. До рассвета прошла вечность, по крайней мере, мне так показалось. Когда ты сидишь и думаешь о том, высоко ли поднимется вода... – мужчина снова вздрогнул. – Он развязал веревку и велел мне медленно считать до тысячи перед тем, как снять мешок. Я так и сделал. Считал медленно, а в это время в руки впивались сотни маленьких дьяволят. Я думаю, именно поэтому я не поддался на искушение считать быстрее. Я боялся того, что увижу, когда сниму мешок, – что он сделал с моими руками??? Я их не чувствовал. Только дикую боль...

Рино сжал кулаки.

– На скале рядом с тем местом, где вы сидели, обнаружен рисунок. Мы полагаем, что его оставил преступник.

Мужчина не ответил. Он смотрел прямо перед собой пустым стеклянным взглядом.

– На рисунке какие-то человечки, рисовал явно ребенок. В других обстоятельствах он не представлял бы особой ценности, но учитывая подобный акт садизма... – Рино наклонился ближе, – ...совершенно

очевидно, что он что-то означает. Как и тот способ, которым рисунок прикрепили к скале. Ведь проще всего было бы просто положить его на камень и прижать по углам более мелкими камушками, чтобы ветром не сдуло. А его приклеили к гладкой скале...

– Он хотел, чтобы я видел.

– Да, мы тоже так думаем. Вот только зачем?

– Этот рисунок стал для меня всем миром. Но, по правде говоря, я не знаю, ни кто это сделал, ни почему.

Рино не удивил такой ответ. Три года назад они тоже нашли рисунок с человечками, по всей видимости, такой же. Смысл послания остался загадкой и для жертвы, и для следователей. Несколько месяцев рисунок провисел на стене прямо перед глазами у Рино, но и он оказался бессилён.

– Посмотрите на подпись, – она тоже совпадала с подписью на первом рисунке, – инициалы Б.Д. в левом нижнем углу.

Мужчина с трудом покачал головой.

– Никаких догадок?

– Нет.

Дверь распахнулась, и вошла медсестра:

– Доктор Ватне Берг напоминает, что время вышло.

Рино очень захотелось отправить посылную обратно с таким ответом, чтобы доктора как ветром сдуло с пьедестала, но он сдержался.

Вместо этого он обратился к пациенту:

– Ничего, если мы побеседуем еще пять минут? Очень прошу. Как вы, наверное, помните из школьных времен, учитель, приходящий на замену, всегда очень добрый. И я именно такой учитель.

Мужчина кивнул.

– Попросите доктора обнулить счетчик, – Рино широко улыбнулся медсестре. По его опыту, подобная улыбка растапливала даже самые холодные сердца.

– Я буду краток. Обычно, если какие-то органы чувств, в нашем случае зрение, выключаются, обостряются другие, чтобы компенсировать утрату. И человек невольно замечает то, на что в других обстоятельствах не обратил бы внимания. К чему я веду – скорее всего, о преступнике вам что-то известно, но сами вы, возможно, этого не осознаете. Может быть, от него исходил какой-то особый запах. Или по его движениям, когда он нес вас или поднимал, можно установить его рост. Интонация, с которой он говорил, особенности речи, диалект – все это очень важно.

– Он был сильным.

– Хорошо.

– Очень сильным.
– Ясно. Почему вы так решили?
– Пока он меня... *приковывал*, он почти все время удерживал меня одной рукой.

Инспектор почувствовал первые проблески надежды.

– Еще я сопротивлялся и наткнулся на что-то вроде резины. Скорее всего, дождевик или что-то такое... – пострадавший сглотнул. – Я испугался, что он меня утопит.

Рино вдруг почувствовал отголоски смертельного ужаса, который довелось пережить этому человеку. Сам инспектор был очень смелым и спокойным, но единственное, чего он действительно боялся, – это утонуть. Смерть как таковая не пугала его (конечно, при условии, что она подождет еще лет 50), и обстоятельства, при которых он умрет, – тоже. Только не утонуть... Когда рот наполняется водой...

– Он кое-что сказал... Прошептал мне в ухо...

– Что?

– Что-то про право.

– Право?

– Право талона... талиона... что-то в этом роде.

Рино подумал о том, что нужно позвонить другу-адвокату. Если эти слова имеют отношение к правосудию, тот может знать, что они означают.

– Все, не буду больше вас мучить, но, если что-нибудь вспомните, пожалуйста, сразу же звоните. Хорошо?

Нижняя губа опять задрожала. Рано или поздно обида прорвется наружу, и он расплачется.

– Я умолял и угрожал, плакал и проклинал его, но его ничто не трогало. Он приковал меня, бросил меня там... в лицо мне дул ветер, но я кричал, орал ему вслед, что он ошибся, взял не того человека, перепутал имя, мое и моих родителей... но его уже не было!

Рино поднялся. Он почувствовал, что унижений для несчастного достаточно. Было ясно одно. Кто-то когда-то посеял зерно ненависти. Ненависть никогда не вырастает на пустом месте. Когда он закрывал за собой дверь палаты, в голове запоздалым эхом отозвались строчки старой песни: «Зло шагает...»

* * *

На рисунке было восемь человечков разного размера, самый большой

– в левом углу. Линии сверху и снизу рисунка, очевидно, показывали, что люди находились в комнате. Мебели в этой комнате не было, только прямоугольное окно или, как предположил кто-то из сотрудников, школьная доска. Фигурки были нарисованы очень просто, так что пол или возраст человечков определить не удавалось. Одни фигурки были повернуты друг к другу, другие стояли отдельно. В левом нижнем углу – инициалы Б.Д.

На корабле «Нурфолда» Рино направлялся на остров Ландегуде. Он разглядывал копию рисунка. Оригинал отправили в лабораторию, но Рино сомневался, что они найдут какие-нибудь другие отпечатки пальцев помимо тех, что обнаружили сразу. Тот, первый рисунок, в свое время проверили очень тщательно, однако расследованию это не помогло.

Он допил кока-колу из бутылки, зевнул, достал жвачку и отправил ее в рот. Во время всего пути мимо его стола постоянно носились двое мальчишек, и сосредоточиться не получалось... Очевидно, их внимание привлекла его полицейская форма, к тому же во время посадки он дружелюбно улыбнулся им. И получается, допустил ошибку.

Корабль замедлил ход, а голос в громкоговорителе сообщил, что они пристают в Ландегуде. Он свернул рисунок, положил его в карман, подождал, пока самые нетерпеливые пассажиры выберутся на палубу, и поднялся следом.

Ветер был намного холоднее, чем в городе, и инспектор вспомнил беднягу, несколько часов просидевшего на пронизывающем ветру, опустив руки в ледяную воду. Похоже, врач не преувеличивал, когда описывал боль, которую тот испытал.

Гулкий звук, раздавшийся во время спуска по трапу, напомнил ему, что он забыл переодеть старые сабо. Они не очень подходили к форме, но теперь уже ничего не поделаешь.

На причале стояли восемь человек, и среди них – бывший смотритель маяка. Сейчас ему было около восьмидесяти, а на маяке он прожил с начала шестидесятых и до 1993, когда маяк заменили на автоматический... У старика были четкие черты лица, яркий румянец, глубокие, но редкие морщины и седые волосы цвета летнего дня в Северной Норвегии.

– Антон Седениуссен, – ладонь его по размеру могла сравниться с небольшой черепахой, а при приветствии руку Рино сжали тиски из плоти и крови. – Это я освободил того парня.

«Причем, похоже, голыми руками», – не удержался от мысли Рино, пытаясь выволить руку из плена.

– Видать, злопамятный парень...

– Что, простите?

– Большинство из нас в порыве ярости мечтают оторвать обидчику голову. Но вот осуществить...

– Мы не всегда можем понять, о чем думал преступник.

– Ну да, ну да, – хмыкнул старик, – я иногда и сам себя-то не понимаю.

Рино огляделся. Дорога, построенная только в девяносто четвертом, причем на первый взгляд – инженером-выпивохой, вдохновила многих жителей острова на покупку автомобиля.

– Пожалуйста, садитесь, – Седениуссен показал рукой на старенький «мерседес». – Машина почти двадцать лет простояла в городе. А теперь ноги мои подали заявление об отставке. Вот она и пригодилась.

Старик сел практически на пол. При росте метр восемьдесят пять Рино был выше среднего, однако, сев, почти уткнулся в переднюю панель. Старик пододвинул сиденье, наклонился к рулю, и «мерседес» рванул вперед.

– Она несется, как перезрелая вдова моряка. А ведь у нее внутри никогда никто не копался.

Рино взглянул на счетчик километража. Всего сорок тысяч километров. За тридцать с небольшим лет! И впрямь неудивительно, что ноги старика затащили свою последнюю песню. Попользовался он ими на славу.

– У нас есть основания предполагать, что жертву привезли сюда на каноэ. Среди ночи.

– На каноэ? – Машина дернулась.

– Дорога туда и обратно, и еще нужно было приковать жертву – на все это ушло самое меньшее пара часов. Значит, есть надежда, что кто-нибудь успел хоть что-то заметить.

Старик свернул на небольшую дорожку и остановил машину.

– Вчера вечером я сидел у себя на маяке. Замок все тот же, ключ у меня никто не забрал. Я туда иногда прихожу погрустить. После того, как жена умерла... понимаете, я ведь полжизни провел на этом холме.

Рино понимающе кивнул, хотя сам никогда еще не испытывал подобных чувств.

– Скажите, вы когда-нибудь бывали внутри маяка?

– Нет.

– Хорошо. А то бы вы не поняли. Большинство ведь заберутся на башню, побродят там минут десять-пятнадцать, полюбуются видом и сразу вниз. А нужно провести там хотя бы сутки. Увидеть, как день сменяется ночью, как зарождается новый день.

– Другими словами, это местечко для терпеливых?

Старик криво ухмыльнулся и обнажил изъеденные табаком зубы.

– Расслабьтесь. Не по мне это – всякую суеверную чушь нести. Просто, посидев там, меняешься. Начинаешь чувствовать себя одновременно и незначительным, и могущественным. Понимаешь внезапно, что все, что представлялось тебе неизменным, на самом деле постоянно меняется, и ты волей-неволей становишься частью этих перемен. Звучит невесело, да?

– Ну да.

– Ну да... Поэтому-то я и прихожу сюда день за днем. Вот и вчера тоже был тут. Но каное... Мои глаза много чего видали, но требовать от них, чтобы они разглядели мелкую щепку посреди океана, – это уж слишком, – старик махнул рукой, – А ночь была темная, как страсть пасторской жены, – он опять криво ухмыльнулся, будто вспомнил о своем личном опыте. – Пойдемте посмотрим? Это здесь внизу, за валунами.

Сначала они шли по низине, и, сделав пару неловких шагов, Рино насквозь промочил ноги. Скалы и валуны были похожи на вышедших на дозор воинов, заслонивших собой побережье. Старик почесал свою потрепанную шерстяную шапку и шагнул на самый большой камень.

– Вы там осторожнее, зеленый мох очень скользкий... Черт подери! У вас что, деревянная подошва?

– Я забыл переобуться.

– Ну вы даете! Ну ладно, мы уже пришли.

Наконец они добрались до расщелины, на которую указал смотритель маяка.

– Вот здесь он и сидел, – старик тяжело дышал, – вот на этом камне.

Рино увидел лишь несколько маленьких круглых камней, а потом вдруг до него дошло, что старик показывал на большой камень под водой.

– Сейчас прилив. Во время отлива вода ниже камня. Вот там он и стоял на коленях, как будто из волн на него грозно смотрел Создатель. Я знаю, каково это, – отморозить пальцы до бесчувствия, но этот случай... кто же так адски жесток?

– Именно это я и пытаюсь выяснить.

– Найдите его. Такой дьявол не должен разгуливать на свободе.

Они спустились вниз.

– Ко мне прибежал парнишка и сказал, что здесь прикован к камню под водой какой-то человек. К счастью, я ему поверил, взял с собой самые большие кусачки, ими можно перекусить цепи шириной в палец. Цепь, которой его приковали, была примерно в сантиметр толщиной. Пара

движений – и бедняга был свободен. Но от холода он словно с катушек съехал.

Рино снял носки, закатал брючины и шагнул в воду. От холода у него перехватило дыхание. Показалось, что сотни маленьких иголочек впились в ступни.

– Холодно? – Седениуссен насмешливо наморщил нос.

Рино неподвижно постоял, дождался, пока утихнет пульсирующая боль, и двинулся вокруг камня. На дне лежала полуметровая цепь, которая была прикреплена к штырю с кольцом, торчавшему из камня в расщелине.

– Поработал он на славу. Штырь вбит намертво, – старик сплюнул.

– То есть раньше этого штыря здесь не было?

– Если бы он здесь проторчал хотя бы пару недель, вы бы это заметили. Соленая вода почти все разъедает.

– То есть получается, что он вбивал этот штырь в ту же самую ночь?

Старик пожал плечами:

– По крайней мере, незадолго до того.

Два ночных визита удваивали надежду на то, что преступника кто-нибудь заметил. Но Рино не сомневался, что преступник вбил штырь, пока смертельно испуганная жертва сидела с мешком на голове. Ужас, очевидно, был одним из элементов наказания.

– Он что-нибудь говорил?

Старик задумался.

– Притопленные котята вообще-то не слишком разговорчивы. Что он мог сказать? Как я уже говорил, было похоже, что он не в себе. К тому же, он дрожал как желе из трески. Скорее, он нечленораздельно стонал.

– Ничего осмысленного?

– *Помогите*. Это было осмысленно. И именно это я и сделал – помог ему как мог.

– И никаких зацепок о том, кто или почему?

– Ничего такого, о чем я мог бы догадаться.

Рино вышел на берег и сел на камень. Казалось, ног у него больше не было.

– Эти мальчишки, о которых вы говорили... Вы мне покажете, где они живут?

– Я могу вас подвезти, если хотите.

Осторожно засунув ноги в сабо, Рино положил носки в карман и огляделся. Никаких зданий за камнями видно не было. Только горы и океан.

– Кстати, странное совпадение... – Седениуссен почесал розовую мочку уха.

- Что?
- Вы ведь родом из города?
- Родился и вырос в Будё.
- Значит, вы слышали о крушениях «Хуртигрутен»?^[3]

Рино кивнул.

– Первое случилось в 1924 году. Два судна «Хуртигрутен» столкнулись в шести милях от Ландегуде. Тогда погибли всего семнадцать человек. В 1940 было намного хуже. Судно «Принцесса Рагнхильд» шло на север. Недалеко отсюда, во фьорде, на нем произошел взрыв, и оно затонуло. Причину взрыва так и не определили, однако все указывает на то, что корабль напоролся на подводную мину. Три сотни погибших. Тех, кто выжил, подобрала наша лодка. На следующее утро, когда начали искать тела погибших и остатки корабля, на этом самом месте нашли одного из поварят. Это было в октябре. Никто не может выдержать больше получаса в ледяной воде. Но именно этот парень выжил. Выжил вопреки всему.

Глава 4

Бергланд

Лучи утреннего солнца пробивались в окно и отражались в блестящих черно-белых полицейских «фольксвагенах». Сотрудник полиции Никлас Хултин с восхищением разглядывал модель машины, которая стояла на полке его коллеги между кубками за успехи в стрельбе и стопкой старых бумаг.

– Это ведь наш старый помощник Пелле?

– Ага. Полицейский автомобиль Пелле собственной персоной. Мне его подарили однажды в связи с одним дельцем. Как-то даже неправильно убирать его с полки. Классный, правда?

– Даже обидно за полицейское братство.

– Добро пожаловать в мир украденных великов!

– Да уж, я подумал о том же, когда мы решили сюда переехать.

Уже несколько лет супруга Никласа, Карианне, потихоньку потихоньку закидывала удочку. Сначала на север ее позвали корни. Потом совесть напомнила ей о больном отце. Поэтому, когда Никлас получил анонимку с вырезанным из газеты «Нурланд» объявлением о вакансии в полицейском участке Бергланда, выбора у него уже не было. Иногда ему казалось, что письмо отправил ее отец. Карианне спросила у отца напрямую, и, хотя тот все отрицал, выбор был сделан.

Никлас отработал здесь уже несколько недель, и пока работа напоминала сводки из мира автомобилей Пелле: один взлом, одна чересчур бурная вечеринка, а сегодня ночью еще один взлом, на этот раз у полицейского, который сидел прямо перед ним.

– Уверен, что ничего не пропало?

Амунд Линд без особого интереса пожал плечами. Нельзя сказать, что годы на него не повлияли. Линду исполнилось сорок семь, и, хотя он был далеко не развалюхой, в нем явно начало пробиваться что-то стариковское. Заостренные черты лица и увеличивающаяся лысина лишь усиливали это впечатление. Кожа на ладонях и на шее покраснела и покрылась пятнами – видимо, Линд страдал псориазом.

– У тебя есть гараж, Никлас?

– Был.

– Тогда ты представляешь себе, как они выглядят, если ты, конечно, не

фанатичный любитель порядка. Миллионы всяких ненужных вещей втиснуты на двенадцать квадратных метров. Если кто-то и возьмет что-то из этой кучи хлама... – Линд махнул рукой. – Честно говоря, я понятия не имею, пропало ли что-нибудь. Даже если и так, то я должен им спасибо сказать. Мне ничего из этого не нужно. Вот только второй взлом за последние три дня – это уж совсем ни в какие ворота. Я надеюсь, это не начало волны взломов.

– Не волнуйся понапрасну. – Никлас проработал четырнадцать лет в полиции Осло, поэтому криминальная обстановка в Бергланде казалась ему весьма очаровательной.

– Вполне возможно. Но такое случалось и раньше, – Линд взял скрепку и почесал ей шею. – Это было еще до меня, но люди до сих пор вспоминают то лето. Почти ко всем жителям ночью кто-то вламывался. Преступника так и не поймали. Самое удивительное, что он ничего не брал. То есть кто-то просто ради забавы вскрывал чужие дома, устраивал там разгром, а потом незаметно исчезал.

– Похоже, он что-то искал.

– Да, видимо, так. Но взломы прекратились, значит, преступник нашел то, что искал.

– Как насчет ночного происшествия? Ты будешь о нем заявлять? Или надеешься, что на этом все прекратится?

– Подам заявление и сразу закрою дело.

– Весьма эффективное делопроизводство.

– Еще бы.

– Я даже не понимаю, почему мне здесь доплачивают за риск.

– Единственное, чем рискуешь, это умереть со скуки, хотя у нас тут есть оригиналы, не дающие совсем скиснуть.

Никлас вполне мог прожить без того, что формально называется «драйвом», а на деле подразумевает передозировку наркотиков, убийства и семейные трагедии.

– Почему ты стал полицейским? – спросил он, прекрасно зная, что сам выбрал эту профессию чисто случайно.

– Чтобы помогать людям... – Линд углубился в стопку бумаг. Никлас понял, что тот не станет болтать о том, что считает своей жизненной миссией. Он решил оставить эту тему и взглянул на часы. Через час ему нужно было ехать в школу и беседовать с детьми о том, что пора прикреплять светоотражатели к своей одежде, потому что по вечерам уже совсем темно. Он взглянул на полку коллеги и на куклу возле стены. Нашедшая ее женщина настаивала на том, чтобы оставить ее на хранение в

полиции, не только на тот случай, если найдется ее владелец, но и потому, что была уверена: кукла что-то означает. Линд сомневался, но ничего не сказал, просто забрал куклу и поместил ее на полку рядом с полицейской машинкой.

– А по поводу куклы есть какие-нибудь соображения?

Линд потянулся:

– Кто-нибудь из детей потерял. Или, может, у кого-то крыша поехала. В любом случае, кому-то нравится кидать в море старых кукол, и, насколько я знаю, подобное пока не является преступлением, хотя некоторые особо впечатлительные дамы и пугаются.

– Да, она была несколько обеспокоена.

– По-моему, даже слишком. Но я оставлю куклу здесь, – Линд развернул кресло на 180 градусов. – Как там твоя прекрасная половина? Рада, что вернулась в родной город? Ей нравится?

Никлас пожал плечами:

– Похоже на то. Но пока ей довольно скучно. Работа ведь здесь не растет на дереве.

– Что-нибудь найдется. Так всегда бывает, – Линд выглянул из окна и демонстративно вздохнул. – А вот и он.

Никлас вытянул шею и увидел, что к ним твердыми шагами приближается местная знаменитость. Это был Бродяга, человек, который целыми днями копался в земле, изучая метр за метром в выбранном направлении, и каждую неделю предоставлял подробный отчет в полицейский участок.

– Нужно подыгрывать. Ничего не объясняй и не подшучивай над ним. А то хуже будет.

Никлас услышал в коридоре какой-то шум, потом в дверь настойчиво постучали.

– Да-да, войдите, – строго сказал Линд.

В комнату вошел человек лет пятидесяти со старой лопатой в руках. Широкий резиновый полукомбинезон болтался на его худощавом теле, а к ботинкам прилипли комочки сухой земли. Лоснящиеся от пота волосы лежали гладко – было видно, что он усердно поработал. Об этом свидетельствовал и запах, мгновенно заполнивший комнату. Отдышавшись, мужчина махнул свободной рукой.

– Корнелиуссен, – пробормотал он.

Никлас понял, посетитель спрашивает о его предшественнике – табличку на двери еще не успели сменить.

– Корнелиуссен на больничном, – серьезно ответил Линд, – а это

Никлас Хултин, он его замещает.

Мужчина скептически оглядел Никласа, по его взгляду можно было подумать, что он считает Корнелиуссена незаменимым. В близко посаженных глазах сквозила усталость, а манера держаться усиливала впечатление одержимости.

– Семнадцать квадратов, – сказал он и повернулся.

– И ничего не нашел?

Бродяга покачал головой.

– Ну, хоть с погодой повезло.

– Сегодня-то да.

– Можно сделать перерыв, когда такой ветрище с юго-запада.

Бродяга опустил глаза и грустно покачал головой.

– Погода для зубных врачей... – пробормотал он.

Линд улыбнулся и переглянулся с коллегой.

– Точно подмечено. Дождь – это погода для зубных врачей. Поэтому я сижу под крышей и без особой необходимости носа на улицу не показываю.

– Сейчас есть.

– Что?

– Есть такая необходимость.

Линд собрался было возразить, но в последний момент передумал:

– Понимаю.

– Я дойду до горного болота до заморозков.

– Отлично.

Бродяга быстро взглянул на сменщика Корнелиуссена:

– Я высчитал.

– Что ты высчитал? – Не понял Линд.

– Я проживу до шестидесяти.

– Да ну?

– К этому времени я доберусь до лужайки возле пляжа.

Линд с пониманием кивнул.

– Но я найду ее раньше.

– Буду держать за тебя кулаки.

Мужчина сильнее сжал рукоятку лопаты. Костяшки пальцев побелели, а мышцы под рубашкой напряглись.

– Много камней, – сказал он, вытирая капельки со лба. – Дело движется медленно. Мне нужна помощь.

– Мы об этом уже говорили.

– Она где-то здесь.

Посетитель заинтересовал Никласа. Коллеги предупреждали его о странных визитах Бродяги и о том, что он целыми днями копает землю, но никто ни разу не обмолвился о том, зачем он это делает.

– Иди домой, Конрад.

Мужчина опять вытер пот.

– Семнадцать метров, понимаешь?

– Я записал.

Бродяга открыл дверь.

– Она где-то здесь, – повторил он и исчез за дверью.

Линд скривился и открыл окно:

– Пора проветрить.

– Что это было?

– Добро пожаловать в Бергланд! Везде есть свои сумасшедшие.

Бродяга – наш.

Никлас с жадностью вдохнул свежий воздух:

– Он каждый день копает?

– Каждый божий день.

– И ему не помогают?

– С чем?

– А разве не очевидно?

– Бродяга, конечно, звезд с неба не хватает, и никому не мешает. Он живет один и вполне справляется. Как ты только что понял, гигиена – не самая сильная его сторона, но, несмотря ни на что, он копает каждый день. Не знаю уж, сколько лопат он сменил за это время. К тому же, он безвреден и вполне отдает себе отчет в том, что делает. Это смысл его жизни – вывернуть наизнанку кусок земли в Нимарке примерно в 6 км в диагонали... – Линд поднял вверх указательный палец, – ...включая пляж в Стурволлене. Причем буквально наизнанку – он копает на глубину минимум в полметра. Местами даже глубже. Не пропускает ни одного квадрата, ну разве что наткнется на скалу. Конечно, эту проблему поднимали сотни раз – не нужно ли вмешаться, может быть, даже запретить ему ездить в горы, – Линд пожал плечами. – С ним разговаривали мы, полицейские. С ним разговаривали мэр и социальные службы. Бесполезно. И, сказать по правде, он ведь закапывает все обратно, складывает раскопанные кусочки обратно, как в гигантском пазле.

– Что он ищет?

Линд поднялся и подошел к окну, посмотрел, как Бродяга пересек улицу и вышел в поле.

– Это грустная история, может быть, именно из-за нее никто здесь над

ним не смеется. Большинство думают о своем, тихо качают головой, но никто не смеется. Слишком уж сильна его боль.

Никлас проникся сочувствием к бедолаге, который изо всех сил выполнял свою главную жизненную задачу. Он взглянул в окно: Бродяга завернул за небольшой валун и исчез.

– Двадцать пять лет назад бесследно пропала его сестра. Она вышла из дома в Нихолме, и с тех пор ее никто не видел. Она собиралась спуститься к морю в Стурволлене примерно в семи километрах от дома. Ей было лет четырнадцать-пятнадцать. К сожалению, поиски начали только через два дня, я так до конца и не понимаю почему. Семья была бедной, может, они слишком поздно обратились в полицию, а возможно, им не сразу поверили. Дело не в этом. Весь район прочесали вдоль и поперек, но девушка как сквозь землю провалилась. Семья, конечно, жила надеждой, что рано или поздно она найдется, но не прошло и месяца, как ее брат принялся без устали бродить взад и вперед по этому же участку. Отсюда и прозвище. Только когда он начал копать, все поняли: он решил, что сестру убили, – Линд провел рукой по волосам, которых с возрастом явно поубавилось. – Думаю, сначала все считали, что девушка упала со скалы или попала в расщелину, но тела не нашли, и поползли слухи, что она просто-напросто сбежала из своей неблагополучной семьи. И если это действительно так, я хорошо понимаю, почему она предпочитает оставаться пропавшей без вести. Ведь куда ей возвращаться? Родители умерли, брат превратился в копающего зомби, а сестра, старшая из всех детей, вообще умственно отсталая. Она живет неподалеку, за ней присматривают сиделки.

– Ну и история... – Никлас чувствовал, как рассыпается миф о деревеньке без криминала.

– Прежде всего это грустная история, история, которая не закончится, пока не умрет Бродяга.

Глава 5

Будё

Рино Карлсен склонился над схемой расследования. Деталей в ней пока было немного. Рассказ мальчиков, очень живой и красочный, почти ничего не добавил к уже известным инспектору фактам. Пока самый большой интерес представляло именно место преступления, в свою схему Рино добавил крушение круизного корабля «Хуртигрутен» в 1940 году, но поставил его в скобки.

Взгляд снова и снова возвращался к кокосовому печенью и бутылке кока-колы, которые он предусмотрительно отодвинул на угол стола. Это называлось «стратегия от обратного». «Убейте сахар, пока сахар не убил вас». Если верить приложениям о здоровом образе жизни в различных журналах, этот метод борьбы с лишним весом был самым действенным. Пока Рино чувствовал только нарастающее посасывание в пустом желудке.

Инспектор уже готов был сдать, но тут в кабинет заглянула Сельма, незаменимый мастер-на-все-руки полицейского управления:

– Дьявол сорвался с поводка!

Рино вопросительно взглянул на нее.

– Только что звонил грузчик с причала Амундсена. Похоже, кого-то попытались сжечь живьем.

У инспектора перехватило дыхание.

– Скорая уже там.

– Сжечь живьем? – Рино стащил куртку со спинки стула.

– Именно так он и сказал.

Рино встал, рефлекторно схватил печенье:

– Имя грузчика?

– Велле.

– Угу.

– Хагбард.

Рино жестом чокнулся с Сельмой и откусил печенье:

– Выезжаю.

– Тебе вся эта суета никогда не надоедает?

– Вообще-то нет.

Закатив глаза, Сельма покачала головой и отошла в сторону, пропуская Рино.

– Советую начать с больницы. Если все действительно так плохо, как говорит грузчик, на месте они мало что смогут сделать. Беднягу отправят в Хаукеланд.

– Сельма, ты гений! Я когда-нибудь говорил тебе это?

– Тысячу раз.

– Эх, был бы я лет на 10 старше...

– То есть была бы я лет на десять моложе?

– А разве это не одно и то же?

– Иди уже. Лучше медсестру там очаруй.

– Сельма, верь в меня, – пропел он голосом, который был ничуть не лучше хрипа в автомобильной магнитоле.

Рино сразу отправился в реанимацию; в приемном отделении на страже сидела дородная матрона пенсионного возраста. Весьма верное стратегическое решение: строгий взгляд, тесная униформа, облежавшая каждый бугор жира на ее теле так, что она напоминала сосиску, отрицали саму возможность нарушения правил. Шарм здесь бессилен, поэтому Рино честно попросил разрешения поговорить с лечащим врачом ожогового пациента.

– Вы находитесь в отделении реанимации. Это означает, что пациентом занимаются врачи... прямо сейчас, – казалось, глухой гнусавый звук доносится прямо из носа.

Он попытался улыбнуться ей, но женщина уже отвела взгляд.

– Присаживайтесь. Я посмотрю, что смогу сделать.

Изнывая от нетерпения, он прождал около четверти часа, а потом, наконец, к нему подошел врач.

– Пациент находится в состоянии болевого шока, ему дают внутривенные обезболивающие. Мы готовим его к транспортировке в больницу Хаукеланд.

– Можно с ним немного поговорить?

Врачом оказалась девушка, которой на вид было не больше тридцати лет, но выглядела она очень строго.

– Уточняю еще раз: у пациента сильный болевой шок, к тому же он под действием препаратов. Было бы безответственно с моей стороны...

– В любом расследовании очень важно начать как можно раньше. Если его перевезут до того, как мы с ним побеседуем, мы потеряем сутки, а то и больше. И все закончится тем, что полицейскому в Бергене придется провести, мягко говоря, не самый приятный допрос. Десять минут сейчас могут стать решающими.

Он увидел, что его слова заставили врача с лицом цвета больничных

стен засомневаться. Женщина засунула руки глубоко в карманы халата и продолжала стоять, в раздумье перебирая связку ключей.

– Я узнаю. Подождите здесь.

Через пару минут она вернулась.

– Его увезут примерно через полчаса. У вас несколько минут.

Когда он зашел в палату, сладкий, тошнотворный запах едва не сбил его с ног. Пострадавший лежал на кушетке, его рука была поднята на передвижной столик для манипуляций, скрытый от глаз пациента ширмой. Медсестра заканчивала перевязку. Из-под бинта выглядывали лишь кончики пальцев, частично прикрытые фольгой.

Медсестра вопросительно взглянула на инспектора, закончила процедуру и вышла из комнаты вместе с врачом.

Рино сел на табуретку и пододвинулся к пациенту.

– Можно задать вам пару вопросов?

Пострадавший, мужчина лет тридцати, скептически оглядел его и кивнул. Взгляд был затуманенным, Рино подумал, что это наверняка результат действия обезболивающих.

– Я буду очень краток, – он наклонился ниже, хотя от запаха ему хотелось убежать подальше. – Можете в общих чертах рассказать, что случилось?

Лицо мужчины, на котором, казалось, застыла маска удивления, искажилось от боли:

– Это... – он кивнул в сторону ширмы.

– Пожалуйста, немного подробнее...

– Я не знаю, – Слова звучали отрывисто.

– Не знаете?

– Черт возьми, не имею ни малейшего представления, за что мне все это.

– Понимаю.

– Проклятье! – Мужчина несколько раз всхлипнул, плотно стиснув зубы.

Кому адресовалось проклятье – ему или преступнику, – Рино не понял.

Мужчина тяжело дышал.

– Я наблюдал за парой куропаток, точнее, пытался установить, были ли эти две птицы парой.

Рино взглянул на капельницу с обезболивающим – не слишком ли большую дозу ему колют? Уколы, подавляющие мозговые импульсы, временно изменяют восприятие действительности. Он подумал об Иоакиме. Кулаки непроизвольно сжались.

– Вдруг что-то взорвалось. Бинокль упал, а я почувствовал во рту какую-то гадость. Я все еще чувствую этот отвратительный запах тряпки, которую он прижал к моему лицу. Запах камфоры и мочи. Больше я ничего не помню.

– До какого момента?

Мужчина поморщился и отвернулся от ширмы.

– До того, как почувствовал, что меня швырнули на землю, как какой-то кусок мяса. Пахло креозотом и смолой, поэтому я понял, что меня привезли на причал.

«Преступник не упускает своих шансов», – подумал Рино, и у него затеплилась надежда, что могут быть свидетели:

– Эта пара куропаток... Где конкретно вы находились в тот момент?

– У озера в долине Будёмарка.

– Вы там часто бываете?

Во взгляде пострадавшего читался немой вопрос: какое это вообще имеет отношение к делу?

– Иногда.

Значит, преступник знал, где его ждать.

– Вас привезли на причал...

– Сначала я подумал, что он посадит меня в лодку. Вместо этого он опустил меня на землю возле одного из доков и привязал к лестнице... – Из-за новой дозы лекарства взгляд пациента затуманился еще сильнее. – Потом я опять потерял сознание и очнулся уже, когда моя рука горела.

Рино опять почувствовал запах горелой плоти.

Пациент, всхлипнув, вздохнул.

– Мне понадобилось время, чтобы поверить в происходящее... Что я и впрямь сижу на цементном полу, а моя рука привязана к чертовой электропечке.

Конечно, инспектор уже заметил контраст между ледяной водой в первом случае и обжигающим жаром во втором, это наводило его на мысли, которых он старался избегать. – Вы не знаете, кто это сделал?

– Поверьте, если бы я знал...

– И никаких даже смутных догадок?

Мужчина снова попытался удивиться:

– Да разве на такое вообще бывают причины?

– В вашем и в моем мире – нет. В дьявольском преступном мире – определенно да. В нашем случае мы говорим о хорошо спланированном преступлении. А значит, кто-то считает, что у него есть причина.

По выражению лица пациента было понятно, что уровень

обезболивающих опять достиг максимума:

– То есть, по-вашему...

– У вас есть враги. По крайней мере, один. Если криминалисты не нароют больше, чем обычно, нам придется надеяться, что вы скажете нам имя.

– Боже мой!

– Начните с голоса.

– Он не сказал ни слова.

– Может, прошептал? – молчание Рино посчитал отрицательным ответом. – Он не оставлял никаких рисунков так, чтобы вы их видели?

На секунду мужчина удивился осведомленности полицейского:

– Восемь дурацких человечков... Он прилепил рисунок к стене.

– Рисунок вам о чем-нибудь говорит?

– А?

– Он положил вашу руку на электропечку, а прямо перед носом повесил рисунок. Вам не приходило в голову, что здесь есть какой-то умысел?

Мужчина почти плакал.

– Никаких мыслей?

Пациент снова поморщился, но тут распахнулась дверь, в палату зашла медсестра:

– Мы готовы к транспортировке.

Рино поднял палец, но сестра не обратила внимания на предостережение и знаками попросила его не мешать. Инспектор встал.

– Следователь из полиции Бергена свяжется с вами. Если о чем-нибудь вспомните...

Сестра села на табурет спиной к инспектору и начала бинтовать руку.

– На нем были резиновые перчатки. Или, может быть, какой-то костюм для подводного плавания.

* * *

Причал Амундсена построили после войны, он состоял из пяти зданий на трех уровнях: три строения недавно отремонтировали, с двух других кусками осыпалась оранжевая краска. На причале, прислонившись спиной к лоткам для свежей рыбы, сидели двое рабочих. Те, кого Сельма посчитала грузчиками, были, скорее, плотниками, работавшими над возрождением этих домов с привидениями. Устройство самого причала позволило бы ему

выдержать шторм судного дня: деревянные сваи толщиной с нефтяные бочки и такой надежный настил, что не сгнил бы и за столетия. На якоре возле пирса стояло несколько небольших суденышек: новый хозяин, видимо, решил возобновить прием рыбы.

Завидев Рино, один из плотников встал и принялся судорожно поправлять инструменты на поясе, ему явно было не по себе. Шок от происшествия, по всей видимости, убил желание работать, а может, Сельма попросила его прервать работу и дождаться инспектора.

– Велле?

– Это я, – веснушчатый рыжеволосый парень, похожий на чистокровного ирландца, еще раз убедился в том, что молоток надежно сидит в кармашке, и неуверенно протянул руку.

– Вы обнаружили пострадавшего?

– Да, в подвале одного из зданий.

– Вы делаете ремонт?

– Да, почти закончили. Я слышал крики.

– Когда это случилось?

Плотник переглянулся с напарником:

– Мы начинаем в восемь. Я пришел немного раньше. Где-то без десяти.

Рино огляделся. Ближайшее здание находилось метрах в ста.

– Не покажете, где именно вы его нашли?

Плотник направился к одному из разрушенных строений, открыл косо висящую дверь и пропустил вперед инспектора. Пахло сыростью и гнилью, как в старом подвале, к этому запаху примешивалась вонь от горелого мяса. На первом этаже стоял только десяток лотков для рыбы и штабель стройматериалов.

– Это здесь, внизу.

Люк в полу был открыт, и чем ниже они спускались, тем невыносимее становилась вонь. Низкий потолок в подвале не позволял разогнуться, стены были обшиты грубыми досками, а на цементном полу виднелись лужи. Рыжеволосый сопровождающий направился в соседнее помещение, дверь туда была закрыта. Он распахнул дверь, отвратительный запах усилился. Рино сразу же заметил, что доски на стенах почернели от сажи, будто от пожара. Потом он увидел электропечку, вещь из семидесятых, ее красная раскаленная спираль источала жар. У дедушки Рино была такая печка, в детстве инспектор частенько испытывал себя, дотрагиваясь до нее ногой. От печки по всему помещению шла труба. На полу лежали остатки темного стального троса.

- Я его освободил.
- Он был привязан к трубе?
- Да, от ладони до локтя. А вторая рука была привязана за спиной.

Рино представил себе эту картину. Наверняка уже само положение тела причиняло пострадавшему боль. К тому же, привязав руку жертвы к трубе, преступник смог поближе придвинуть печку.

- Печь стояла совсем близко?
- Где-то в пяти сантиметрах. Он буквально жарился на ней.

Рино обернулся и увидел рисунок, прикрепленный к стене в полуметре от пола.

Прямо на уровне лица. Фигурки те же самые. И подпись тоже.

- Дыма было много?

Плотник задумался.

– М-да, дым был. Я действовал инстинктивно, выключил печку и освободил его руку, а потом бросился звонить в скорую. Здесь мобильники плохо берут.

- А стены поэтому обгорели?

– Стены? Да нет, это, наверное, от пожара. Он случился в шестидесятые. Здание нужно было частично отремонтировать. Потолочные балки от пожара не пострадали, видите?

Действительно, потолок был чистым.

– Страшно представить, что могло случиться, если бы все это произошло вчера, – плотник провел рукой по волосам, но те опять приняли ту же беспорядочную форму. – Я ходил к зубному. А Ингар, мой напарник, обычно опаздывает минут на пятнадцать. Еще пятнадцать минут в этой жаре...

При одной мысли об этом по коже побежали мурашки:

- Вы работаете каждый день?
- С прошлого октября.
- Сюда много народу приезжает?

– Нет, только туристы иногда. Иногда по много недель никого не бывает.

- И все?

Мужчина опять начал перебирать инструменты на поясе.

– Могу спросить у Ингара, но я совершенно уверен, что уже неделю здесь никого не было. Разве что одна пожилая пара.

Рино ни на секунду не сомневался, что преступник отлично знал помещения пристани. Удивлял тот риск, на который он шел, доставляя своих жертв в эти заранее запланированные и подготовленные места. Он с

легкостью мог снизить риск вдвое, ведь ничто не указывало на публичность как часть его мотива. Получается, для него важен был именно способ расправы.

– Тогда я, пожалуй, пока пойду. Продолжайте работать.

Запах сразу стал еще сильнее. Перед глазами опять появилась эта сцена: красная раскаленная спираль, тающая, как жир на сковороде, кожа, капли на полу. Скорее всего, нервные окончания и сосуды были сожжены и повреждены навсегда. Возможно, врачам придется ампутировать руку, а ведь этого медики опасались и в первом случае.

Ампутация.

В чем же тут дело?.. Его размышления прервала песня «Back in Black»^[4] на мобильнике. Значит, мобильные здесь все-таки берут. На экране высветилось имя. «Томас» – коллега и единственный близкий друг.

– Ты где?

– В подвале причала Амундсена.

– Я так и думал. Это тот же?

– Да.

– Точно?

– Точно.

– Сельма сказала, что там ужас.

– У него на глазах его собственная рука превратилась в груды угольков.

– Звучит неприятно.

– Да уж.

– Я тут чуть-чуть покопался в фактах, – коллега откусил яблоко, – этот Олауссен... Похоже, работа очень хорошо ему подходит. Ему нравятся темные, злачные места, где много дыма, он носит свою одежду до тех пор, пока она не отправляется стройными рядами в прачечную, и говорит миру «доброе утро» тогда, когда нормальные люди возвращаются домой с работы.

– Ты все это выяснил наверняка?

– Нет, это только мое впечатление, – Томас опять откусил большой кусок яблока. – А ты что скажешь? Он снимает крохотную комнатку, работает допоздна, наливает пиво беззубым пьяненьким горожанам. Работает на полставки, долгов выше крыши, поэтому он частенько наведывается в социальную службу. Ни хороший, ни плохой. Серенькая личность, приспособляющаяся к обстоятельствам. Есть ребенок – живет, естественно, с матерью.

– Естественно?

– Я видел фасад его лачуги и его соседей.

- Где находится квартира?
 - На Ландстранда.
 - А точнее?
 - Напротив офиса авиакомпании «Видерё». Я поговорил с тремя соседями. Никто ничего особенного не заметил.
 - Неудивительно.
 - Да, в этот раз нам придется нелегко.
 - Ладно. Мне нужно идти, здесь уже побывали плотники и «скорая».
 - Кстати, у тебя тут в верхнем ящике кокосовое печенье...
 - Съешь его ради бога.
- Он обернулся и еще раз оглядел место преступления.
Черные стены, лужи на полу.
Тут и до клаустрофобии недалеко.
Электрическая печка как орудие убийства.
Обреченный на медленную мучительную смерть.
- Определенно, преступник пылает от ненависти. Инспектор уже почти выбрался наружу, когда телефон снова зазвонил. Это был Ричард Нордму, адвокат и друг, каких мало.
- Привет! По поводу той фразы, которую ты просил проверить. Juss talionis – право талиона.
- Рино совсем забыл. Когда он позвонил, Ричард сказал, что не знает такой фразы, но обещал проверить.
- И что?
 - Я выяснил, что это значит.
 - И?
 - Похоже, ты ищешь мстителя.

Глава 6

Бергланд

– Только теперь я понимаю, как соскучилась по Бергланду, – Карианне Хултин не сводила глаз с горизонта. Легкий ветерок, непривычно теплый для этого времени года, играл ее волосами. Иногда прядки попадали ей прямо в глаза, но, казалось, она этого не замечала. Ее любовь к северной природе не ослабела. Щеки порозовели – но не цветущим здоровым румянцем, а яркой болезненной краснотой, как бывает при жаре.

– Да, понимаю, по такому месту можно соскучиться, – Никлас шутливо улыбнулся.

Они сидели на пригорке напротив дома, который сняли без особых раздумий. В этом желтом строении довоенных времен уже несколько лет никто не жил, и это было заметно, поэтому Карианне и Никлас собирались подыскать что-нибудь другое, как только появится возможность.

За все эти годы пересущивание и состязание в остроловии стало для них естественной формой общения, но теперь Карианне вдруг потеряла к этому всякий интерес. За пару месяцев до переезда она внезапно заметила, что у нее опухла щиколотка. Сама она уверяла, что все в порядке, но было заметно, что она нервничает. Теперь опухла и вторая щиколотка и даже несколько пальцев на ногах. Никлас пытался говорить о давлении – высоком, низком, атмосферном, объяснять этим нарушения в обмене жидкостей в организме, но Карианне лишь улыбалась, словно благодаря его за попытку представить все не таким страшным, как на самом деле.

– Может, в нашем переезде сюда и был какой-то смысл. Неважно, что у него болит, если у него вообще что-нибудь болит. Мне кажется, я ему нужна.

Карианне говорила об отце, тот за последние месяцы совсем сдал и уже почти не вставал. Все началось с неопределенных болей в животе, а потом распространилось по всему телу как острое вирусное заболевание, однако до сих пор никакой убедительной причины обнаружить не удавалось. Никлас подозревал, что причиной болезни могла стать многолетняя тоска. Карианне соглашалась, но в то же время говорила, что на отца, который всегда встречал жизненные неприятности с высоко поднятой головой, это непохоже.

– Представляешь, вся деревня читает журнал «Очаг»! – она обняла

колени и сидела, свернувшись в клубок. – И все комментируют репортаж.

– Ну, ты же единственная местная знаменитость, не забывай!

Журналисты связались с ней незадолго до Рождества. Карианне несколько недель размышляла над предложением, а потом согласилась. Журнал сделал из ее рассказа душераздирающую историю, в которой было все – и детство, полное страданий и одиночества, и новая счастливая жизнь. Не забыли в статье и Никласа, назвав его «любовью всей ее жизни». И хотя это, к счастью, действительно было так, после репортажа ему стало неловко и беспокойно. Описанная в журнале жизнь казалась практически невозможной.

– Я и раньше ей была. Только отрицательной героиней, – Карианне передернула плечами. Ветер становился холоднее.

– Папа был замечательным. Полтора года он учил меня дома, составлял вместе со школьным учителем план занятий и занимался со мной. И я не могу припомнить ни одного случая, чтобы он вышел из себя или расстроился. Папа был водопроводчиком, а вовсе не педагогом, у него образование – плохонькая сельская школа. И тем не менее он был самым терпеливым учителем в моей жизни.

– Это большая редкость. Учитывая, что вы жили одни.

Она чувствовала, что обязана отцу всем и что теперь настало время отдавать долги, даже если заболел он всего лишь от тоски.

– А письма – это его идея?

Она кивнула:

– В тринадцать-четырнадцать лет мне надоели эти обязательные визиты. В конце концов, для меня и моих одноклассников они стали неприятными и странными, ребята приходили все реже. С письмами дело пошло гораздо лучше. Папа попросил одноклассников посылать мне письма. Можно было отправлять все, что захочется: рисунки, рассказы, сказки, которые они вместе придумывали. Ну, знаешь, когда один начинает сказку, а второй сочиняет продолжение, и так далее.

Никлас уже это слышал. Неоднократно. И иногда ему казалось, что он лишь тень ее отца. Но он чувствовал, что ей нужно восстановить справедливость. Ведь, несмотря ни на что, ей удалось уговорить его переехать сюда и уволиться с любимой работы.

– И для одного из них сочувствие переросло в нечто большее, – сказал он, опередив ее.

– Да, для одного из учеников, конечно, неизвестного, ведь далеко не все мне писали... Этот парень, можно сказать, стал моей первой любовью.

– Но не самой большой?

Она поймала его взгляд, улыбнулась:

– Нет, не самой большой. Но что-то происходит с девочками в этом возрасте. Ты лежишь одна, больная, всеми забытая, и вдруг у тебя появляется тайный друг, которого очень волнует твое состояние, он пишет тебе длинные захватывающие письма.

– Ты на все письма ответила?

– Только на первые два или три. Я не успевала отвечать, новые так и сыпались в почтовый ящик. Папе это не понравилось. Он никогда ничего не говорил, но я это видела. Он считал, что это уже слишком.

– Может быть, тебе как раз и нужен был такой тайный друг в то время?

– Да, он был лучиком света, хотя иногда становилось как-то... не знаю, как объяснить...

– Жутко?

– Да, наверное. Это был перебор... Но чувство обожания было мне уже знакомо.

– Да?

Она усмехнулась:

– Была одна девочка, она ходила в седьмой или восьмой класс, когда я пошла в школу. По какой-то причине я ей очень понравилась, я помню, она говорила, что я заколдованная красавица. Однажды она сказала слова, которые я не могу забыть, может быть, потому, что позже со мной все это случилось. Она сказала, что мечтает однажды проснуться и оказаться в моем теле. Чтобы мы обменялись телами. Красиво сказано?

– Теперь я понимаю, почему ты так хотела вернуться. Здесь все тебя обожают. Меня это совсем не радует.

– Дурак! – Она погрозила ему кулаком. – Уже потом, после операции, один парень начал оказывать мне знаки внимания.

– У вас с ним что-то было?

– Никлас!

– Ну, вы встречались?

Она улыбнулась, поддразнивая его:

– Я думаю, судьба в тот момент уже решила, что мне предназначен ты. Бедняга сломал ногу и пролежал несколько недель в гипсе. А потом интерес угас. К сожалению. Я начала разбираться в парнях.

– Кстати... – Никлас подсел поближе. – Линд вчера кое-что рассказал об этом Бродяге.

– О Конраде? Ох. Мне так его жаль.

– Что его сестра сбежала.

– Он так и сказал?

– Не совсем. Он сказал, что она исчезла, но было понятно, что именно это он имел в виду. Линд рассказал об их неблагополучной семье, о том, что исчезнуть было неплохой альтернативой.

– Не знаю. Я всегда считала, что она упала со скалы, и ее унесло течением. Но, конечно, гораздо лучше думать о том, что она живет припеваючи, хотя я в этом сомневаюсь.

– В любом случае грустная история.

– Из-за Конрада она еще грустнее. Он ведь совсем не глупый. Вот так копать изо дня в день, год за годом, видимо, они были крепко привязаны друг к другу...

Воцарилось молчание, потом Карианне вновь заговорила:

– Думаешь, тебе здесь понравится?

– Все изменилось. Теперь вместо кровавых бандитских разборок я расследую дела о затонувших куклах. Но кажется, что эта перемена – к лучшему.

Она улыбнулась.

– Я очень надеюсь, Никлас.

– Я тоже, – он махнул рукой. – Но дело-то не во мне. Я волнуюсь, что тебе скучно.

Карианне всегда со всем справлялась сама, и с делами, и с личными проблемами. Никлас считал, что это последствия многолетней болезни и беспомощности. Теперь она осталась без работы, и перспективы ее найти были весьма туманными.

– Все будет хорошо, – сказала она. – Так было всегда, ты помнишь? Она иногда говорила, что у нее есть ангел-хранитель. И сильнее поверила в эту теорию, когда некий астролог рассказал ей, что она родилась в очень удачный момент.

– Твоя счастливая звезда?

– Да, возможно. Но, скорее всего, эту счастливую звезду зовут Рейнхард Сунд.

Ее отец стал вдовцом еще до того, как его единственной дочери исполнилось два года. Это отразилось на их отношениях.

– Как это?

Она пожала плечами.

– При поступлении в училище я была третьей в резервном списке на факультет торговли и делопроизводства. Времена были совсем другие, чем сейчас: и условия приема, и поступающие серьезно отличались от нынешних. Выбора практически не было, поэтому те, кто поступал в училище, действительно хотели там учиться. За три дня до начала учебного

года мне сообщили, что я принята.

– Остальные передумали?

– Пошли слухи о дополнительном месте.

– Мухлеж?

– Думаю, да.

– Его можно простить. Ты заслужила это место.

– Возможно. Но я боюсь, он снова мной управляет.

– Фантомные боли фантазий?

– Я не могу поверить в то, что он симулирует, но не могу отделаться от мысли, что отцу просто захотелось, чтобы я вернулась домой. Помнишь ту брошюру, которую мы получили зимой?

Он помнил. Это была небольшая книжечка о планах по развитию коммуны, потенциальным жителям обещали счастье и благополучие.

– Они отслеживают уехавших.

– Не уверена.

– Думаешь, это он?

Она опустила голову как будто от тяжести признания:

– Да, думаю, он.

– Умно.

– Дом вдовы Габриельсен опять же...

Карианне позвонил агент по недвижимости из Бергланда и рассказал о том, что, по слухам, вдова Габриельсен собирается переезжать, а все-таки продавать дом лучше своим. Карианне вежливо отказалась.

– Думаешь, это тоже он?

– Уверена.

Они опять помолчали. Ей тяжело давалась мысль о том, что болезнь отца была выдумкой.

Телефон Никласа в кармане куртки завибрировал. Звонил Амунд Линд:

– Я еду в Стурволлан. Хочешь со мной?

– Что случилось? – спросил Никлас. Он специально взял выходной, чтобы побыть с Карианне.

– Мне нужно на пляж.

– Новая кукла?

– А ты неплохо справляешься. Месяц назад тебе бы и в голову подобное не пришло, верно?

Никлас виновато посмотрел на Карианне, но та ответила понимающим жестом.

– Ладно. Когда ты будешь здесь?

– Через пять минут.
– Мне нужно десять-двенадцать минут. Я в горах.
– Ты на прогулке, Никлас. На прогулке. С гор ты за десять минут до дома не добрался бы. Ну, разве что пришлось бы прыгать. В общем, я тебя подожду.

* * *

– Я подумал, ты захочешь поехать... – Амунд Линд сидел, прислонившись к двери. В его машине чувствовался легкий аромат одеколona. – Важно понимать все, что происходит. Я хочу, чтобы тебе у нас понравилось.

Никлас всю дорогу бежал, поэтому запыхался и приоткрыл окно.

– Устал? – спросил Линд.

– Привык держать свое слово. Если я сказал десять – двенадцать минут, я не могу прийти через тринадцать.

Линд широко улыбнулся, обнажив нестройный ряд зубов:

– Хорошо, что ты держишь слово.

– Новая кукла, говоришь?

– На том же месте, нашли те же люди. В полицию позвонил муж, но я слышал, как жена всхлипывала на заднем плане. По всей видимости, панику поднимает именно она.

– Уже третья кукла... Никаких догадок?

Линд почесал раздраженную кожу на лице. На голове были заметны следы краски для волос.

– Вообще-то, сомневаюсь. Не знаю, что и думать. Конечно, женщина слишком впечатлительная, однако, что ни говори, находка необычная. Кто-то расправляется со старыми игрушками, причем не жалеет времени на то, чтобы сделать плот, и отдает кукол на волю волн. Мы обязаны проявить интерес к этому делу.

Вся ситуация казалась Никласу какой-то ненастоящей. Сейчас они, двое полицейских с высшим образованием, едут на место преступления, чтобы осмотреть куклу. Перемены, связанные с переездом из большого города, оказались еще более разительными, чем он мог себе представить.

– Наверное, я зря нарушил вашу идиллию. Ты говоришь, вы гуляли в горах?

– Мы просто гуляли. Я и Карианне – моя жена.

– Карианне, ну да. Та, которая вернулась домой. В гостях хорошо, а

дома лучше?

– У нас особые обстоятельства. Ее отец очень болен, а ей скучно одной дома.

– Вы жили в Стрёммене?

– Да, последние четырнадцать лет.

– Чудесное место.

– Ты там бывал?

– Много раз. Приезжал в отпуск.

– Отдыхаешь в Норвегии?

– Всегда.

– По собственному желанию или... – Никлас по личному опыту знал, когда мужчинам бывает уготована роль только второй скрипки.

– Да, по собственному желанию. Я живу один и езжу в отпуск один.

Почувствовав, что Линд не хочет об этом говорить, Никлас решил не развивать тему. Пляж находился у расщелины высокой горы, песчаная отмель становилась с годами все шире.

Пожилая пара стояла прямо у кромки воды, казалось, они не хотели трогать куклу, а может, им важно было показать полиции конкретное место находки.

Когда полицейские подошли поближе, мужчина обнял свою жену за плечи, как будто от людей в форме могла исходить какая-нибудь опасность для нее. Никлас отметил, что на песке остались лишь отпечатки ног двоих людей, и заканчивались следы у камней вдалеке.

– Новая кукла на плоту? – Линд задал вопрос шутливо, но, почувствовав, что это неуместно, попытался исправить ситуацию озабоченным выражением лица.

Старик неодобрительно взглянул на полицейского, как будто именно из-за Линда его жена разволновалась.

– Как и в прошлый раз, – ответил он, отходя в сторону.

Опять старинная фарфоровая кукла. Линд осторожно освободил куклу из плена и поднес к глазам. В этот раз красотка была одета в красное платье.

– Забавная вещица. И возможно, за этим совершенно ничего не кроется.

– В то же время это очень подозрительно, чрезвычайно подозрительно, – старик попытался придать лицу суровое выражение, хотя по нему было видно, что к стороннему вниманию он не привык. – Скажите, а разве крик о помощи не должен привлечь первостепенное внимание полиции?

– Зависит от причины, – Линд повертел куклу в руках. – Что думаешь, Никлас?

Никлас не мог понять, как воспринимает ситуацию его коллега – считает ли он ее забавной или действительно начинает что-то подозревать:

– Насколько я понимаю, это третья кукла за последнее время, все они были отправлены на морскую прогулку на деревянных плотках, достаточно тщательно изготовленных. Я верю и надеюсь, что этому есть какое-то разумное объяснение, но, возможно, нам стоит все-таки заняться этим вопросом.

Старик кивнул и строго посмотрел на Линда.

– Мы гуляем здесь уже больше тридцати лет, каждую осень и весну. Летом мы стараемся держаться отсюда подальше, потому что в это время тут бродят пьяные шумные толпы... – Еще один строгий взгляд, адресованный охраннику правопорядка, – ...но еще никогда мы не находили ничего подозрительного. Это впервые. Кукол не выбросили в море, и их не смыло волной. Кто-то потратил время на то, чтобы сделать эти плоты, продумал их так, чтобы куклы выдержали волны и не упали в воду; действия очевидно осмысленные.

– Никаких сомнений, – сухо согласился Линд.

– То есть вы разделяете наши опасения?

– Непонятные явления часто вызывают страх.

Старик крепче обнял жену, показывая, что от подобных осторожных высказываний полицейского больше вреда, чем пользы.

Инстинкт защитника заставил Никласа почувствовать угрызения совести. Этот семидесятилетний старик ради своей жены без промедления бросился бы в бушующие волны. Или добровольно лег бы под нож и отдал ей любой орган, который потребуется. А Никласу становилось плохо от одной мысли о том, что ждет его самого. Они не говорили на эту тему прямо, возможно, потому что она вызывала между ними напряжение. Карианне узнала симптомы из прошлого. Опухшие щиколотки – только начало болезни, как и ощущение тесноты обуви и чужеродности собственных ног. Потом пальцы. Они стали толстыми – с кулак мальчишки. Скоро ей поставили диагноз. Начали диализ. И заговорили об операции.

– Разве вы не видите? – Женщина удивленно взглянула на полицейских.

Линд опять пригляделся к кукле.

– Руки...

Никлас не замечал ничего, что могло бы вызвать у женщины подобную реакцию.

– Они как будто обнимают кого-то.

Теперь и Никлас обратил внимание: руки были приподняты, правая чуть выше, чем левая, как будто кукла застыла за секунду до объятия.

– Их было двое. В этом объятии.

Никлас все еще не понимал, что так взволновало женщину, и, посмотрев на коллегу, увидел, что Линд так же мучается над этой мыслью.

– Разлука, – женщина говорила тонким дрожащим голосом, словно опасаясь, что ее собственный муж тоже сейчас разомкнет объятия и навсегда исчезнет.

– Да, похоже на то, – Линд никак не мог понять, что к чему.

Женщина глубоко вздохнула, набралась сил:

– Думаю, нам что-то пытаются рассказать.

– Что?

– Кто-то что-то ищет. И отправился в последний поход.

Глава 7

Будё

«Право талиона» – право на воздаяние.

Рино, не отрываясь, смотрел на написанные его рукой слова и думал о ненависти. Бездонной ненависти. Ким Олауссен, работник пивнушки, так и не смог назвать ни одного человека, кто бы мог желать ему скорейшего возвращения к Создателю. Хотя слова, которые прошептал ему на ухо преступник, свидетельствовали об обратном. Олауссену предстояло умирать долго, на протяжении нескольких часов, мучительно, а спасли его удача и случайность. Таким образом, оставался шанс, что преступник повторит попытку, так как в этот раз не смог довести дело до конца.

Никто из коллег Олауссена не смог припомнить какого-нибудь подозрительного посетителя, хотя можно смело предположить, что те, кто выбирает для вечеринки место типа «Подвала», сами по себе внушают определенные подозрения. Томас решил разыскать и допросить некоторых завсегдатаев бара в надежде на то, что в просветлениях пьяного угара они успели приметить что-нибудь необычное.

Вторая жертва, Нильс Оттему, который до сих пор находился в больнице Хаукеланда в ожидании трансплантации кожи, не смог вспомнить, слышал ли от преступника что-то похожее на слова, которые тот сказал первой жертве. Тем не менее воздаяние при этом было ничуть не мягче.

Общая копия всех трех изображений была прикреплена на стену слева от письменного стола. Картинки были идентичными, лишь по небольшим неровностям линий можно было убедиться, что все они действительно были нарисованы от руки. И так как подпись на изображениях так же не навела жертв ни на какие мысли, следствие не могло сдвинуться с мертвой точки, хотя версий было достаточно.

Рино вставил карандаш в точилку, прикрепленную к углу стола. Ему больше нравилось писать карандашом, а не ручкой, в том числе из-за процесса затачивания, ритуала, который помогал направить мысли в нужное русло. Он достал чистый лист и написал: «Общее». Истратив полкарандаша, он написал четыре строчки. Все жертвы были среднего возраста, хотя, по мнению инспектора, образ жизни Олауссена несколько

ускорял процесс старения. У всех были дети, хотя жили они отдельно. Двое из них были на социальном обеспечении, и он сделал себе пометку проверить, не состоял ли на учете у социальных служб и третий пострадавший. Конечно, подобные вещи весьма постыдны, но кто в наше время думает о стыде?! Потом он написал: «Ненависть», хотя прямой взаимосвязи между всеми случаями не обнаружил.

Он достал мобильник и нашел телефон Иоакима. После двух длинных гудков раздались короткие. На Иоакима это непохоже, обычно он был доступен в любое время дня и ночи, стоял на страже, как будто лично от него зависела безопасность нации. Через секунду на телефон пришло сообщение:

«Не могу говорить. Тут мама и чувак. Перезвоню».

Первый вариант, который пришел в голову Рино, был весьма фантастичным: может быть, Иоаким впервые в жизни сделал все уроки, и директор вызвал его мать в школу, чтобы совместно пропеть «Аллилуйю»? Потому что на обычную встречу, на которой учительница жалуется на витающего в облаках во время уроков Иоакима, их, согласно договору, пригласили бы обоих. Инспектор решил, что, скорее всего, что-то случилось внезапно, и снова уставился на список общего.

Почти сразу же он отложил бумагу, вышел в коридор и постучал в дверь соседнего кабинета. В кабинете, как всегда, пахло смесью шампуня и мыла, потому что Томас Борк совмещал утреннюю пробежку с дорогой до работы, а потом усердно использовал душевую комнату в управлении. Кроме этого, три раза в неделю он ходил в качалку, а после этого опять принимал душ. В недостаточной чистоплотности Томаса Борка упрекнуть не смог бы никто.

- Наш дружок Оттему...
- Это тот, которого сегодня с утра на костре поджарили? – Томас был в восторге от своего остроумия.
- Да, он. Ты собирался позвонить в Берген.
- После половины второго, – Томас крутанулся на стуле, сложил руки на мускулистой груди и широко расставил ноги.
- Не попросишь их разузнать у него кое о чем?
- Все, что твоей душе угодно.
- Мне нужно знать, получал ли он когда-нибудь социальную помощь.
- Ищешь общее?
- Надеяться не запрещено.

– Ладно, правда, не думаю, что кто-то из наших жертв родился с серебряной ложкой в заднице.

– Во рту, – поправил Рино.

Внезапно Томас стал серьезным:

– Кратковременная помощь от государства, возможно, предоставляется гораздо чаще, чем мы предполагаем.

– Может быть, – Рино помнил, что Томас жаловался на нехватку денег после развода с женой. Оставалось только надеяться, что он ни во что не вляпался.

– Кстати, я разговаривал с Куртом...

Рино отметил резкий переход от темы разговора.

– Никаких отпечатков ни на печке, ни на трубе.

– Бомба.

– А вот на дверной ручке, напротив... очень много отпечатков.

– Но не нашего приятеля?

– Строго говоря, мы этого не знаем.

– Строго говоря, знаем. Он не оставляет отпечатков на месте преступления, так что вряд ли станет лапать жирными руками дверь.

– Именно так.

Зазвонил мобильный. Когда Рино вернулся в свой кабинет, на экране телефона высветилась надпись «Иоаким».

– Отец, – пробормотал Рино низким голосом.

– Сын, – поддержал Иоаким.

И они закончили хором:

– И Святой Дух.

– Что за чувак?

– Да один придурок, – голос сына звучал уже не так бодро.

– Который из?

– Один из тех, что притворяются друзьями.

– Давай Иоаким. Говори.

– Он расспрашивал обо всем и копался во всякой дряни.

Плохое предчувствие усилилось.

– И где же это было?

Мальчик едва держался.

– У психов.

– В психиатрической клинике? Мама привезла тебя на прием?

– Мм...

Черт! Он стиснул зубы так, что они заскрипели.

– Мне надо обсудить это с твоей матерью, – сказал он.

- Ага. Она тоже сказала, что хочет с тобой поговорить.
- Ей следовало сделать это раньше!
- О чем вы говорили?
- О школе.
- Так?
- И ты тоже начинаешь?
- Вообще-то я как раз заканчиваю. У меня еще одно дело.
- Убийство?
- Даже не спрашивай, Иоаким. Про школу и...?
- Мальчик тяжело вздохнул.
- Ну, знаешь, о чем все время твердят учителя.
- Он понимал, о чем речь. Обычное дело для мальчишек в этом возрасте
- мысли находятся где угодно, но не в классе.
- Хорошо. Я поговорю с мамой.
- Тогда пока! – Непривычное прощание для Иоакима, слишком формальное и простое. Этому чертову врачу все-таки удалось сломать и так подорванную уверенность в себе.

* * *

Глядя на грязновато-серый фасад здания, становилось ясно, что оно начинает рушиться. Хотя соседние дома выглядели не лучше. На лестничной клетке было четыре звонка, но табличка с именем висела лишь у одного из них. Рино ткнул пальцем в первый попавшийся, но никто не ответил. Он позвонил еще раз, терпеливо посчитал до десяти и принялся стучать в первую дверь, которая выглядела лучше других.

Из-за двери показалась голова мальчишки, он раскрыл рот от изумления – очевидно, гости заходили сюда нечасто.

– Ддддд... ддда?

– Я ищущу Кима Олауссена.

Рот мальчика принял форму буквы «О», и было видно, как напряглись все мышцы лица, когда он выдавил:

– Вам на второй.

– Ничего, я найду, – сказал он и начал подниматься по лестнице.

– Справа, – на удивление легко выговорил мальчик.

Он постучал в дверь, посчитал приглушенное «да» приглашением войти и открыл дверь.

– Олауссен?

– В гостиной, – голос по-прежнему звучал хрипло.

Казалось, он сел в машину времени, которая увезла его на тридцать лет назад. Раздвижные двери на кухню, покрашенные коричневой краской, покосились, на полу лежал оранжевый ковер с гипнотизирующим круговым орнаментом. В комнате, которая называлась гостиной, стоял мебельный гарнитур цвета весеннего снега. Ким Олауссен полулежал в потертом кресле, на коленях у него валялись три пульта. На экране телевизора мелькали картинки скачек с тотализатором.

Олауссен сделал попытку приподняться, но лишь качнулся – помочь себе руками он не мог.

– Сидите-сидите! – Рино жестом попросил хозяина не вставать.

– Я слышал, вас выписали.

Олауссен переводил взгляд с телевизора на следователя и обратно.

– Мне нужно соблюдать покой. Это я и дома могу делать.

– Разумеется, – Рино быстро огляделся. – Можно мне присесть?

– Пожалуйста.

Небольшой кожаный диван, заляпанный остатками еды (по крайней мере, Рино надеялся, что эти пятна оставили именно неаккуратные едоки), был настолько дряхлым, что надежнее было усесться на пол.

– Он чуток староват.

– Все нормально, – Рино подвинулся и сел поудобнее. – Что говорят врачи?

Олауссен поднял руки, как будто наглядно показывая, из-за чего именно он попал в больницу:

– Еще рано говорить. Руки немного немеют, но вообще чувствительность восстановилась.

– Отлично.

Олауссен кивнул.

– Я немного разузнал про эти слова... Право талиона – это право на воздаяние.

– И что? – спросил Олауссен, когда понял, что следователь ждет от него какой-нибудь реакции.

– Воздаяние может быть самым разным, но в нашем случае я твердо могу предположить, что оно не из приятных.

– Я не понимаю.

– В других обстоятельствах я попросил бы вас задуматься, не случилось ли чего-нибудь неприятного у вас на работе: клиента плохо обслужили или, может, вышвырнули из бара. Но в нашем случае дело гораздо серьезнее. Настолько серьезно, что меня удивляет тот факт, что вы

до сих пор еще ничего не припомнили.

Выражение грушевидного лица сообщало, что воспоминания вообще редко посещали эту голову. Казалось, Ким Олауссен поставил себе целью жизни уничтожить в себе божье творение. Кожа на его лице напоминала засохшую пиццу, волосы увядшей осенней травой свисали с головы, а живот чересчур выпирал.

– Я понятия не имею, кто и почему. Клянусь!

Эти слова Рино не убедили.

– Цепь, которой вас приковали, была прикреплена к штырю. Он вбивал его при вас?

Олауссен опустил глаза, как будто ему было больно вспоминать о происшествии.

– Я слышал, как он стучал молотком по камню и попытался спросить его, что он делает, но он не ответил. Я думал, он бросит меня связанным, и я утону в приливе.

Как Рино и думал, эти звуки тоже были частью наказания.

– Если этот парень решит предпринять еще одну попытку, а вы не расскажете мне, почему он так хочет вам отомстить...

– Да черт возьми! Я не знаю! Думаете, мне моя жизнь не дорога?

Рино с трудом поборол искушение ответить «да» – то, что он видел, свидетельствовало лучше любых слов.

– Думаю, вы врете. Обычно врут преступники, а не жертвы. Я вас не понимаю.

– Черт подери! – Олауссен попытался замахнуться, но остановился, вспомнив, что руки у него работают не в полную силу.

– Вы можете понять, что я не знаю, кто и почему это сделал? Если вы расстроены, потому что следствие зашло в тупик, срывайте свою злость на ком-нибудь другом!

– Ладно. Я просто пытаюсь убедиться, что не зря трачу время.

– Вы ведь все равно его не найдете?

– Почему это?

– Чистое зло. Никаких мотивов, зло ради зла.

Право на воздаяние.

– Ну, я пока вижу умытое зло, но не чистое. Этот парень знал, что делает. Может, у вас в городе двойник завелся?

Олауссен угрюмо взглянул на инспектора, по всей видимости, эта мысль не казалась ему нелепой.

– Наверное, это и правда так, – пробормотал он, подумав.

– Как – так?

– Он принял меня за кого-то еще. Он действовал решительно и гневно. Он казался... не знаю, как объяснить... холодным и расчетливым.

– То есть это ваша версия? Что он вас с кем-то спутал?

– Не моя, а вообще единственная версия. Я никому ничего не должен.

– Хорошо. Пожалуй, хватит, – Рино пришлось пару раз качнуться, чтобы встать с дивана. Проклятый жир на животе надежно загородил собой мышцы. Надо что-то делать с этой страстью к сладкому...

– Кстати...

Взгляд Олауссена уже приклеился к телевизору: шел последний забег. Видимо, он надеялся, что судьба оплатит ему за трагические события.

– ...вы знаете Нильса Оттему?

– А должен?

– Честно говоря, стало бы легче.

– Имя мне ни о чем не говорит.

– Его нашли сегодня утром. С ним случилось почти то же самое, что и с вами. Только вот в этот раз преступник выбрал огонь. В данный момент Оттему в больнице Хаукеланд, врачи пытаются спасти ему руку.

– Черт возьми!

– Мы ищем какую-нибудь связь.

– Думаете, это он же?

– Похоже на то.

– Оттему, – Олауссен явно копался в памяти. – У вас нет его фотографии?

– Я работаю над этим.

Олауссен обескураженно посмотрел на инспектора:

– Поверьте, я все эти дни думал о причине!

В этот момент подозрения Рино переросли в уверенность, он попрощался и оставил хозяина наедине со ставками. Он сел в машину, когда зазвонил телефон.

– Ты был прав, – сказал Томас. – Пару лет назад Оттему получал социальную помощь.

* * *

Рино распахнул дверь в службу социальной помощи и направился в отдел пособий. Его представления об этом месте оказались совершенно неверными: в комнате было светло и уютно, и никаких суровых женщин с пронизывающим взглядом в приемной не оказалось. Симпатичная девушка

в розовой футболке с надписью «Have Faith»^[5] на груди приветливо улыбнулась Рино из-за стойки. Инспектор предположил, что за ее выбором одежды не скрывалось никаких более глубоких смыслов.

Он представился и сказал, что хочет поговорить с руководителем отдела.

– У нас нет руководителей отдела, мы работаем в команде. Но, боюсь, они все сейчас на собрании, – она вытянула шею и оглядела коридор. – Сейчас посмотрю. Эвен!

Молодой человек лет двадцати в черном свитере поло и очень идущем ему блейзере поднял голову от копировального аппарата, взял в руки пачку бумаги и направился к приемной.

– Этот человек из полиции, у него есть несколько вопросов. Не знаешь, когда закончится собрание?

У молодого человека было одно из тех лиц, которые рано стареют, – глубоко посаженные глаза и прямые черты. Он кивнул в знак приветствия:

– Подобные собрания непредсказуемы, – он ухмыльнулся, как бы подчеркивая, что не разделяет любовь начальства к новомодной организации предприятия. – Но вы вполне можете войти. Клиентов там нет.

Молодой человек опять кивнул, а девушка пошла по длинному коридору и постучала в одну из дверей. Через полминуты худая высокая женщина средних лет протянула Рино руку.

– Лисбет Толлефсен. Чем могу помочь?

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– Да, конечно.

Он заметил, что на дверной табличке значилось «руководитель команды», подобное наименование должно было демонстрировать, что все сотрудники команды движутся в одном направлении, и эта женщина, усаживающаяся за стол, должна корректировать курс движения, чтобы никто случайно от усердия не заблудился.

– В чем дело? – сложив перед собой руки, женщина взглянула Рино в глаза и приготовилась слушать. Похоже, сама полицейская форма наводила ее на мысль о плохих новостях.

– Вы, может быть, читали о происшествии на Ландегуде?

– Про того парня, у которого руки оказались прикованными под ледяной водой?

– Да. Он получает пособие. Его имя Ким Олауссен.

Взгляд стал более жестким.

– Подобный случай произошел около трех лет назад. И еще один – сегодня утром. Расследование только началось, поэтому мы сейчас прежде

всего ищем взаимосвязь. И, кажется, нашли.

По ее взгляду он понял, что она догадалась, к чему он клонит.

– Они все получали пособие.

Она выпрямилась.

– И чего вы хотите?

– Если честно, я и сам не знаю. Конечно, возможно, это простое совпадение, однако мы должны это проверить. Поэтому я и обратился к вам.

– Послушайте... я забыла ваше имя.

– Карлсен. Рино Карлсен.

– Карлсен, мы не имеем права...

– Разглашать сведения о частных лицах. Я знаю. Я и не собираюсь просить вас предоставить мне какие-то личные сведения. Мне все равно, какие суммы они получали, – он сменил позу. – У вас же хранятся дела всех клиентов?

– Да, мы храним заявления и документы по всем обращениям.

– Отлично. Я ищу, точнее, надеюсь найти какую-то связующую нить между этими делами, то, что сможет объяснить причину материальных трудностей, которые испытывали эти люди.

– Боюсь, что у вас неправильное представление о сведениях, которые у нас хранятся. Мы оказываем срочную помощь, мы помогаем нашим клиентам прийти к соглашению со своими кредиторами. Мы не анализируем причины, по которым нашим клиентам нужна помощь, только выясняем, не кроется ли проблема в азартных играх или злоупотреблении алкоголем.

Рино жестом показал, что именно это он и имел в виду.

– Но эти сведения никуда не заносятся. Если бы я предложила вам полистать их личные дела, чего я предпочла бы не делать, вы увидели бы только заявление на пособие, приложенные документы и информацию о принятом решении – в общем, сухие факты.

– А если – просто предположение – они все жаловались на то, что их шантажируют или преследуют, об этих фактах была бы сделана отметка?

– О шантаже мы сообщили бы вам. Остальные – назовем их «неприятности» – входят в понятие личной информации, которую мы не имеем права разглашать.

– Понимаю. По-вашему, в папках вряд ли может найтись что-то, что поможет обнаружить общее между нашими пострадавшими.

– Именно так.

– И все-таки, давайте начнем с Кима Олауссена. Вы уже знаете о

происшествии, и имя вам знакомо. Не могли бы вы поговорить со своими подчиненными, может быть, кто-нибудь из них вспомнит разговор с этим мужчиной? А потом вы бы сами решили, что из их разговора можно рассказать мне.

Было видно, что от подобной идеи женщина не в восторге.

– Мы говорим о покушении на убийство с риском повторной попытки.

– Я поговорю с сотрудником, который занимался делом Олауссена. Но особо не надейтесь.

– Это единственный шанс.

Она кивнула, но без особого энтузиазма.

Рино вежливо поблагодарил, попытался выйти из коридора, но заблудился. Лисбет пришлось ему помочь:

– Вам в другую сторону. Там отдел опеки и попечительства.

Он еще раз вежливо поблагодарил, но ее покровительственный тон вызвал в нем раздражение. Это чувство еще сидело внутри, когда через десять минут он опустил за свой стол в управлении. Он остро почувствовал необходимость выпустить пар и набрал номер телефона подходящей жертвы.

Она ответила после третьего гудка:

– Хелена.

– Это я. Ты отвела Иоакима к психологу без моего согласия!

Она обреченно вздохнула:

– Ты Иоакима возишь черт знает куда, а я и слова не говорю.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Иоакиму трудно.

– Конечно, трудно. И мне было трудно в тринадцать. Всем мальчикам в этом возрасте трудно.

– Мы уже год получаем тревожные сигналы из школы, Рино. Если мы и дальше будем отрицать, что у него проблемы с поведением, мы только окажем ему медвежью услугу.

– Боже мой! – Рино сжал кулак и мысленно разнес в щепки письменный стол.

– Иоаким не может сосредоточиться на каком-нибудь деле дольше, чем на полминуты. Мысли всегда где-то блуждают, он все время какой-то беспокойный, и днем, и ночью. Разве ты не замечаешь, Рино? Или, может, не хочешь замечать?

– Да послушай! Гормоны играют, конечно, мысли разбегаются, кто куда. Нельзя из-за этого считать его больным. Я с двенадцати до шестнадцати только о девчонках и думал, пока не попробовал. В реальный

мир я наведывался лишь изредка.

– Не шути с этим!

– Уж лучше шутить, чем лечить.

– Придется смириться с реальностью. Если бы он, как ты утверждаешь, был самым обычным тринадцатилетним мальчишкой, школа бы так не реагировала.

– Школа не для всех.

Она демонстративно вздохнула, как бы показывая, что не намерена больше слушать.

– Все симптомы указывают на СДВГ.

– Кто это говорит? Недоумок-психолог, который поболтал с тобой сорок пять минут и едва поздоровался с мальчиком?

– Не он один. Все так говорят.

– Черт подери, Иоаким не будет принимать «Риталин».

– До этого один шаг.

– Очень большой шаг. Пока! – Инспектор отшвырнул трубку и схватил рисунки.

Зажав один из них между указательным и большим пальцем, он медленно поворачивал лист в разные стороны. Просочившийся сквозь оконное стекло солнечный луч пробежал по столу и осветил рисунок в его руке. Бумага была очень тонкой, почти прозрачной. Какое-то время инспектор пытался разглядеть окружающую обстановку через бумагу, и его вдруг осенило. Он положил рисунки друг на друга, подошел к окну и приложил их к стеклу. Рисунки были одинаковыми.

Почти.

Линии наверху и внизу, а также прямоугольное окно совпадали в мельчайших деталях, как и семь фигурок. Но фигурки в окне были разной высоты.

Внезапно его осенило. У всех жертв были дети. По одному ребенку.

– Томас!!!

Через секунду коллега заглянул в кабинет.

– У всех жертв были дети, так?

– Согласно данным реестра населения – да.

– Ты знаешь возраст детей?

– Думаю, да.

– Расскажи.

– Минуту.

Прошло две минуты.

– Посмотрим, наш дружок из пивбара...

– Начни с первой жертвы.
– Дочери четыре года.
– Тогда было или сейчас?
– Хм... тогда.
– Хорошо. Олауссен?
– Мальчику восемь. И четыре месяца.
– Оттему?
– Мальчик, 6 лет.
– Бинго! – Рино с видом триумфатора показал рисунки коллеге. –
Фигурка в окне – это ребенок жертвы.
– Но их тут много...
– Только одна фигурка стоит у окна. И она единственная отличается от других размером. Сын Олауссена самый большой, потому что он старший. Четырехлетняя девочка самая маленькая, видишь?
Томас взгляделся в рисунки:
– Вовсе не всегда можно угадать рост по возрасту ребенка.
– Неважно, какого они на самом деле роста. Преступник пытался показать, что дело в детях. Видишь, окна одинакового размера, а фигурки разного!
– Может быть...
– И еще. Взрослый слева. Он отвернулся. Мы этого не заметили, потому что многие фигурки стоят, отвернувшись. А надо было заметить, потому что он стоит, отвернувшись от ребенка в окне. Томас, есть!
– Есть?
– У нас есть мститель, и мы знаем, за кого он мстит, – Рино бросил рисунки на стол. – За детей.
Рино и сам готов был отправиться в карательный поход. Не дай бог ей удастся накачать Иоакима!

Глава 8

Бергланд

Юлиан Хермансен предложил жене прогуляться по лесу, но она решительно отказалась.

– Мы не позволим каким-то куклам нарушить нашу традицию и пойдем на пляж!

Он нехотя согласился, но настоял на том, чтобы они выбрали для прогулки бухту на юге.

Моросил дождь, и она повязала на голову платок.

– Может, переждем? – он открыл ей дверь, как всегда.

– Мы же не сахарные, не растаем.

Они пошли по одной из дорожек, которые протоптали овцы в поисках более густой травы. В их городке уже давно никто не вел хозяйство, и дорожка превратилась в узкую тропинку. Им приходилось идти, внимательно глядя под ноги, чтобы не оступиться.

Муж остановился чуть впереди, и Ада подумала, что он хочет ее подождать. Но он не поворачивался, стоял, не сводя глаз с пляжа. Она подняла глаза и сразу же увидела фигуру прямо у воды.

– Ада...

Несмотря на волнение мужа, она не почувствовала того беспокойства, как раньше. Фигура не двигалась, было очевидно, что что-то случилось. Но она смирилась с неизбежным.

– Поторопись, Юлиан!

– Не может быть, чтобы опять...

– Завтра мы пойдем гулять в лес, обещаю тебе. Но сейчас поспеши.

Они тяжело дышали, когда наконец добрались до песчаной отмели, на которой почти не оставалось следов от быстрых шагов.

– Боюсь, что-то случилось. Обычно так не лежат...

Ада надеялась, что глаза сыграли с ней плохую шутку, что на самом деле человек лежит на спине и просто смотрит на море. Но это было не так.

Юлиан остановился в двадцати метрах.

– Она не движется.

Только в этот момент Ада поняла, что это женщина. Она поджала ноги, как будто уютно свернувшись во сне. Ада обратила внимание на тесное платье жертвы и сжала руку мужа, показывая, что сейчас должна быть

сильной, а потом смело шагнула вперед. Она ступала осторожно, хотя от всей души хотела, чтобы незнакомка очнулась и повернулась к ней.

Женщина была босой, как будто танцевала на пляже, а потом упала и заснула. На пятках и пальцах ног виднелся белый сухой песок. Платье задралось выше колен и открыло кожу, которой не довелось увидеть солнце этим летом. Средней длины волосы, казавшиеся неестественно черными, словно водоросли, вплелись в белый песок. Она лежала на боку, одна рука под телом, другая вытянута перед собой.

Ада присела на корточки возле незнакомки и осторожно коснулась ее плеча. Никакой реакции. Она сильнее сжала плечо, потрясла его, но женщина не двигалась.

– Думаю, она мертва, – Ада повернулась к Юлиану, который незаметно подошел к ней.

Сильной жилистой рукой он ухватил женщину за плечо и перевернул на спину.

– О господи! – он отпрянул.

Вторая половина головы представляла собой липкую массу из спекшейся крови.

– О боже! – он судорожно рыскал по карманам, наконец отыскал мобильный телефон, купленный на тот случай, если с кем-нибудь из них что-нибудь произойдет и им потребуется помощь. Он научил ее находить нужные номера в телефоне, потому что могло так случиться, что первым не станет именно его. Теперь он сам с трудом мог найти эти номера, и Ада внезапно поняла, что за пятьдесят четыре года брака никогда не видела его таким испуганным.

Пока он дозванивался, она обернулась к женщине. Что-то казалось ей знакомым. Ада попыталась осторожно приложить два пальца к сонной артерии, но ее рука так дрожала, что понять, есть пульс или нет, было невозможно. Кожа была еще теплой.

– Кажется, она жива, Юлиан.

Юлиан, запинаясь от волнения, говорил по телефону и не слышал ее.

Она снова приложила пальцы к шее женщины и почувствовала слабый пульс. Испытанное Адой облегчение пересилила тревога от гложущего чувства, что подсознание пытается ей о чем-то сообщить. Она снова взглянула на окровавленное лицо, попыталась сосредоточиться и разглядеть черты под кровавой маской, но так и не смогла ее опознать. Неприятное ощущение становилось все сильнее, и внезапно она поняла, о чем именно кричит ее подсознание. Она отшатнулась, попыталась закрыть дрожащими руками лицо, но не смогла сдержать вопля.

– Боюсь, это последний поход, – Рейнхард Сунд сморщился от боли и сменил позу. Он сильно сдал, ей пришлось это признать. Обтянутое кожей лицо выглядело совсем нездоровым. Он лежал на диване, обложившись подушками.

– Похоже, мне конец, – он осторожно кашлянул, очевидно, легкие больше не могли выдержать длинных признаний. – А ведь я думал, у меня впереди вторая юность.

Он накрыл ее руку своей в знак утешения. Кариан-не до конца не могла осознать, что отец серьезно болен. Мысль о том, что одиночество и сочувствие самому себе его убили, продолжала свербеть. Карианне надеялась, что он расцветет, когда убедится в том, что она действительно вернулась навсегда.

– Врачи тебя хорошо изучили, папа.

– Фффф... врачи... – он попытался покачать головой, но уперся в подушки. – Я и пяти эре не дам за этих шарлатанов.

– Они делают все, что могут, – она пожала его руку и поднялась. – Кофе сварить?

– Конечно, угощайтесь. Я тут скулю... – он жестом показал, что ему ничего не нужно. – Никлас, тебе нравится на новой работе?

Никлас сидел на стуле у подножия кровати, и сцена, которую он наблюдал, была крайне непривычной. Он знал Рейнхарда Сунда уже пятнадцать лет и всегда считал его непотопляемым судном, не только с точки зрения физической силы, но и благодаря тому спокойствию, которое он излучал. А сейчас, похоже, силы иссякли вместе с душевным покоем.

– Вполне в своей тарелке.

– Я боялся, тебе будет здесь скучно, ты ведь у нас городской.

– Пока скучать некогда.

– Рад слышать, – похоже, Рейнхарду действительно стало легче, Никлас быстро переглянулся с женой, она едва заметным пожатием плеч ответила, что она в таком же недоумении, как и он.

– Мы приехали навсегда, – сказал Никлас, надеясь, что жалость прозвучала не слишком явно.

– А ты, Карианне? Бросила работу?

– Что-нибудь найдется. К тому же в последние полгода я и так ничего не делала. Работа меня медленно съедала.

– Стресс. Говорят, это новое всеобщее заболевание. Разрушение

государственного сектора, приватизация на востоке и на западе. Если уж на охоту на лис нужно получать разрешение! Старик Герхардсен в гробу бы перевернулся, если бы услышал, что...

Звонок мобильного Никласа прервал проповедь. На экране появилось имя «Линд».

– Никлас!

– Это Амунд. Ты дома?

– Я у Рейнхарда, отца Карианне.

– Хорошо. Буду через пять минут.

– Что случилось? Новая кукла?

– Хотелось бы. В этот раз все серьезно. Потом расскажу.

Куклы беспокоили Никласа, казалось, они могли помочь предотвратить преступление. Теперь это ощущение усилилось.

* * *

Похоже, Амунда Линда тоже преследовала какая-то неприятная мысль, потому что он появился ровно через пять минут. Его вечная полуулыбка, которая, как казалось Никласу, приглашала его в мир «как-бы-преступлений», исчезла. Все стало слишком серьезно.

– Та же супружеская пара, – проговорил Линд, поворачивая на шоссе, – похоже, мировое зло прямо-таки притягивает их к себе.

Обгоняя трактор, он на несколько секунд включил сирену.

– Они нашли на пляже женщину. Не знают, жива она или нет. Сначала нам позвонили из скорой. А потом сам старик.

– А ты уверен, что это криминал?

– Пожалуй, да. Разве что она сама себе череп размозжила.

– Вот как.

– Так, правда, сказал старик. Но есть еще кое-что, на это обратила внимание его жена! – Линд от злости почти треснул по рулю кулаком.

– Женщина была одета в такое же платье, что и одна из кукол. У нее даже цвет волос такой же.

Никлас почувствовал, как по спине со скоростью света побежали мурашки. Из-за кулис уютной деревеньки на сцену выступала темная реальность.

– Все-таки зря мы так легкомысленно отнеслись к этим дурацким куклам! – Линд раздраженно надавил на педаль газа.

Они остановились у пляжа. Никлас заметил среди припаркованных

машин черный «чероки» ленсмана^[6]. Рядом стояла скорая, а у кромки воды полицейский увидел носилки и врачей. Они бегом спустились вниз. Никлас почувствовал, что пожилая пара следит за ними – действительно, это ведь те полицейские, которые за день до происшествия не поверили им, хотя они предупреждали, что найденные куклы несут с собой угрозу.

Врач, сидевший возле женщины, подал знак своим помощникам, и через секунду носилки были готовы. Женщина лежала на боку, так что разглядеть лицо было невозможно, но Никлас сразу же узнал платье. Черное. Как у куклы.

Ленсман Бергитон Брокс помотал головой.

– Жива, – прошептал он, огляделся и добавил: – Но у Харальда плохие прогнозы.

Он говорил о враче, который выверенными движениями помогал поднять женщину на носилки.

– Кажется, я ее знаю, – продолжал ленсман шепотом. – Она из банка. Эллен как-то там...

«Нападение тщательно спланировано, – подумал Никлас, – а кукла, которую прислали как предупреждение, сейчас в кабинете на полке Линда рядом с миниатюрным “фольксвагеном”».

– Пора очистить место преступления, – Брокс замахал руками в сторону зевак. Аромат лосьона после бритья облаком повис над пляжем, справиться с ним легкому ветерку было не под силу. Брокс не мог пахнуть ничем иным, хотя, безусловно, в данный момент этот запах казался неуместным.

– Невероятно, – Линд, не отрываясь, смотрел на темно-коричневую ямку на песке, образовавшуюся от натекшей крови.

– Ее выбросили здесь, – проговорил Никлас, хотя на песке не было следов борьбы.

Линд обвел взглядом пляж, не признавая, согласен он с этой теорией или нет.

Никлас продолжил рассуждать:

– Хотя, возможно, она знакома с преступником и пошла сюда добровольно.

– И добровольно переоделась?

– Вряд ли. Поэтому, я думаю, ее здесь выбросили.

Воздух прорезал пронзительный вой сирены. Машина сорвалась с места. Врачи все еще пытались спасти женщине жизнь.

– Тут толпы ходили.

– Неважно. Ты же видишь, следы едва различимы. И никаких

отпечатков подошв.

– Она потеряла много крови, – Линд все еще смотрел на ямку.

Никлас присел на корточки и осторожно провел пальцем по темному пятну на песке.

– Что это?

– Я как раз выясняю, – Никлас почувствовал, как песчинки просочились сквозь пальцы. Он достал из кармана пакет, опустил руку поглубже в песок, набрал полную горсть и положил ее в пакет.

Линд поднял глаза.

– Место выбрано не случайно. Никто из жителей не видит из окон эту часть пляжа.

– Боюсь, случайности вообще редко встречаются. Если все именно так, как кажется, и женщина действительно одета как одна из кукол, то мы имеем дело с долго и хорошо спланированным преступлением.

Линд молча согласился.

– Брокс ее узнал. Эллен как-то там.

– Если это она, то я знаю, кто это.

– Если?

Линд пожал плечами.

– Я бы ее не опознал, если бы не Брокс... может быть... Может, это и она.

– Но ты не уверен?

Линд опять пожал плечами.

– Эллен Стеен блондинка. По крайней мере, была ею, когда я заходил в банк последний раз.

Глава 9

Будё

– Дети!

– ?..

– Он мстит за детей, в вашем случае – за восьмилетнего сына.

Ким Олауссен выглядел удивленным, как инопланетянин на чужой планете.

– Томми?

– Вы меня спрашиваете, как зовут вашего сына?

– Почему вы так злитесь, а?

Рино, широко расставив ноги, навис прямо над Олауссенем.

– Потому что кто-то пытался отомстить вам за Томми, и я хочу знать почему.

– С ума сойти!

Олауссен приподнялся. На коленях у него лежали купоны ставок и программа скачек.

– Даже в тех поступках, которые на первый взгляд кажутся безрассудными, порой кроется здравая логика.

Олауссен сглотнул. То ли слова инспектора задели его за живое, то ли внезапно его осенило.

– Мы разгадали рисунок. Ребенок в окне – это ваш сын.

– И кто же разгадал? Вы? – проговорил Олауссен с нескрываемым злорадством.

Рино едва сдержался, чтобы не опрокинуть переполненную пепельницу на голову человеческого отребья, с которым он был вынужден беседовать.

– Расскажите о Томми.

– Оставьте его в покое.

– Хорошо, пусть преступник разгуливает на свободе. Готов поспорить, он не отступится, пока вы не останетесь с двумя обрубками вместо рук и даже носа себе утереть не сможете.

Олауссен, похоже, представил себе подобный сценарий:

– Что вы хотите знать?

– Все.

– Он... хороший мальчик.

Рино взглянул на Олауссена с ожиданием, но тот пожал плечами.

– Все?

– Чего вы хотите?

– Ему восемь лет, так?

Олауссен явно был смущен.

– Вроде, да.

– То есть он ходит... во второй класс?

– Наверное.

– Наверное?

– Черт возьми, это что, допрос?

– Вовсе нет, но я удивлен, что вы не знаете точно.

– Да какая разница, в какой класс ходит мальчик?

– Возможно, гораздо более значительная, чем вы думаете. В какой школе он учится?

– Он живет в Хунстаде.

– Я не об этом спросил.

– Блин, ну, значит, это школа Хунстада.

– Она так называется?

– Безумие какое-то.

Олауссен уронил на пол несколько купонов.

– Почему вы расстались?

– Эта стерва меня ненавидит.

– Насколько я понимаю, вы это о матери Томми?

– Она... дрянь.

– Вы, очевидно, кому-то тоже не очень нравитесь.

Рино присел на разваливающийся диван.

– ...да и отец вы явно не из лучших.

Олауссен хотел было возразить, но Рино жестом приказал ему замолчать.

– Не берусь судить, но мне кажется, вы не слишком участвуете в жизни сына.

– Вы ошибаетесь.

– Я практически уверен, что прав. Все свидетельствует о том, что кто-то пытается наказать вас за то, что вы отвернулись от детей.

– Отвернулся?

– Воспринимайте это буквально. Если вы недостаточно участвуете в жизни ребенка, вы, считайте, повернулись к нему спиной.

– Но эта стерва послала меня ко всем чертям. Ей главное, чтобы деньги регулярно приходили.

– Как ее зовут?

– Ренате Оверлид.

По его выражению лица можно было подумать, что он говорил о содержимом блевотины.

– Назовем ее просто Ренате.

В ответ Олауссен состроил презрительную мину.

– Отношения закончились по ее инициативе?

– Какие отношения? – Олауссен обнажил зубы цвета пива. – Шуры-муры длиной в месяц, вот и все.

– То есть вы не встречались, когда родился Томми?

– Через месяц она заявила, что все кончено. Теперь же у нас тетки рулят в этих делах, если вы не в курсе.

Рино вполне мог бы согласиться, но решил, что Олауссену и так хватает поддержки.

– То есть после разрыва вы почти не общались?

– Она позвонила, когда узнала, что беременна. Типа чтобы я знал, что наш перепих обойдется в копеечку.

– Она так сказала?

– Не напрямую.

Рино сомневался, что личность, сидевшая перед ним, способна читать между строк.

– А после рождения Томми?

– Тут она внезапно поняла, что мы должны вести себя по-взрослому.

– И?

– Ей захотелось, чтобы я с ним встречался... так, иногда...

– И вы встречались?

– Изредка.

– Это как?

– Она не хотела.

– Ничего не понимаю.

Олауссен схватил один из купонов, свернул его и демонстративно поднял перед собой.

– Деньги, деньги, деньги. Разве мы все не ради них живем?

– Вы думаете, она давила на вас ради денег?

– Давила, давила! – Купон полетел в угол кухни. – Напоминала, что мне придется платить за мои поступки. И... черт подери... – Большое тело мужчины содрогнулось от смеха. – Она сказала, что с радостью разрешит мне покатать коляску.

– И вы катали?

Олауссен раздраженно замотал головой, как будто то, что она предлагала, было полным безумием.

– Все без толку. Стерва тут ни при чем.

– Рената вполне может быть ни при чем. Но мы все-таки продолжим.

Итак – вы катали коляску?

– Черт подери, а вы настырный!

– Отвечай!

– У нее появился новый парень. И что, я должен был мотаться с коляской под окнами, чтобы он на меня пялился?

Рино с трудом поборол искушение поделиться своими идеями.

– А позже? Как часто вы с ним виделись?

– Иногда.

– Как это было?

– Я видел их в городе.

– И все?

Олауссен замолчал.

– Я пытался. Она велела мне отвалить.

– Когда вы видели их последний раз?

Мужчина пожал плечами.

– Пару лет назад, кажется.

– То есть получается, что Томми вы видели только тогда, когда вы случайно встречались в городе?

– Так сложилось. Мы пересекались, точнее, она меня находила.

– Вы пытались еще раз?

– Делал пару попыток. Предлагал сходить с ним в кафе или в кино.

– Она отказалась?

– Мм...

– Почему? Что она сказала? Слишком поздно?

– Да, что-то в этом роде.

– И сейчас вы не общаетесь?

Олауссен покачал головой.

– Когда вы последний раз с ней разговаривали?

– Прошлой осенью. Она велела отвалить.

– Ничего не объяснила?

– Сказала, что мальчику нужен настоящий отец из плоти и крови, а не фигурка из комиксов.

Глава 10

Бергланд

– Все очень серьезно, – ленсман Бергитон Брокс снял куртку и ослабил галстук. Все четверо сотрудников полиции вернулись в участок. – По всей видимости, у нас тут покушение на убийство.

– Покушение? – спросил Нурвальд Бё, старейший сотрудник, который в свой шестьдесят один год уже успел побывать ленсманом и добровольно сложить полномочия.

– Она была жива, когда ее увозили. И все еще была жива пять минут назад, когда я разговаривал с больницей.

Брокс провел рукой по щеке, как будто проверяя, отросла ли щетина с момента последнего бритья.

– Мы предполагаем, что жертва – Эллен Стеен, но прошу вас пока об этом никому не сообщать. Мы постоянно получаем сведения из больницы, и, если личность пострадавшей подтвердится, нам нужно будет связаться с родственниками, чтобы закончить процедуру опознания. Я связался с Центральным управлением. Если она очнется и сможет рассказать о том, что случилось, помощь нам не потребует. В ином случае к нам пришлют группу следователей. Насколько я знаю... – он посмотрел на своего предшественника, – это первое убийство, точнее, покушение на убийство в Бергланде за многие годы?

– Абсолютно уверен. Был один случай, когда мужик забаррикадировался у себя в доме с заряженным ружьем и угрожал снести голову своей жене, но, как только алкоголь испарился, он сразу же попросил прощения.

Голос бывшего ленсмана – приглушенный и хриловатый – был как будто создан, чтобы записывать аудиокниги ужасов.

– Значит, подобная ситуация для всех нас в новинку, – Брокс обвел взглядом сидящих за столом мужчин. – Будем действовать. Территория оцеплена, насколько я понимаю, предварительный осмотр места происшествия произведен.

Он вопросительно взглянул на Линда, и Никлас убедился в том, о чем давно догадывался: отношения между двумя коллегами были натянутыми.

Линд кивнул:

– Мы с Никласом целый час прочесывали этот квадрат. Ничего не

нашли, кроме мусора и щепок.

Никлас кивнул в подтверждение и выложил на стол пакет с песком:

– Это песок с того места, где лежала голова. В нем находится некая липкая масса, которую я хотел бы отдать на анализ.

– Хорошо... – Работа началась, и Броксу явно стало легче справиться с мыслями. – Прежде, чем мы приступим к организационным вопросам и распределению обязанностей... Мы все видели этих кукол. Кроме того, что они стали предметом многочисленных насмешек, я бы не сказал, что мы внимательно их изучали. Насколько я понимаю, нельзя исключать некую взаимосвязь между куклами и жертвой?

Линд поднял кукол с пола одну за другой.

– Эта была первой. Эта последней. Но интереснее всего... – он театральным жестом достал третью куклу, – вот эта, средняя. В ней есть что-то японское, да? В любом случае платье, которое на ней надето, идентично тому, в котором была найдена Эллен Стеен. Оговорюсь, правда, что мы небольшие специалисты в женской одежде.

Никлас продолжил:

– Цвет тот же, вот эти штуки вокруг шеи такие же. Я практически уверен в том, что платья одинаковые или, вернее, задуманы одинаковыми.

– Пока это все, что у нас есть на сегодняшний день, и я прошу держать эту информацию при себе, – Брокс оглядел собравшихся.

– Три куклы, отправленные в плавание на самодельных плотках, по меньшей мере, это что-то необычное. А то, что следом за ними произошло первое в Бергланде покушение на убийство, позволяет назвать ситуацию тревожной.

Никлас встретился взглядом со своим критически настроенным коллегой.

– Сейчас ранняя осень, и гулять без верхней одежды холодно. Думаю, наша версия вполне разумна.

– Поддерживаю, – Линд задумчиво почесал грудь под рубашкой.

– Прежде всего нужно точно установить личность потерпевшей. Затем приступим к опросу населения, думаю, это займет немало времени.

Брокс достал из кармана куртки тряпочку и быстро протер очки. В этот момент в приемной раздался телефонный звонок.

– Я подойду. – Брокс вышел из комнаты с легкой улыбкой, показывая, что он все еще спокоен. Через полминуты он вернулся, улыбки на его лице уже не было.

– Звонили из больницы.

– Умерла? – спросил Линд.

– Они весьма пессимистично настроены, но нет, пока она жива. У них кое-что есть для нас.

* * *

С юга напозлали темные тучи с проливным пронизывающим дождем, поглотившим последние следы солнечного света. Линд включил дворники на полную мощность, но видимость все равно оставалась плохой. Никлас видел, что коллега потрясен, что он изо всех сил пытается сохранять наносное спокойствие. Когда куклы возникли из моря, он гостеприимно принял их у себя в кабинете, ухмыльнувшись и пожав плечами, а теперь он был больше всех уверен в том, что от них вела какая-то ниточка к той женщине, которая сейчас находилась между жизнью и смертью.

– Если это та, о ком мы думаем, Эллен Стеен, насколько я знаю, детей у нее нет, – казалось, Линд пытается успокоить самого себя. – То, что кто-то разможил кому-то череп, уже само по себе пугает, но мне почему-то кажется, что платье имеет еще более страшное значение. Все кажется таким...

– Предумышленным, – дополнил Никлас.

– Не только, еще холодным и расчетливым.

– И запутанным.

– Да, и запутанным, – согласился Линд, хотя сравнивать ему было особо не с чем.

– Все свидетельствует о том, что покушение на убийство было запланировано задолго. На то, чтобы приготовить кукол, должно было уйти немало времени, пляжи также, очевидно, выбраны не случайно, в том числе и то место, где нашли женщину. Ты сам сказал, из окон этого пляжа не видно. К тому же за ней нужно было долго следить. Этот парень отметил все ее передвижения и четко рассчитал время удара.

– И все-таки что-то пошло не так. Она жива, и, если нам повезет, расскажет, что случилось, – Линд явно цеплялся за последнюю надежду легко выпутаться из этой истории.

– Да, придется помолиться, чтобы так оно и было, – монотонно движущиеся щетки почти вводили в транс, и Никлас закрыл глаза. – Вспомни, есть еще две куклы, – добавил он.

* * *

Больница со своими многочисленными пристройками была похожа на огромное насекомое, телом которого был центральный корпус, построенный первым, а конечностями – остальные строения.

Полицейские зашли в приемный покой, и их сразу же направили в палату на втором этаже. На дверной табличке значилось: «Реанимационный пост». Никлас заметил пару вывернутых резиновых перчаток на металлическом столе и кровавые тряпки в мусорном ведре. Очевидно, смена выдалась не из простых.

– Ивар Бергстуен, – врач лет пятидесяти пожал руку Никласу и кивнул Линду. Очевидно, они уже были знакомы. – Сейчас она в реанимации. Но ее перевезут в Трумсё при первой возможности. Мы заказали самолет, ждем его в любую минуту.

– Она выживет? – Линд тяжело сглотнул.

– Как знать, – врач взглянул на компьютер, на котором, видимо, была открыта карта женщины. – Ей нужна операция, а у нас в этом вопросе мало или совсем нет опыта. Поэтому я не хочу делать прогнозы, но полагаю, нам всем очень повезет, если она выживет. У нее перелом костей черепа и большая кровопотеря. Ее били много и сильно.

– Вы что-то нашли? – Никлас кивком указал на компьютер, посчитав, что причина вызова зафиксирована в карте. Но врач встал и подошел к кушетке, на которой он осторожно развернул то, что когда-то было платьем. Сейчас оно было порезано и больше походило на флаг, потрепанный дождем и ветром.

– Посмотрите... это грудь. Конечно, мы немного отрезали, но вот это – не наша работа. – Врач засунул руку под платье так, что через разрезы была видна его рука. На материале четко виднелись пять вертикальных разрезов, четыре длиной около двадцати сантиметров, а последний – в половину меньше.

– Удивительно. Пять разрезов друг рядом с другом. Судить вам, конечно, но, по-моему, естественно предположить, что преступник нанес бы более глубокие раны.

– Мы смотрели только на рану на голове, – Линд засунул палец в один из разрезов.

Никлас заметил, что на платье были следы запекшейся крови, а цвет воротника изменился.

– Боюсь, есть еще кое-что. Пройдемте в палату.

Врач проводил их в комнату в конце коридора, в палате сидела медсестра и следила за состоянием пациентки. Женщину помыли, и черты лица проступили яснее, хотя торчащие трубки изо рта и носа казались

чужеродными.

– Элен Стеен, – прошептал Линд.

– Двое наших сестер уверены в том же, – сказал врач, приоткрывая одеяло так, чтобы было видно только живот. Все верно, под левой грудью были видны пять длинных царапин. Они были неглубокими.

– Я видел много царапин и порезов, – врач укрыл пациентку одеялом. – Но таких – никогда.

– О чем это вы? – спросил Никлас, когда они вышли в коридор.

Врач вздохнул, похоже, ему нелегко было признаться:

– Не хочу сбивать вас с правильного пути, но мне кажется, что это царапины от когтей зверя.

Глава 11

Будё

Рино почувствовал, как его охватывает беспокойство. Он со скоростью краба полз по пробкам в центре города и от нетерпения похлопывал ладонью по рулю. Он позвонил Ренате Оверлид и составил по ее указаниям примерный маршрут. А теперь не мог дождаться, когда сможет с ней поговорить. Ощущение, что он нашел какую-то зацепку, становилось все сильнее. Дело было в детях – да, именно в них. От мысли о том, что произошло с Иоакимом, в глазах заплясали красные дьяволята. После беседы с психологом сын стал замкнутым, казалось, он чего-то стыдился. Если его мать добьется своего, вместо настоящего Иоакима появится некое послушное и безликое существо.

У супермаркета «Рими» инспектор свернул налево. Быстро проглядев свои записи, Рино направился к типичному дому постройки семидесятых, который попытались освежить, перекрасив в розовый цвет. Представляя себе подростку Барби, он позвонил в дверь. На пороге появилась женщина совсем не кукольной внешности, Рино усомнился, что она когда-то могла ей быть. В отличие от своего бывшего возлюбленного она выглядела ухоженной, но черты лица нельзя было назвать женственными.

– Вы из полиции? – Она протянула сухую руку с позвякивающими браслетами.

Ему показалось, он пожал руку скелету, и не только из-за слишком тонких пальцев, – само пожатие было слабым, как у тяжелобольного.

Ничто в доме не указывало на то, что здесь живет восьмилетний ребенок – то ли Рената была фанаткой порядка, то ли провела генеральную уборку перед его приездом.

– Кофе?

На столе стояли две чистые чашки и блюдо с печеньем, Рино не смог отказаться.

– Как я уже говорил по телефону, я хочу поговорить о Киме Олауссене, – сказал он, сделав осторожный глоток кофе.

– То, что с ним случилось, безусловно, ужасно, но я не могу понять, при чем тут я.

Она взяла печенье и внимательно изучила его перед тем, как откусить крошку, которая подошла бы для маленькой мышки. Во время разговора

она старалась не смотреть Рино в глаза, и инспектор решил, что, возможно, дело в его обаянии. Уже не в первый раз женщины смущались в его присутствии.

– У вас с ним общий ребенок.

– А Томми-то тут при чем, черт возьми?

– Может быть ни при чем, а может быть, очень даже при чем.

На этот раз она решилась взглянуть ему в глаза.

– Расскажите о ваших отношениях с его отцом.

– С Кимом? Нет у нас никаких отношений. Прошлой осенью он принес подарок на день рождения, Рождество он пропустил.

– По какой причине?

Она приоткрыла рот и казалась несправедливо обиженной.

– Он никогда нами не интересовался.

– По его словам, вы велели ему отвалить.

– На то есть причина, – сказала она и скрестила руки на груди.

– Можно немного подробнее?

– Я ведь сказала, ему на нас плевать. Томми для него не существовал. Мысль, что он, как отец, несет ответственность за ребенка, ему даже в голову не приходила.

– Может быть, лучше поздно, чем никогда. Некоторым из нас довольно сложно свыкнуться с тем, что роль отца несет для нас, несчастных, также некоторые ограничения.

– Несчастных? Вы сказали – несчастных? – От смущения не осталось и следа.

Попытка оправдать отца ребенка спровоцировала бурную реакцию, как он и ожидал.

– Я знаю много чудесных отцов, которые вели себя абсолютно по-идиотски в первый год. Может, я ошибаюсь, но все-таки люди могут измениться.

На ее лице отразилось отвращение, как будто ее начинало тошнить только от мысли об отце ребенка.

– Ким не изменился. То, что произошло, ужасно, но все-таки подонок навсегда останется подонком.

– И у подонков есть право на жизнь.

– Томми заслуживает большего.

– Не вы одна так думаете.

– Это как?

Она взяла еще одно печенье. Возможно, ей очень хотелось сладкого или просто нужно было чем-то занять свои худощавые руки.

– Скажем так: мы подозреваем, что тот, кто напал на Кима, мстил за Томми.

Похоже, эта новость ее действительно взволновала. Она уставилась на блюдо с печеньем.

– Не понимаю.

– Вы с кем-то встречаетесь сейчас? У Томми есть кто-то, кого он может назвать отчимом?

– Нет.

– И никакого... друга нет?

– О чем вы?

Она резко встала и демонстративно повернулась к Рино спиной.

– Мы расследуем чрезвычайно серьезное преступление. Вопрос относится к делу, поэтому я попрошу вас ответить на него.

– Вы лезете ко мне в постель! – еле слышно проговорила она.

– Меня интересует, есть ли у вас друг, который общается с Томми, а не с кем вы спите.

Он сразу же пожалел о том, что сказал, почувствовал, что слова прозвучали слишком резко.

– Никого у меня нет, – прошептала она.

– Хорошо.

– И если хотите знать, я считаю Кима эгоистичным, вечно пьяным куском дерьма, – она повернулась к Рино. – Но есть отцы, которые еще хуже относятся к своим детям. Они уж точно заслужили нечто подобное.

– Но не Ким?

Она покачала головой.

– Я не имею ни малейшего отношения к тому, что случилось. Честное слово.

Рино с трудом подавил осторожную улыбку. Уже давным-давно никто из его собеседников не использовал в качестве аргумента честное слово.

– И никаких мыслей о том, кто это мог сделать?

Ренате опять покачала головой.

– А я так на вас надеялся, – Рино встал из-за стола. – Как я говорил, мы практически уверены в том, что тот, кто это сделал, мстил за Томми. А вы, получается, самый близкий Томми человек.

– Удивительно, как часто в жизни что-то повторяется.

– Вы о чем?

– Томми снова стал пешкой во взрослой игре, как и последние восемь лет. Томми не просил себе таких родителей, каких получил. Жребий выбрал ему отца, который почти не появлялся, который от него отказался.

Отец бросил Томми. Подчеркиваю, бросил. И где же в тот момент были защитники закона? Кто постоит за права брошенных детей? Никто.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что мальчик все эти годы страдал от отсутствия отца в его жизни и продолжает страдать до сих пор. В общем и целом, поступать так с Томми – это преступление.

– Вы кажетесь довольно жесткой.

– Так и есть.

– Достаточно жесткой, чтобы пожелать зла отцу ребенка?

– Я не имею к этому отношения. Но вы не можете запретить мне радоваться, что с ним что-то произошло. Я рада, что он не умер, но, по мне, он получил по заслугам.

Рино ушел от Ренаты Оверлид с чувством, что она призналась в соучастии в преступлении, хотя ее уверения в обратном казались убедительными. Женщина была чересчур ожесточенной, что-то подсказывало ему, что накопившуюся за столько лет обиду загладить не так просто.

По дороге домой инспектор проворачивал в голове разговор, искал зацепку, которая подтвердит его ощущение, но, увидев в кустах роз возле дома велосипед Иоакима, отложил самокопание до лучших времен. В защиту Иоакима надо было сказать, что за кустами все лето никто не следил. А иначе подобную парковку можно было бы принять за молчаливый протест сына против отсутствующих навыков садоводства у отца. Но сейчас, похоже, накопившиеся эмоции все-таки вырвались наружу.

– Иоаким! Там в кустах тебя велосипед зовет!

Никто не отозвался. В комнате мальчика на втором этаже гремел бас, от этого звука дрожали перекрытия, а весь дом вибрировал в такт музыке. Ради приличия, ведь он входил в комнату подростка, Рино постучал в дверь. Но мальчик вряд ли услышал бы его даже, если бы он распилит ее электропилой. К счастью, дверь была открыта, и слегка удивленный Иоаким приглушил музыку.

– Господи! Разве ты не знаешь, что уже при ста пятидесяти децибелах у Олине Гундерсен случается недержание?

– А кто это?

– Бедная женщина на том конце города.

– Че?

– Забудь. Я нашел велосипед.

– Угу.

– Чего это вдруг ты так паркуешься?

- Торопился.
- Так уж торопился?
- Sorry.

Рино стоял в дверях. Иоаким теребил пульт, очевидно, пытаясь не встречаться с отцом глазами. Рино понял, что сыну стыдно.

- Все нормально?

Мальчик кивнул.

– Давай-ка, Иоаким, мы поставим с тобой «Aerosmith»^[7] и поболтаем, а?

- Ну нет. Только не «Aerosmith».
- Ок. Компромисс. «City Boy»^[8]. Обещаю, тебе понравится.

Иоаким закатил глаза, но Рино расценил молчаливый протест как одобрение, зашел в свой кабинет и достал альбом «The day the Earth got fire»^[9].

- По-моему, подходящая музыка.

Иоаким взглянул на него испепеляющим взглядом, но ничего не сказал.

- Лол Мэйсон – бог вокала. Только послушай.

– Может, и хорошо, если б земля сгорела, – вздохнул Иоаким, когда из колонок полился помпезный припев полуфальцетом, – тогда тебе и твоим приятелям из восьмидесятых пришлось бы поискать себе другую планету.

- Здорово, правда?
- Отвратительно.
- Ладно. Ну и что стряслось?
- Стряслось? – Иоаким опять прятал глаза.
- Все дело в этом психологе?

Мальчик пожал плечами.

- Мама всего лишь немного волнуется.

Молчание.

- Она считает, ты думаешь не о том, о чем нужно.

Сын сменил позу, пытаясь сильнее отвернуться от отца.

- Давай об этом поговорим. Втроем.
- Плевать мне на этого психа.
- Ладно. Главное, чтобы тебе на нас было не плевать.
- Кстати, музыка твоя – дерьмо.

Иоаким уменьшил звук почти до минимума.

- Может, момент неправильный.

Опять молчание.

– Послушай, Иоаким. Может, все довольно просто, нужно только вести себя по обстоятельствам.

– Что?

– Ну, как дома. Вот ты приходишь домой, ставишь велосипед у дерева, и все. И я так же: снимаю носки и бросаю их в шкаф. Но не на работе, там я должен носить маску полицейского. Понимаешь? Так же и с тобой. В школе хотят, чтобы ты слушал, что говорит учитель.

– Они несут чушь.

– Не всегда.

– В девяноста процентах.

– Ну вот ты и отсеял наименее важное. Сосредоточься на оставшихся десяти процентах.

Иоаким не смог сдержать ухмылку:

– Ладно.

– По рукам? Я заберу с собой диск «City Boys», а ты завтра честно попробуешь.

– Вот это я называю выгодной сделкой.

Иоаким нажал кнопку «Стоп» на пульте.

– Нужно было дать им шанс. Это тематический альбом. О падении Земли.

– Расскажи лучше, чем все закончилось. Кто-нибудь уцелел или все откинулись?

Казалось, слова Иоакима имеют двойное значение.

– Честно говоря, не помню.

Подсознание изо всех сил стучалось к нему, но Рино никак не удавалось понять его сигналы.

Лишь позже, когда он готовил еду, которую Хелена называл «ужином лентяев», до него дошло, что именно поймало его подсознание. Он отложил лопатку и схватил мобильный телефон.

– Да? – голос коллеги звучал устало.

– Танцуй, Томас!

– Что случилось?

– Я знаю, что значит «Б. Д.»!

Глава 12

Бергланд

Эллен Стеен унаследовала дом от родителей. Фасад дома ремонтировали, у одной из стен, блеклая потрескавшаяся асбестовая обшивка которой молила о замене, стояли леса.

– Боюсь, я не смогу войти с вами в дом. Все это так ужасно, – тетка Эллен Стеен, ее ближайшая родственница, прижимала к лицу скомканный платок.

Посоветовавшись с врачами, полицейские решили связаться с родственниками пострадавшей. Единственной родственницей оказалась эта женщина, которая сейчас с недоверием протянула Линду ключи от дома. Родители Эллен умерли, и, по словам тетки, мужчины у ее племянницы не было.

– Мне бы хотелось, чтобы вы вошли. Мы постараемся ничего не трогать.

Женщина отвернулась, как только открылась дверь, как будто совершила предательство.

Дом был обставлен со вкусом, очевидно, его хозяйка любила порядок.

– Что вы ищете?

– Кукол, – Линд обвел глазами гостиную, пропитанную ароматом ностальгии.

– Боже мой, я думала, вы хотите выяснить, кто напал на Эллен!

– Именно так, – отрезал Никлас.

Женщина выглядела испуганной. Очевидно, она слышала про историю с куклами.

– Вы не знаете, у нее в доме есть куклы? Их часто коллекционируют, – Никлас сделал все возможное, чтобы его вопрос прозвучал успокаивающе.

– У Эллен нет кукол, – интонация была скорее вопросительной, чем утвердительной.

– Точно? – спросил Линд, который начал осматривать кухню.

– Господи помилуй! Эллен взрослый разумный человек, – тетка посильнее закуталась в расстегнутую куртку и добавила почти шепотом: – Она одна из руководителей банка.

– Вы покажете нам дом?

Женщина неуверенно взглянула на Линда, как будто сомневалась –

спрашивал ли он разрешения или отдавал приказ. Никласу тоже казалось, что коллега ведет себя слишком грубо.

Они быстро установили, что и на втором этаже дома был такой же порядок, что и внизу. Эллен Стеен не собирала кукол.

– Я так и сказала, – они спустились вниз, казалось, тетка сейчас взорвется.

– Но ведь в детстве она играла в куклы, – не сдавался Линд.

– Боже правый...

– Может быть, у нее были фарфоровые куклы?

Пожилая женщина приоткрыла рот от изумления, пытаясь уловить связь между племянницей и приплывшими на пляж куклами.

– Как и большинство девочек, она играла, в основном, с Барби. Я никогда не видела у нее фарфоровых кукол.

Почувствовав, что тетка близка к истерике, Никлас вмешался:

– Вы с племянницей близки?

– Конечно, у нее ведь кроме меня никого больше нет.

– А вы ничего не замечали в последнее время? Может быть, какое-то необычное поведение?

– Нет, ничего такого. Эллен вполне рассудительный человек.

– Без сомнения. Но все-таки мы не можем закрывать глаза на то, что кто-то очевидно желал ей зла.

– Возможно, кто-нибудь из претендентов на кредит, – она опять перешла на шепот и говорила, словно уже полжизни назад сама расплатилась со всеми своими долгами.

– Ну да, которые не получают, чего хотят, – добавила она. – Это ее работа. Следить, чтобы все было под контролем.

– Она что-нибудь говорила об этом?

– Нет, что вы. Эллен не из тех, кто разносит слухи, – она повысила голос, чтобы оба полицейских усвоили ее слова.

Никлас понял, что ничто не сможет изменить глянцевую картинку жизни племянницы, которую нарисовала себе тетка.

– Если вы что-нибудь вспомните...

– Что, например?

Ему захотелось сказать ей что-нибудь жесткое, рассказать, что за своими идиллическими картинками она не видит реального мира. Но Никлас сдержался.

– Просто помните, то, что порой кажется совершенно неважным, на деле может помочь раскрыть преступление.

Женщина повела головой.

– Вы закончили? – спросила она и демонстративно вышла из дома.

* * *

Никласу пришлось признать, что его застали врасплох. Мужчина, которого называли Бродягой, жил совершенно не так, как он себе представлял. Дом был маленьким, но очень уютным и опрятным, как и маленький садик возле него.

Брокс настоял на том, чтобы они разделились, – так они сэкономили время, поэтому беседовать с Бродягой отправился Никлас. Может быть, даже к лучшему, что у Конрада появится новый человек, с которым он сможет пообщаться. С Корнелиуссенем, полицейским, которого сменил Никлас, у него установились доверительные отношения, а к другим сотрудникам участка он относился со скептическим пренебрежением.

Дверь оказалась закрытой, хотя на улице шел проливной дождь. Похоже, Линд не преувеличивал, и раскопки действительно велись в любую погоду. Никлас завернул за угол дома и увидел под крышей целый ряд скворечников, около пятнадцати штук. Он заглянул в одно из окон, усеянное дождевыми каплями. Впечатление оказалось верным, Бродяга был очень аккуратным.

Никлас решил вернуться в участок, сел в машину и завел двигатель. Дворники лишь на несколько секунд очистили стекло – дождь лил как из ведра. Но все-таки ему показалось, что у кромки леса кто-то есть. И действительно, это был он, как в классическом фильме ужасов, лопата равномерно покачивалась из стороны в сторону, а лицо было скрыто под широкополой шляпой. Уверенными шагами он шел по направлению к дому, очевидно, не обращая внимания на припаркованную полицейскую машину. Лишь поднявшись по лестнице, он взглянул на машину, потом наклонился и запустил руку под деревянную обшивку дома. Неплохое место для ключей.

Никлас приоткрыл боковое окно:

– Можно с вами поговорить?

Бродяга немного постоял неподвижно, очевидно, обдумывая, стоит ли принять подобное предложение. Потом сделал неопределенное движение, которое Никлас посчитал одобрительным кивком.

Полицейский подождал, пока Бродяга откроет дверь, а потом ринулся в дом.

Бродяга стоял спиной к двери. Спокойными взвешенными движениями

он снял дождевик и повесил его на крючок. Никлас заметил, что рукава и ворот рубашки были мокрыми, а длинные штаны промокли насквозь. В этот момент в нос ему ударил жуткий запах, намного хуже того, который он ощущал несколько дней назад в управлении. Никлас постарался дышать только ртом. Бродяга обернулся:

– Пришли помочь мне копать?

Никлас не понял, шутил ли Бродяга или говорил серьезно, он вообще не был уверен, что в жизни этого человека есть место веселью.

– Я пришел, чтобы попросить вас взглянуть на одну вещь, – сказал он.

Бродяга скептически посмотрел на сумку, которую Никлас держал в правой руке.

– Можно войти?

Бродяга кивнул и, медленно переставляя ноги, как будто все еще шагая по болоту, пошел в дом.

На кухне он снял мокрую рубашку, надел свитер, висевший на спинке стула, а рубашку повесил на место свитера. В его жилистом теле почти не было мышцы, а кожа пестрела от родинок. Не сменив мокрые брюки, он прошел в гостиную и сел. Никлас последовал за ним и сел в старое кресло с подножкой. Несмотря на возраст, мебель выглядела почти как новая.

– Сегодня получилось четырнадцать квадратов, – Бродяга уставился на пол перед собой.

– Вы уверены, что она где-то там? – Никлас начал без обиняков.

Бродяга выпрямился и глубоко вздохнул, может быть, чтобы показать, что сегодняшние задачи выполнены:

– Да.

– Может понадобится полжизни.

– Она там.

По интонации было понятно, что предмет разговора не подлежит обсуждению, и Никлас решил перейти прямо к делу.

– Вы, может быть, слышали о куклах, которых выбросило на пляж. Бродяга молча слушал, и Никлас подумал, что, возможно, новости до него еще не дошли, ведь он был одиночкой и все свое время проводил в пустынных горах.

– Да-да, куклы, – раздалось вдруг.

– Мы озадачены. Единственное, что мы знаем, – эти куклы старинные.

Было совершенно неясно, понимает ли Бродяга, к чему идет разговор.

– Мы не знаем, ни кому они принадлежали, ни почему их отправили в море. Возможно, мы стреляем вслепую, но нам хотелось бы, чтоб вы на них взглянули.

Никакой реакции.

– По крайней мере, чтобы установить, не могли ли они принадлежать вашей сестре.

Эту идею предложил Брокс – и сразу же отверг мысль о том, чтобы связаться со второй сестрой. «Если уж Бродяга не знает, то она и подавно», – сказал он с плохо скрываемым намеком на умственную неполноценность женщины. Не дожидаясь ответа, Никлас открыл сумку и достал первую куклу. Бродяга сидел, уставившись перед собой, но потом он непроизвольно взглянул на азиатскую красотку. Он почти сразу же отвел взгляд, как будто эта картина вызывала у него тяжелые воспоминания, а потом протянул руку и взял куклу. Она почти исчезла в его огромной ладони. Бродяга внимательно изучал игрушку, вертел ее перед глазами.

– Эта не ее, – сказал он чуть позже и поставил куклу на место.

– Уверены?

Бродяга молча кивнул, и Никлас достал две остальные куклы.

– И эти тоже, – ответ прозвучал очень быстро, как будто Бродяге хотелось, чтобы Никлас побыстрее убрал игрушки с глаз долой.

– Когда вернется Корнелиуссен?

Никлас удивился подобному вопросу.

– К сожалению, не знаю, но боюсь, очень нескоро. Насколько я понимаю, он тяжело болен.

– Корнелиуссен добрый.

Никлас никогда не видел человека, которого приехал заменять.

– Хорошо, – сказал он и встал. – Спасибо, что попытались помочь.

Бродяга сидел молча. На лице застыло суровое выражение. Тонкие лоснящиеся волосы были неаккуратно подстрижены, на коже виднелись следы засохшего мыла, а в глубоких морщинах пряталась усталость.

– Не провожайте меня! – Никлас безрезультатно попытался встретиться взглядом с Бродягой, попрощался и вышел. На крыльце он остановился, чтобы собраться с духом и нырнуть в стену проливного дождя. Он взглянул на лопату, заметил, что она сильно потертая. Невероятно – насколько сильной может быть братская любовь.

Не успел он сесть в машину, как раздался звонок телефона. Звонил Бё из управления.

– Мы получили результаты анализов. Я подумал, ты захочешь узнать.

– Так быстро?

– Не знаю, что помогло – то ли задание слишком важное, то ли слишком простое. В общем, липкая штукovina, которую ты нашел на пляже, – не что иное, как краска для волос.

Смысл сказанного сразу же дошел до Никласа. Волосы Эллен покрасили, чтобы она была похожа на куклу.

– Но это не все. Было обнаружено вещество – лавсония – основной компонент хны, которой красят волосы.

– И что?

– Хна вызывает рак, ее запретили использовать в красках для волос еще в 2005 году. Значит, краска старая. Или ее купили за границей.

Никлас сомневался, что эти сведения сыграют значительную роль в расследовании, но эта краска для волос окончательно подтверждала, что преступление связано с этими куклами.

– Ладно. Спасибо за информацию. Я, кстати, только что от Бродяги. Он абсолютно уверен, что эти куклы – не его сестры.

– Ну и хорошо. Иначе все еще сильнее запуталось бы.

– Ну да. Спасибо еще раз!

Он повернул на дорогу и заметил, что Бродяга наблюдает за ним из окна. Мысль о слишком сильной любви брата к сестре снова кольнула его. Совесть напомнила о его собственных колебаниях. Вовсе не с легким сердцем он отдаст жене одну из своих почек. А вот Бродяга, наверное, с радостью отдал бы все органы, чтобы снова увидеть свою сестру.

По дороге домой Никласу пришла в голову одна мысль. Он остановился у дороги, открыл сумку и достал куклу в черном платье. Взглянув на ноги куклы, он попытался отыскать маркировку производителя. Но там был только номер, по всей видимости, с производства. Разумеется, никаких выводов из этой находки сделать было нельзя, но, вернувшись в управление, Никлас занялся поисками поставщиков игрушек. Он быстро отсеял тех, кто начал свой бизнес в последние десять-двадцать лет, таких было большинство. Потом решил поискать среди малоизвестных небольших поставщиков. Никлас отметил три варианта, и на втором звонке ему повезло.

– Гейши, а как же, я их помню. Когда-то они хорошо продавались, а сейчас мода изменилась. Теперь куклы пьют, писают и черт-те чем занимаются. Что же такое случилось, что вы заинтересовались старинными куклами?

Никлас по голосу слышал, что старик на другом конце провода много курит, и представил себе узкое темное помещение, как в старых угольных шахтах.

– Именно это мы и пытаемся выяснить. Пока я, к сожалению, могу только сказать, что у нас на руках три куклы, и нам нужно узнать о них как можно больше.

– Что-то определенное? – Снова глубокий вдох.
– Для начала, сколько подобных кукол существует на свете.
– Если мы говорим именно об этих куклах, то мы привезли пару сотен, прежде, чем заметили, что интерес к ним иссяк. Их производят в Гонконге. Помню, мы хорошо на них зарабатывали.

Перед глазами Никласа предстал пляж, усеянный маленькими деревянными плотиками.

– На кукле есть номер. Он вам о чем-нибудь говорит?

– Хм, у меня здесь где-то были каталоги. Если я не ошибаюсь, они что-то символизируют. С серийными игрушками такое часто бывает. Маркетинговая борьба, понимаете ли.

Слова лились медленно, как будто он уже приступил к поиску.

Никлас продиктовал ему номера, попросил его повторить их, чтобы убедиться, что тот записал правильно, и заранее поблагодарил за помощь. Через пятнадцать минут продавец перезвонил.

– Вас прежде всего интересовала красотка в черном, да? Ее зовут Тавана, это едва ли традиционное японское имя. Уверен, его адаптировали для европейского рынка. Вообще, существовали еще «легкие» варианты некоторых гейш. В общем, неважно. Тавана – это одна из двух кукол в наборе, он был очень популярен и хорошо продавался. Она и ее друг Табо – отдельные куклы, но сделаны так, что могут обниматься. Идея набора – единение и вечная любовь.

Продавец сделал паузу, чтобы закурить новую сигарету.

– И еще есть Итамо в красном платье. Она означает чистую любовь, которую невозможно скрыть. А кукла в зеленом платье, Наоко, означает вечную дружбу.

– Вы сказали, что привезли сто различных кукол. Они все что-то символизируют?

– Да. Это присуще куклам. Как Таване, например. Она связана с Табо неразрывными нитями. Очень мило, правда?

Глава 13

Будё

Когда Рино приехал в участок, Томас демонстративно жевал стащенное с его стола кокосовое печенье. Возможно, он счел, что Рино заслуживает наказания, заставив его ждать пояснений целых полчаса.

– Все именно так, как мы и думали, дело в детях.

– Очень хорошо, – кокосовая стружка застряла в уголке губ, но Томас этого не заметил.

– «Б.Д...» – Рино небрежно бросил куртку на полку шкафа, откуда Томас вынул пару тщательно упорядоченных папок с бумагами. – Это не что иное, как «брошенные дети».

– Брошенные дети?

– Да, именно так. А Ренате Оверлид знает гораздо больше, чем старалась показать.

– Рассказывай!

– Она дала мне честное слово.

– Надежное доказательство, – ухмыльнулся Томас.

– Вначале казалось, она говорит правду, хотя она весьма настойчиво доказывала, что наш дружок Олауссен – тот еще засранец. Но она сказала гораздо больше, хотя мне потребовался сарказм моего подростка с бушующими гормонами, чтобы это понять.

Томас вопросительно поднял бровь.

– Даже не спрашивай. С Иоакимом бывает нелегко. В общем, она пожаловалась, что отец отвернулся от парня, что не появляется в его жизни. А потом у нее вырвалось, что никто не защищает права детей – брошенных детей!

– Брошенных детей... – Томас вытер губы.

– Взрослый на рисунке стоит спиной к ребенку. Мы говорим о детском рисунке, точнее, о том, что пытаются выдать за детский рисунок. То есть это весточка от детей. От брошенных детей.

– И ты думаешь, Ренате Оверлид сама замутила эту кашу?

Рино представил себе сухую женщину, которая с готовностью приняла его, но не смогла скрыть затаенную обиду.

– Думаю, да.

– Мне показалось, ты в этом уверен.

– Хотя я уже почти готов был ей поверить, я убежден в том, что ей понравится и идея принудительного купания, и температура воды при этом. Данное честное слово и проповедь о правах брошенных детей заставила меня усомниться. Она ведь подсказала мне, что значит подпись на рисунке. И не думаю, что это случайность.

– И что ты будешь делать? Поговоришь с бывшей женой Нильса Оттему?

– Возможно.

– Возможно? Совершенно очевидно, что они обе в этом замешаны. Вряд ли Ренате Оверлид решила мстить всем, кто плохо справляется с ролью отца.

– Значит, ее уже предупредили.

– И? – Томас выдвинул ящик стола и стал что-то в нем искать.

– Я хочу за ними понаблюдать.

– Тогда у тебя есть ночь на то, чтобы отыскать убедительные аргументы.

Бюджет уже и так был перерасходован, а ленсман никогда не принимал необдуманных решений.

– Вообще-то я не собирался ждать так долго.

Томас замер.

– Ну нет, Рино. Сегодня пятница. И шоу по телевизору.

– Что ты ищешь в ящике?

– Да нет тут ничего.

– И ты туда же! Убей сахар, пока он не убил тебя!

– Чего-о?..

– Просто революционная теория. Да бог с ней, все равно не работает. Пойдем, я тебя чем-нибудь угощу.

– Неожиданное предложение.

– Считаю это предоплатой за вечернюю работу.

– Слушай, твои шутки уже переходят все границы.

– Пойми, Томас, рисунки – это сообщение от восьмилетнего сына Кима Олауссена, шестилетнего сына От-тему, а первый рисунок был такой же восточкой от четырехлетней девочки. Согласен?

– Пока да.

– И я надеюсь, ты согласен, что дети живут себе преспокойно и знать не знают ни о каких рисунках.

– Если бы они не были почти одинаковыми, можно было бы предположить, что их нарисовал ребенок.

– Именно. И это, безусловно, добавило бы ситуации перца.

Рино потянулся на стуле, при этом открылся недавно появившийся волосатый живот. Инспектору в голову сразу пришли неприятные воспоминания, и он постарался побыстрее одернуть рубашку.

– И кто вероятнее всего будет мстить за несчастных детишек?

– Слушай, а программу «Новости заново» повторяют?

– Наверняка.

Рино довольно улыбнулся. Что ему особенно нравилось в Томасе, так это то, что его легко было уговорить. Правда, не всегда это было к лучшему. Со своей девушкой он расставался уже пять или шесть раз, и каждый раз она со слезами на глазах прощалась с ним навсегда, объясняя, что нашла того самого единственного, и это совсем не Томас.

– Они должны что-нибудь знать, – сказал Томас.

– Они знают. Но я сомневаюсь, что они побегут нам рассказывать. И все-таки я хочу понаблюдать за фиолетово-розовым жильем Ренаты Оверлид. А значит, тебе повезло! Ведь бывшая жена Оттему живет в центре, да?

– Может, я просто к ней зайду. Где-нибудь в девятом часу.

– Как только моя женщина-скелет напишет признательные показания, я договорюсь, чтобы тебя пригласили гостем в «Новости заново».

Примерно через час Рино остановил свой автомобиль возле спортивного зала, откуда он мог свободно наблюдать за домом Ренаты Оверлид. Спустя полчаса он уже знал, что она дома. «Цветы поливает», – подумал он, наблюдая, как ее голова то появляется, то исчезает между зелеными точками в окне. Почему-то эта сцена вызвала в нем двойственные чувства. С одной стороны, хорошо, что ему не приходится терять время, наблюдая за пустым домом, а с другой – казалось странным, что тот, в чей затылок дышит полиция, может заниматься таким банальным делом.

Примерно в семь часов, когда начались новости, из дома кто-то вышел – Рино решил, что это и есть Томми. Мальчик остановился, огляделся, прислонившись к перилам, потом завернул за угол, сел на велосипед и медленно поехал в сторону стройки. В половине восьмого он вернулся, за это время Рино успел вообразить все возможные места, куда он мог поехать. Инспектор пришел к выводу, что Ренате Оверлид почувствовала опасность и что-то обязательно предпримет.

В половине девятого позвонил Томас.

– Моя куда-то собралась, – сообщил он.

– Следуй за ней.

– Я себя неловко чувствую. Как какой-то соглядатай.

– Сегодня ты именно он и есть. Звони, – Рино положил трубку прежде, чем коллега успел что-то возразить.

В половине десятого Томас все еще не звонил, и Рино решил немного пройтись, чтобы размять застывшие конечности. Вернувшись в машину, он понял, что не может больше ждать, и набрал номер сам.

– А по телеку сейчас «Время Скавлана»^[10], – убийственным тоном проговорил Томас.

– Представь, что к нему в гости придут те же, что и в прошлый раз. И в позапрошлый. Ну, что там?

– Да ничего. Стоит возле дома.

– Куда она ездила?

– В магазин.

– Ок.

– Может, закончим?

Рино взглянул на часы. На этих выходных Иоаким оставался у него, и ему не хотелось оставлять его надолго одного.

– Закончим в десять тридцать.

– Не думаю, что она еще куда-нибудь поедет, но ладно уж.

Последний час тянулся, как фургон на узкой дороге. В четверть одиннадцатого он отправил Томасу СМС, чтобы тот закруглялся. Ответ не поступил, и он решил, что коллега и так его опередил.

* * *

Иоаким был с приятелем, и, судя по стопке DVD-дисков, они решили посвятить выходные просмотру фильмов. Рино заметил, что сын раздражен, ругается на бездарную игру актеров и выбор фильма, как будто Рене в одиночку решал, что они будут смотреть. Инспектор попытался разрядить ситуацию шутками, но не получил никакой реакции. Он почувствовал, что отношения у мальчиков напряженные. Он немного посидел с ними, не потому, что ему нравились второсортные фильмы ужасов, а чтобы разрядить обстановку. Наступила полночь, а атмосфера не улучшилась, поэтому он решил отправиться спать.

Проснувшись, Рино увидел, что в комнате был бардак, как после многолюдной вечеринки. На диване и на полу валялись пустые и полупустые бутылки и бокалы, чипсы и коробки с дисками. Он убрал основной мусор, решив, что Иоаким пропылесосит позже. Потом набрал номер Томаса.

– Да! – Голос коллеги тонул в шуме других голосов.

– Это я. Ты где?

– Пошел за покупками в «Стекланный дом».

Рино услышал на заднем плане голос девушки Томаса и вспомнил, что поход за покупками в субботу утром был традиционным и отменялся только в случае дежурства.

– Когда приступим?

Томас помолчал.

– То есть ты хочешь сказать, что мы сегодня продолжим?

– Ну, если мы будем считать по одному кокосовому печенью за смену, то ты пока мне еще должен.

Томас вздохнул.

– Тогда начнем в шесть вечера.

– Вообще-то я планировал начать прямо сейчас. Вы еще долго?

– Подожди.

Голоса на заднем плане затихли.

– Вот, теперь я хотя бы сам себя слышу. Я приду не раньше двух. Дети хотят в кафе. Я обещал.

Рино почувствовал укол совести, внезапно ему в голову пришла одна мысль.

– Хорошо. Пусть будет в шесть. Я звякну в полседьмого.

Он достал пылесос и пропылесосил сам. Потом поднялся на второй этаж, чтобы разбудить сына. В комнате было душно, и Рино распахнул окно. Мальчик крепко спал.

– Доброе утро! Уже половина двенадцатого!

Иоаким повернулся и натянул одеяло на голову.

– Давай вставай, лежебока!

Никакой реакции.

– Отец призывает сына!

– Че, пожар?

– Хочу прогуляться по городу, зайти в какое-нибудь кафе или что-нибудь такое...

Иоаким сел на кровати, встретил день заспанным лицом.

– Че случилось?

– Наука называет это «качественным времяпрепровождением», а я – семейными субботними развлечениями.

– Бог ты мой! – Иоаким упал на подушки.

– Давай, выезжаем через двадцать минут. Куплю тебе новый диск, если ты со мной поедешь. Но при одном обязательном условии...

– Знаю, при тебе не включать.

Развлечения не складывались, все кафе были забиты под завязку, и, когда они, обойдя центральную улицу вдоль и поперек несколько раз, наконец-то нашли свободный столик, Иоаким явно устал от «качественного времяпрепровождения» и хотел только одного – домой к приятелям.

Напряжение нарастало, и Рино пришлось быстренько допивать свой кофе, а потом бежать в один из магазинов с дисками. Иоаким мгновенно выбрал нужный, как будто проехал за ним несколько километров на велосипеде. К тому времени, как они добрались домой, он умудрился сломать коробку с диском, радость новизны исчезла. Диск остался лежать в машине, а сам мальчик сразу же сел на велосипед, который, хотя и был куплен в этом году, выглядел так, словно его взяли в лавке старьевщика.

Рино в одиночестве ел кашу, размышляя над смыслом рисунков.

Брошенные дети.

Он представил себе Ренату Оверлид, которая искренне доказывала, что Томми нужен внимательный и участвующий в его жизни отец. Он подумал о том, как она пыталась компенсировать мальчику недостаток мужского внимания, может быть, она ему даже врала, а потом ложь бумерангом вернулась к ней. Она понимала, что отец ребенка, который ничего не сделал для сына, вышел в этой ситуации победителем. Конечно, это только фантазия, но отнюдь не беспочвенная. Подсознание подсказывало, что он на верном пути.

В пять часов Рино был возле ее дома, на том же самом месте, что и раньше. К Томми, по всей видимости, пришел приятель, и они играли, а в семь приятель сел на велосипед и уехал. В этот момент Рино усомнился в своей теории и позвонил Иоакому, чтобы успокоить постоянно грызущую совесть. Но Иоаким совершенно не скучал по отцу: на заднем плане грохотал новый диск, а в гостях снова был Рене. Полдевятого пришла СМС от Томаса – бывшая жена Оттему принимала пожилую пару и, по-видимому, никуда не собиралась уезжать сегодня вечером. Рино представил себе девушку Томаса, которая в нетерпении щелкает пультом телевизора, звук которого заглушает возня ребятишек, и все они ждут домой папу и пиццу. Он написал в ответ: «Иди домой», в том числе потому, что сам с удовольствием бы это сделал. Но он остался, решив, что подождет еще час. Через сорок минут его ожидание было вознаграждено. Дверь открылась, и Ренате Оверлид вышла на улицу. Она быстро огляделась, зашла за угол дома и села за руль старенькой «Лады». «Вот они, последствия неуплаты алиментов», – подумал Рино, заводя двигатель. Проехав примерно километр, она свернула на дорожку, которая вела к зданию, где когда-то

размещался перспективный торговый центр. Сейчас оно напоминало дом с привидениями. Работали только автосалон и цветочный ларек, остальные магазины стояли пустыми. Она остановила машину и направилась к кирпичному зданию возле моря, во всю стену которого красовался рекламный щит давно уже разорившегося продуктового магазина. Рино остался ждать в машине, держась на приличном расстоянии. Примерно через пятнадцать минут она вернулась, он снова поехал за ней. К его глубокому разочарованию она отправилась домой, и инспектор решил последовать ее примеру. Заезжая в гараж, Рино вспомнил, что сказал Томас. Он набрал номер и достаточно долго ждал, прежде чем на том конце провода ответили. Инспектор решил, что его коллега притворялся глухим, опасаясь, что его заставят всю ночь сидеть в тесной машине.

– Ты вчера сказал, что бывшая жена Оттему ездила в магазин.

– Ну да.

– В какой магазин?

– Тебе название нужно?

– Да, и где он? В городе? В Мёркведе? В Хунстаде?

– У залива. Но, честно говоря, я не запомнил название. У нас есть магазины FM?

– Ты случайно не видел, магазин работал?

– Ты это к чему?

– Ответь, Томас.

– Я в магазин не заходил, если ты об этом. Но вывеску было сложно не заметить, она всю стену занимала.

– Большое кирпичное здание у моря, огромный красно-белый щит?

– Да, что-то такое.

– Тогда пора кричать «Бинго». Ренате Оверлид только что была в этом же здании. Что-то мне подсказывает, что оно пусто. Пожалуй, я туда загляну.

– Один?

– Я только взгляну. Хорошего вечера.

Через четверть часа он опять был возле здания. Все правильно, щит рекламировал магазин «FM», расположенный в ста метрах отсюда. Рино завернул за угол и узнал, что находилось в этом здании раньше.

«Плотники Карлсена» – похоже, табличка была сделана вручную, и, если она могла свидетельствовать о качестве продукции фабрики, неудивительно, что та разорилась. Окна и стеклянную дверь закрывали толстые доски. Рино заглянул за угол и увидел, что остальные стены были сплошными. Дверь, как и ожидалось, была заперта. Он ощупал доски, – те

оказались такими толстыми, что могли выдержать не один шторм. Не требовалось особых умений, чтобы отодрать доску с помощью лома, но повернуть такое и не оставить следов было практически невозможно. Эту идею Рино пока оставил. Он решил обойти вокруг здания и обнаружил на стене нечто, по его мнению, бывшее когда-то вентиляционным выходом. Отверстие находилось примерно в метре над землей, Рино сел на колени и оглядел его. Вход был прикрыт косо висящей доской. Видимо, подобное искушение было слишком сильным для ватаг мальчишек. Рино ощупал доску и немного надавил. Доска легко поддалась. Он вернулся к машине и достал из перчаточного ящика фонарь, потом опять отодвинул доску и включил свет. Это был не вентиляционный выход, а, скорее, вытяжка для стружки и щепок. В стенах все еще виднелись остатки закрученных в спирали шлангов. Видимо, их отрезали в тот день, когда братья Карлсены решили закрыть фабрику. Инспектор засунул руки внутрь хода, подтянулся и залез. Проход был примерно 40–50 см в ширину, ему пришлось продвигаться вперед, согнувшись. Скоро он оказался внутри. Инспектор зажег фонарь и осмотрелся. У одной стены стояли пять темно-зеленых монстров – три промышленных пилы и два рубанка. Под каналом лежали груды стройматериалов, и Рино осторожно спустился на почти не обработанные бревна. В нос ударил запах гнили и бетона. Он снова осветил помещение фонарем, аккуратно слез с бревен и ощупал дверь, которая, как он предположил, когда-то в семидесятые исправно служила у кого-то дома. Открытая дверь вела в помещение, которое, скорее всего, использовалось как офис. Сейчас его постарались сделать уютнее, постелив на пол ковер, украсив стены картинами и поставив два угловых дивана так, чтобы они окружали дряхлое кресло. Еще одна дверь вела, по всей видимости, в коридор, а напротив, у стены, стоял старый комод.

Рино подумал о том, что попал в убежище двух обиженных матерей, и, судя по обстановке, их могло быть даже больше. Инспектор представил себе, как они собираются здесь и делятся своими переживаниями и ненавистью к мужчинам, которые едва помнят о том, что подарили жизнь ребенку. И как они пытаются выплеснуть свою ненависть и придумывают способы мести, чем страшнее, тем лучше. Он присел возле комода, но тот был заперт. Решив, что ключ находился где-то здесь, в комнате, инспектор решил поискать его. Через пять минут поисков он начал сомневаться. Может, его прятали в мастерской. Инспектор решил сначала проверить коридор, но дверь была заперта. В этот момент он услышал голоса снаружи. Рино замер, надеясь, что все стихнет, но голоса становились только сильнее. Скоро послышался звук открываемого ключом замка. Они

были здесь. Мстители пришли.

Глава 14

Будё

Никласу Хултину приснился зверь, хищный монстр, который скрывается от людей, выискивая по ночам своих жертв. Бесформенной тенью он преследовал Никласа сквозь сон, лишь распахнутые глаза светились в темноте. Полицейский знал, за кем охотится зверь, но не мог вмешаться. И только когда тот прыгнул изо всех сил и гибкой пантерой пронесся по воздуху, Никлас рывком сел на постели и проснулся. Перед глазами все еще стояла последняя сцена из сна. Когти.

Все утро они по второму кругу опрашивали свидетелей – тетку пострадавшей и ее коллег по работе, в этот раз уделяя особое внимание прошлому Эллен Стеен, и в первую очередь, мужчинам из ее прошлого. Похоже, личная жизнь женщину не слишком интересовала. Она вышла замуж в двадцать семь, через десять лет развелась, потом у нее был всего один роман, который закончился примерно год назад. О ее бывшем муже все отзывались очень хорошо, похоже, развод произошел по обоюдному согласию без особых конфликтов и ссор. Мужчина жил в Сундвалле, что позволило следователям исключить его из списка подозреваемых, хотя само по себе проживание в Швеции не может считаться алиби. Последние отношения, по всей видимости, изжили себя, и никаких признаков отвергнутой любви или ненависти не наблюдалось. Так что пока мотив преступления был неясен. К тому же о нападении на Эллен Стеен предупредили, отправив небольших фарфоровых кукол с символическим значением предназначения и вечной любви.

Никлас решил пообедать дома и отправил жене эсэмэску, надеясь, что Карианне что-нибудь приготовит. Тактика сработала на все 100 % – когда он открыл дверь в кухню, там пахло омлетом. Карианне улыбнулась ему, как обычно, но он сразу же почувствовал, что она его ждала.

– Почти готово! – крикнула она и повернулась к плите.

Он обнял ее, попытался развернуть к себе, но она противилась.

– Эй, яйца сами готовятся.

– Не шути, Никлас!

– А я и не шучу, хочу всерьез повеселиться!

– Отпусти меня, – ее голос звучал очень уверенно, и он разжал руки.

– Что случилось?

Она пожала плечами:

– От меня пахнет.

– Что? – Он демонстративно прижался носом к ее плечу и вдохнул: – Мм... Ошеломляющий аромат. Как всегда.

– У меня изо рта, – она сняла сковородку с огня, поставила ее на стол и села.

– Ну и что? – Он осторожно опустился на стул.

– Мочой, – сказала она и разрезала омлет таким сильным ударом ножа, что им можно было легко убить быка.

– Что?

– От моего дыхания пахнет мочой. Я знаю, потому что симптомы те же. У меня во рту привкус мочи, а значит, и пахнет тоже мочой.

– Я ничего не чувствую, – попытался возразить муж.

Карианне задумчиво жевала омлет, потом взглянула ему в глаза.

– Поверь мне. Мне не хочется это доказывать.

– И что это значит? – спросил он, уже начиная догадываться.

– Это значит, что почки не могут фильтровать кровь. А это, в свою очередь, означает, что в ближайшее время меня ждет ад. Тошнота, рвота. Порой я не могу пописать даже в яичную скорлупку, а иногда из меня выливается почти полведра. Но хуже всего, конечно, ходить и знать, что от тебя пахнет мочой.

От атмосферы уютного домашнего обеда не осталось и следа. Неприятное гнетущее ощущение спустилось от груди к животу, Никласу стало тяжело дышать.

– Особенно если вдруг появится предложение о работе, – добавила она.

Значит, вот почему она его так ждала!

– Да ты что? Работа? Рассказывай!

– Ирония судьбы. Звонили из банка. Девушка, на которую напали, как раз готовила ежемесячный отчет. Они спросили, не могла бы я им помочь.

– Просто супер! – перебил он, хотя радость была омрачена.

– Да... – протянула она. – Двадцать девятого мне нужно к врачу. Что будет потом, я не знаю. Но все-таки это уже что-то.

– Когда приступаешь?

– Я обещала зайти завтра и посмотреть документы.

Вдруг она наклонилась к нему и выдохнула прямо в лицо.

– Мочой пахнет?

Пахло мокрым металлом.

– Нет. Омлетом.

– Точно?

– И металлом. Но отсюда я ничего не чувствую. Так что если ты не будешь здороваться с коллегами, выдыхая им прямо в лицо, то...

Она улыбнулась той самой улыбкой, которую он так любил, – полудерзкой-полусмущенной.

– Ешь! Тебе еще преступника ловить.

Дело нравилось Никласу все меньше и меньше. Очевидного мотива нападения на Эллен Стеен найти не удавалось. Но ведь преступник выкрасил женщине волосы и одел ее так, чтобы она напоминала одну из кукол, найденных несколькими днями раньше. Казалось, что вся эта история из мира театра, только постановка преувеличена так, чтобы даже зрители на заднем ряду уяснили содержание пьесы. Цельная картина у Никласа никак не складывалась.

Следователи начали обход территории, и Никлас решил сбежать. Он поехал на пляж, где нашли куклу. Песчаная отмель заходила в маленькую бухту, а трава и деревья подступали к самому подножию горы, именно поэтому древние люди и построили здесь поселение в те времена, когда для жизни требовались лишь доступ к морю и плодородной почве. Все дома на побережье, очевидно, были построены в прошлом столетии, и Никлас с удивлением отметил, что в большинстве из них до сих пор живут люди. Он ехал по небольшой дорожке из гравия вдоль линии пляжа, пока не уперся в маленькую тропинку. Никлас остановил машину и осмотрел дорожку, которая вилась вдоль линии моря. Ветер усилился, волны стали тяжелее и больше, они с грохотом разбивались о валуны – осень вступала в свои права. Внимательно глядя под ноги, чтобы не оступиться, Никлас стал спускаться к морю.

На небольшом выступе он остановился и присел. Волны яростно набегали на берег; если бы он высадил в море деревянный плотик сейчас, тот очутился бы на берегу метрах в десяти отсюда. А вот если бы ветер переменялся, волны вполне могли отнести свою ношу в одну из бухточек или заливов. Возможно, именно здесь сидел преступник, ожидая, пока ветер переменит направление, а потом высадил плотик в море. Вполне вероятно. Лодка привлекла бы внимание, ее легче было бы выследить.

Никлас обернулся, чтобы лучше рассмотреть ближайшие дома. В некоторых из них горел свет. То есть все еще оставалась возможность, что преступника кто-нибудь видел. Никлас достал мобильник и набрал номер Линда.

– Никлас? Ты где?

– Не знаю, как называется это место. На пляже, где нашли куклу в

черном платье.

- Клейван. Это место называется Клейван. Что ты там делаешь?
- Думаю, именно отсюда он отправлял в плавание своих кукол.
- Ну?
- Значит, его могли заметить.

Линд молчал.

– Сейчас половина третьего. Думаю, мы сможем застать всех дома через два-три часа. Будет лучше, если к ним придет кто-то более-менее знакомый. А я отправлюсь к тетке и попрошу у нее еще раз ключи от дома Эллен.

- Думаешь, мы что-то пропустили?
- Да. Он же не просто так нарядил ее в Тавану.
- Хорошо. Я поговорю с Нурвалдом. Он всех там знает. Кстати, сегодня вечером прибывает подкрепление из Главного управления. Брокс хочет побыстрее разделаться с этим делом.
- Об Эллен Стеен есть новости?
- Боюсь, все так же.

* * *

Через полчаса Никлас подъехал к дому тетки Эллен Стеен. Она была очень удивлена, увидев на пороге полицейского.

- Боюсь, мне нужно еще раз зайти в дом вашей племянницы.
- Разве вы не достаточно похозяйничали там в первый раз?
- Нет, – он твердо протянул руку.

Глубоко вдохнув, она открепилась от связки за дверью ключ и сняла пальто с крючка.

- Будет лучше, если я пойду туда один.

Она замерла.

- Это еще почему, позвольте поинтересоваться?
- Расследование всегда на 70 % зависит от интуиции. А чтобы подсознание работало на полную мощность, мне нужно побыть там одному, – Никлас придумал это на ходу, но, похоже, был достаточно убедителен.

Она нехотя повесила пальто обратно:

- Мне это не нравится.
- Мне тоже. Но что же поделаешь.

Через пять минут он уже стоял в гостиной у Эллен Стеен. Порядок в

комнате настолько бросался в глаза, что он начал искать хоть что-нибудь, что выбивалось бы из него. Он опять обошел комнату за комнатой, медленно, открывая все ящики и шкафы, искал, не пропуская ничего. Он закончил там же, где и начал, в гостиной, с ощущением, что искал не там, что ответ был в том, чего он не видел. Вдруг ему в голову пришла простая мысль, настолько очевидная, что он удивился, что не додумался до нее раньше. На стенах не было семейных фотографий, ни одной, даже фотографии тетки не было. Хотя у Эллен Стеен не было детей, она поддерживала хорошие отношения со своей семьей. Он еще раз обошел все комнаты, в этот раз в поисках фотоальбома, но, очевидно, снимками на память Эллен не увлекалась. И он вернулся к тетке с пустыми руками.

– Теперь там, наверное, полный беспорядок, – выражение ее лица было очень хмурым.

– Я ничего не трогал, – Никлас протянул ей ключ. – Я не нашел ни одного фотоальбома. А ведь это вроде бы обычная вещь во всех домах.

– То есть вы все-таки копались в ее вещах.

– Не копался, – он попытался улыбнуться, но был слишком взволнован, чтобы улыбка показалась искренней.

Тетка демонстративно скрестила руки перед грудью.

– Ее фотоальбом у меня.

Очевидно, она забрала альбом, чтобы не допустить полицейских в личную жизнь племянницы.

– Можно мне взглянуть?

– Зачем?

– Ознакомление с кругом общения жертвы входит в стандартную процедуру расследования.

– Там только семья и друзья.

– Возможно, они помогут нам раскрыть преступление.

– Ну хорошо.

Она направилась в дом.

Никлас последовал за ней на кухню, переполненную разными украшениями. Тетка достала фотоальбом из нижнего ящика старинного шкафа.

– Эллен никогда особо не интересовалась фотоархивом, – сказала она, как бы извиняясь за то, что альбом был только один.

Под пристальным взглядом тетки Никлас начал листать альбом. На фотографиях, помимо тетки и ее покойного мужа, были запечатлены мужчины в ее жизни. Еще были фотографии из летней поездки в отпуск с подругой, но после того, как тетка на удивление точно назвала место и дату

поездки, стало очевидно, что множество лет не было увековечено вовсе. В заднем кармане альбома лежали снимки плохого качества – пожелтевшие или побледневшие. Тетка с грустью указала на фотографию родителей Эллен, и Никлас быстро проглядел не относящиеся к делу снимки. Последней лежала групповая фотография школьных времен. Тетка мельком взглянула на ее, потом резко вырвала альбом у Никласа и захлопнула его. Никлас готов был признать, что не сдвинулся в расследовании ни на шаг, но вдруг ему в голову пришла одна мысль.

– Эта групповая фотография, – сказал он.

– И что с ней?

– Эллен на ней в седьмом классе, не так ли?

– Именно так я и сказала.

– Кто-нибудь из ее одноклассников еще живет здесь?

– Не думаю. Не всех, как Эллен, заботят их корни.

– Можно еще раз взглянуть на снимок?

– Господи, Эллен в коме, а вы пристаёте ко мне с этой ерундой, – женщина поморщилась и опустила на стул. Грузное тело сотрясали тихие рыдания.

– Мне кажется, что мотив преступления лежит в глубоком прошлом. Я подумал, что если кто-то из них все еще живет здесь...

Тетка помотала головой, словно стряхивая сомнения, и взгляделась в фотографию. На ней было шесть детей, включая девочку, похожую на Эллен Стеен.

– Только Лилли Марие. Очень сомнительная дама, на мой взгляд. Она живет одна возле Лейте. Я слышала, она занимается гаданием.

– Гаданием?

– Да, по телефону, – ответила тетка и высморкалась.

* * *

Ему пришлось потрудиться, прежде чем он отыскал типичный северонорвежский домик, одиноко стоящий на склоне горы. Звонка не было, но Никлас решил, что хозяйка уже заметила его машину и наверняка ждет, когда он постучит в дверь. Никто не ответил. Он толкнул дверь. Скрипнув, она открылась, послышались звуки медитативной музыки. Никлас прошел по коридору, заметил дверь справа и снова постучал. Музыка сразу же стихла. Он представлял себе гадалку огромной ведьмой с всклокоченными волосами, одетой в странные цветастые одежды. Но

женщина, которая открыла дверь, была невысокой и стройной, а одежда – вполне обычной.

– Да?

– Вы – Лилли Марие?

– А что? – Она склонила голову.

– Я Никлас Хултин, – он решил, что форма сама по себе все объяснит.

– Заходи, Никлас.

Дом Лилли Марие был окрашен в веселые цвета – дизайнер интерьеров был бы шокирован. Никлас прошел за ней в небольшую узкую гостиную, потолок в которой был зеленым, а стены – оранжевыми. Женщина предложила ему сесть в кожаное кресло, а сама разместилась на двухместном диване напротив. В углу стояло большое кресло с подлокотниками, на одном из них висела гарнитура, а на маленьком круглом столике стоял телефон.

– Чай?

Лилли Марие пододвинула Никласу небольшую чашку с азиатским мотивом, и он не смог отказаться.

– Зачем пришел?

– Эллен Стеен, – Никлас решил сразу перейти к делу.

– А, Эллен. Это ужасно, – голос женщины звучал мягко, но в то же время раздражающе равнодушно, как будто она по привычке говорила в натренированной телефонной манере.

– Вы были одноклассницами?

– Хм, – она насыпала в свою чашку какие-то травы и хорошо размешала.

– Вы общаетесь?

– Здравоемся при встрече, не более того. То, что в маленьких городках все друг друга знают, – миф. Скорее, наоборот.

Он почувствовал затаенную обиду и вспомнил, как относится тетка Эллен Стеен к профессии Лилли Марие.

– Вы хорошо помните, какой она была в школе?

Она наморщила лоб.

– Хорошо ли я помню? Не знаю, к чему ты клонишь, но я, как и большинство людей, помню отдельные моменты.

– До того, как на нее напали, были найдены куклы.

Лилли Марие отпила чай:

– Я слышала об этом.

Она старалась не смотреть Никласу в глаза.

– Куклы старинные, поэтому я подумал, что они каким-то образом

связаны с ее прошлым. Вы вместе ходили в школу, может быть, дружили?

– Лучшими подругами мы не были, но иногда заходили друг к другу в гости. Я переехала сюда, когда перешла во второй класс, поэтому была очень популярна первые месяцы. Потом интерес угас.

Он открыл сумку и достал кукол. Было очевидно, что Лилли Марие их узнала. Она пыталась сохранить равнодушное выражение лица, но не могла отвести глаз от кукол.

– Вы их раньше видели?

Она помотала головой, схватила чашку двумя руками и прижала к лицу.

Он ждал. Лилли Марие не сводила глаз с чашки.

– Расскажите.

Она продолжала смотреть в чашку.

– Это куклы Эллен?

Она сидела неподвижно, и он подумал, что она отчаянно ищет пути отступления. Потом она помотала головой.

– А чьи? – спросил он.

Лилли Марие встала, подошла к телефону и нажала кнопку. «Автоответчик», – подумал он. Она села, опять поднесла ко рту чашку, потом наклонила голову, как будто молилась о прощении. Когда она, наконец, подняла глаза, в них отразились самые печальные воспоминания.

– Это история одной семьи, – прошептала она.

Глава 15

Будё

Их было, по меньшей мере, четверо. Женщины. Рино спрятался за одной из гигантских пил. Сначала были слышны только отдельные слова, женщины просто обменивались любезностями. Затем, по-видимому, они расселись – голоса затихли. Он подумал, что, скорее всего, они сели за круглый стол, и на цыпочках подкрался к двери. Все еще сложно было различить что-то помимо отдельных бессвязных слов, но вдруг раздался громкий голос, и Рино прижался ухом к двери.

– У тебя дома? Он был у тебя дома?

– Спрашивал о Киме. И о Томми. Он считает, напавший на Кима мстил за то, что тот был ужасным отцом.

Говорила Ренате Оверлид.

– Он так сказал?

– Ну, почти так.

– Черт подери!

– В чем дело? – раздался другой голос.

– Ничего. Мы ничего плохого не делали.

– И все-таки мне это не нравится.

Опять раздался шум. Кто-то бродил по комнате. Прижимаясь к двери, Рино, конечно, рисковал, но в то же время, спрятавшись за пилу, он точно упускал возможность все разузнать. Он решил остаться.

Опять раздался тот же голос:

– И мы все еще уверены насчет ключей?

Рино попытался что-то разобрать в том шуме, который раздался после этой фразы, но, похоже, они просто обсуждали, что кто-то из них неосторожно повел себя с ключами. Хотя сам Рино мог бы стать ярким доказательством того, что в их тайную комнату для собраний запросто можно проникнуть безо всяких ключей. А судя по доске, которой был прикрыт ход, он был отнюдь не первым, кто сюда пробирался.

Женщины еще какое-то время обсуждали ключи, потом Рино почувствовал запах кофе. Они болтали о разных мелочах, но постепенно разговор перешел на последние происшествия.

– Наш невидимый мститель, – раздавшийся смех доказывал, что они не очень-то сожалели о случившемся.

Женщины снова заговорили, и Рино подумал, что, похоже, они ничего не знают. Он был удивлен.

Раздался строгий голос:

– Ренате, теперь твоя очередь.

Болтовня стихла. Все смотрели на Ренату Оверлид.

– Что ты чувствуешь? – Тот же строгий голос, немного гнусавый и очень пронзительный.

– Вся эта история с полицейским меня взволновала.

– Это понятно, а раньше?

Тишина.

– Все-таки он отец Томми... и, возможно, мысль о том, что когда-нибудь мы...

Снова раздалось перешептывание.

– Но, в то же время, он это заслужил.

Перешептывание усилилось и слилось в какую-то коллективную мантру.

– Я... – Ренате заплакала, и он подумал, что остальные женщины окружили ее, чтобы утешить. – Все-таки очень страшно, что кто-то настолько извращенно воспринимает наше возмущение. Когда эта мысль пришла мне в голову, я очень испугалась, потому что это должен быть кто-то знакомый, кто-то, кто видел, как страдает Томми от недостатка...

Она снова заплакала.

– Он заслужил, он определенно это заслужил.

Она почти выкрикнула последние слова и, всхлипывая, попыталась совладать со своим голосом.

– И я надеюсь, что каждую секунду, которую он провел там, он думал о Томми...

– Думаешь, это изменит...

– Кима? Нет. Этот мешок дерьма только могила исправит. К тому же слишком поздно. Если бы он попытался сблизиться с Томми сейчас... Томми очень закрытый мальчик. У него ничего бы не вышло.

Рино почувствовал, что одна нога у него затекла, осторожно двигаясь, он попытался размять ее.

– К тому же я не уверена, что хочу этого: чтобы он приплыл к нам на всех парусах и стал изображать из себя суперпапу. Думаю, и Томми не сможет перестроиться. Он знает, что его отец – неудачник.

– Он пытался с вами связаться, я имею в виду, после того, что случилось?

Была полная тишина, и он подумал, что Ренате покачала головой.

– Все это настолько безумно... профессионально, – раздался другой голос. – Эти рисунки, которые разместили так, что не смотреть на них невозможно.

– Как будто их нарисовали сами дети, – добавил кто-то другой.

– Не знаю...

– Что, Вигдис?

Рино решил, что Вигдис – это бывшая жена Оттему, Вигдис Закариассен.

– На самом деле я не уверена, что Нильс заслужил смертный приговор. К тому же еще неизвестно, смогут ли ему спасти руку. По-моему, все зашло слишком далеко. Кто следующий, вы думали? Ина? Может быть, Гуннар? Представь, если мститель отрубит ему руку, неужели ты решишь, что это справедливое наказание?

– Но подумай о детях, Вигдис.

– От того, что его отец станет уродом, Кристеру легче не будет. И раз уж полицейские добрались до Ренаты... я боюсь, они выйдут на нас. Может быть, завтра они придут ко мне?

– И что, Вигдис? Разве это ты поджарила его руку?

– Нет, но, возможно, в итоге именно я окажусь в тюрьме. И получу, в таком случае, двойное наказание.

– Что ты хочешь сказать?

– Не знаю, может быть, нам всем стоит пойти в полицию и раскрыть наши карты?

– Какие карты, Вигдис? Какие карты мы им раскроем? Никто из нас не имеет никакого отношения к этим преступлениям.

Снова тишина.

– Верно, Вигдис?

– Не знаю. Сказать по правде, я не знаю.

Это признание было встречено громкими протестами, он слышал, как они ходили по комнате, а потом кто-то из них взялся за ручку двери, ведущей в мастерскую.

Глава 16

История Андреа

Его звали Эдмунд, он скитался по свету в поисках работы. Как-то на одной из случайных подработок он познакомился с девушкой по имени Андреа, которая позже стала его женой. Он нанялся скотником на ферму, где робкая застенчивая девушка служила домработницей. И ее откровенное равнодушие пробудило в нем что-то животное – наверное, инстинкт охотника, завоевателя. С первого взгляда, когда она не смогла отвести глаз, он понял, что она в его власти, у нее не хватит сил противостоять. Порой, конечно, в редкие короткие мгновения, он ее даже ненавидел, ведь когда она что-то изменяла в своих повседневных делах, ему становилось труднее следить за ней. Но как только она против своей воли отвечала на его улыбку, в его душе рождалось возжелание, которое он с трудом сдерживал. Он бросил работу и стал ее тенью – бродил за ней по пятам круглосуточно. И, как только представилась возможность, притворился нежным, любящим и понимающим, заставил ее расслабиться и покориться. Скоро она оставила все попытки избавиться от него, у нее попросту опустились руки. Встревоженным хозяевам ничего не оставалось, как предложить ей поискать счастья в другом месте, уверяя ее, что им очень жаль с ней расставаться, но уехать нужно ради ее же блага. Они рекомендовали ее хозяину небольшого рыбного завода в соседней коммуне, заплатили за лишний месяц и тепло распрощались. И Андреа, которая к семнадцати годам уже успела стать матерью, подхватила свою маленькую дочь и уехала. На следующий день уехал Эдмунд. Прямо во время кормления телят он отбросил вилы в сторону и ушел, предоставив хозяину самому прийти к логичному выводу, что он не вернется. Он нашел ее через несколько недель, пару дней просто наблюдал, не показываясь. Это была все та же Андреа, без сомнения, только она стала взрослее, или, скорее, он заставил ее повзрослеть, потому что теперь она уже не опускала глаза и не пряталась. Наоборот, уверенно улыбаясь, она подавала кофе и вафли рабочим, улыбаясь, принимала комплименты и изящно парировала остроты. Он наврал про свой опыт и получил пробную работу. Однажды, когда она пробиралась между столами с подносом в руке, он взмахнул разделочным ножом и поприветствовал ее. Кофе разлился по бетонному полу, чашки разлетелись по всем углам – она поняла, что он

нашел ее. И в этот момент что-то в ней погасло, что-то увяло, как трава поздней осенью. Она стала реже улыбаться, а если и улыбалась, то лишь уголками рта. Андреа больше не отвечала на флирт рабочих, как будто перестала находить его забавным. Она стала той же застенчивой и робкой девушкой, опять превратившись в игрушку Эдмунда. А игра все сильнее напоминала насилие, и через пять недель их застали с поличным в одной из контор. В тот же день их уволили, и она могла поклясться, что в момент отъезда Эдмунд прятал довольную улыбку. Через четыре недели она поняла, что беременна. И что теперь ее жизнь в его руках.

За пять лет она родила троих детей, они стали смыслом ее жизни, ее главной любовью. Она старалась компенсировать им недостаток отцовского внимания – он никогда не интересовался детьми, воспринимая их, скорее, как обузу и тяжкое бремя. И все время ее сердце страдало по тому ребенку, которого ей пришлось отдать на воспитание в другую семью, по тому, кого Эдмунд ненавидел всем сердцем и называл не иначе как «шлюхиным отродьем».

Демоны Эдмунда с годами становились все сильнее, он срывал свою злость на хозяевах и других работниках, поэтому ему постоянно приходилось искать новую работу. Иногда он сидел без работы, и эти моменты были испытанием для них всех, и не только из-за нехватки денег, но и потому, что он бродил по дому как тикающая бомба, холодный и контролирующий все вокруг. Но Андреа смогла приспособиться и научилась избегать конфликтов. Вплоть до того дня, когда в доме закончилась еда. Эдмунд был не из тех, кто признавал свои ошибки или недостатки, он напал на нее, обвиняя в том, что именно она – причина их нищенского существования. Он дал ей час, чтобы найти еду.

Она не уложилась, но запах готовящегося обеда уже заполнил кухню, и, возможно, он почувствовал что-то сродни сожалению и поэтому промолчал. Вместо этого он заговорил со старшей дочерью, Хайди, та односложно отвечала. Андреа сбегала к ближайшим соседям и со стыдом попросила у них еды на один обед. Соседка, которой давно было ясно, как обстоят дела в этой семье, дала ей продуктов на несколько дней. Они ели молча. То есть ел Эдмунд, а все остальные ковырялись в своих тарелках, едва поднимая глаза. Вечером он сказал, что заслужил поощрение за то, что спустил ей с рук опоздание, и был еще более груб, чем обычно.

После этого случая Андреа всегда заботилась, чтобы Эдмунд приходил к накрытому столу, и Хайди отлично справлялась с ролью шпионки – она стояла у окна и подавала сигнал, когда серый автобус подъезжал к дому. Неизвестно, что именно навело его на подозрение – то,

что она всегда успевала вовремя, или то, что выглядела необычайно счастливой, но однажды он явился домой прямо посреди дня и услышал на втором этаже заразительный смех. Жена по-девичьи болтала с соседкой. Он пробурчал, что забыл нож, и вышел за порог. Через несколько часов он вернулся и сообщил, что уволился и собирается отказаться от этого дома, как только истечет срок аренды, то есть через три дня. Андреа понимала, что над только что появившейся в ее жизни дружбой нависла угроза, и попыталась ему возразить. Он посмотрел на нее с искренним удивлением, потом принес картонные коробки и демонстративно поставил их посреди кухни.

Эдмунд собрался уехать на север, и Андреа решила воспользоваться возможностью превратить поражение в победу. Она предложила поехать в Бергланд, туда, где всю жизнь прожила ее бабушка, покинувшая эту брентную землю пару лет назад. Он ничего не ответил, и она испугалась, что из чувства противоречия он направится в противоположную сторону от маленького прибрежного городка. Но все-таки она решилась упомянуть, что многие жители покинули Бергланд, поэтому им будет легко найти дешевое жилье, а рыбные заводы все еще работают, и там всегда нужны люди. Она так и не узнала, прислушался ли он к этим аргументам или, возможно, в душе его проснулось ранее незнакомое ему чувство вины, но на следующий день они приехали в Бергланд. Бессонную холодную ночь они провели в машине. Через несколько часов он сообщил, что новый дом уже ждет их. Андреа не знала, ни как он нашел этот дом, ни сколько заплатил за него, но больше никто не беспокоил их вопросами об арендной плате, то есть он, очевидно, каким-то образом смог его выкупить.

Несмотря на то, что она и раньше задумывалась на эту тему, лишь той осенью Андреа смогла признаться себе, что Хайди серьезно больна, а не просто поздно начинает говорить и ходить. Девочка научилась ходить около двух лет, сначала неловко и неуклюже, как и все дети, только, в отличие от них, она такой и осталась. Андреа осознала это, когда девочка, зацепившись ногой за порожек на кухне, чуть не разбила себе голову. Такое случалось и раньше, и Хайди не обращала на это особого внимания, но во взгляде поднявшейся дочери читалось грустное признание того, что она не такая, как все.

Эдмунд уже не верил в банки, поэтому деньги хранились в сундуке в спальне. Отправляя жену за покупками, он выдавал ей 100 или 200 крон и всегда следил, чтобы сдача полностью возвращалась в сундук. Но в двух бакалейных лавках кассовых аппаратов тогда еще не было, поэтому

Андреа умудрялась ухватить несколько крон, спрятав их в башмаки или под одежду. На эти деньги она покупала детям игрушки, маленьких фарфоровых кукол, а мужу говорила, что это подарки от теток и двоюродных братьев и сестер. И Эдмунд ничего не подозревал, по крайней мере, сначала.

Андреа скучала по Тее, соседке, которая сжалась над ней и поделилась едой. Это чувство мучило ее, и через месяц она решила написать письмо. Она примерно рассчитала срок, который понадобится, чтобы письмо дошло, и дала себе неделю. Прошло две недели, а Теа так и не ответила. Тогда Андреа отправила еще одно письмо, в котором с плохо скрываемыми чувствами умоляла об ответе. Ответ пришел. В виде удара кулаком. Эдмунд напал на нее без предупреждения, как только пришел с работы, осыпал ее бранью и обвинениями, пока она в смятении пыталась подняться на ноги. «Это я чокнутый? Сейчас ты у меня получишь!»

Андреа подняла руку, чтобы защититься от новых ударов, но не смогла уберечься от пинков в живот. «Так, значит, я свихнутый тиран-алкоголик?»

Обвинения, словно пули, прошивали ее насквозь. Когда он наконец остановился, может быть, из-за того, что увидел Конрада и Хайди, она свернулась в клубок. Письма от Теи. Он открыл и прочел их. Казалось, время остановилось. Он молча стоял над ней, тяжело дыша. Малыши замерли от страха. Наконец он отошел от нее и открыл дверь. Прозвучал приговор, ранивший сильнее, чем любой из ударов: «С сегодняшнего дня ты не будешь выходить из дома».

В основном она делала так, как хотел Эдмунд. Ради детей и мира в семье. Но не всегда. Примерно раз в месяц ей удавалось выбраться из заточения, предварительно договорившись с соседкой, чтобы та присмотрела за детьми. Андреа объяснила детям, что папа ужасно разозлится, если они выдадут ее, и тогда придет конец всем этим куклам. Хотя Конраду на тот момент едва исполнилось два с половиной года, а Хайди по уровню развития была ему ровесницей, в их распахнутых глазах читалось полное понимание. Они ее не выдали.

За три месяца Эдмунда выгнали с четырех рыбных заводов, а оставшиеся объявили, что не возьмут его на работу. Нужда опять подкралась к дверям. Наученная горьким опытом, она стала резать хлеб тоньше, вдвое уменьшила начинку для сэндвичей и заявила, что собирается сбросить пару лишних килограммов. Расчет оказался разумным. Весь следующий месяц она с детьми почти голодала. После недели угрюмого молчания Эдмунд швырнул на кухонный стол двух окровавленных зайцев.

«Освежуй и зажарь!» – приказал он и вышел прочь. Она разрезала их на куски и освеживала, а слезы лились ручьем. Отрезая головы, она отвернулась, чтобы не смотреть, и рубила повторяющимися движениями наугад, руки дрожали, а из груди прорывался истерический вой, как будто все насекомые на свете ползли по ее коленям. На кухню внезапно вошла Хайди, увидев мать с ножом в руках, всю в крови, она замерла, раскрыв рот и дрожа всем телом. «Мама, у тебя кровь», – прошептала она, а потом увидела отрубленные головы и завывала. Их вой слился в хор, Андреа упала на колени и обняла дочь. Обе рыдали. Над двумя мертвыми зверями и над жизнью, которой вынуждены были жить.

Через какое-то время Эдмунд почувствовал тоску по морю и арендовал старую весельную лодку. Он ходил от двери к двери, продавал свой улов и предлагал дичь, которую добыл на охоте. Случалось, Андреа просыпалась в ночи от ощущения отчаянной борьбы за жизнь, от душераздирающего крика, который не могла сдержать, даже пряча лицо в подушку. К концу первого месяца с этим было покончено – бессонница, застывший взгляд, забой дичи, свежесвание. Она стала равнодушно отрубать головы животным, как запрограммированный аппарат, без каких-то эмоций, без противостояния. Так они и жили до поры до времени.

От звонка мобильного телефона Никласа Лилли Марие остановила свой рассказ. Звонил Линд.

– Продолжение следует... – сказал он.

Глава 17

Будё

Рино инстинктивно спрятался обратно за пилу и приготовился к воплю, который мог раздаваться. Но, к своему огромному удивлению, ему удалось укрыться вовремя, в ушах раздавался только стук сердца. По стенам и потолку пробежала полоска света от открывшейся двери, голоса стали яснее. Потом дверь закрылась, помещение заполнил запах сигаретного дыма. Он услышал приближающиеся шаги, но не рискнул пробираться глубже под машину. Он чувствовал, что она подошла так близко, что он мог бы дотронуться до нее. Она остановилась, и Рино решил, что она прислонилась к пиле. Дым от сигареты расплзался, словно туман над ночным озером, бледнея в тусклом свете из единственного окна.

– Черт! – Послышалось тихое ругательство сквозь зубы.

По тому, как она курила – суетливо, резко выпуская дым, – он понял, что она нервничает. Послышался звук подошвы, скребущей бетонный пол. Она загасила сигарету. Выругавшись еще раз, она вернулась к остальным. Рино сидел, дожидаясь, когда успокоится пульс. Холод от стальной машины пронизал все его тело. Он постарался мыслить логически. Если бы кто-нибудь еще, кроме нее, курил, то они бы точно к ней присоединились. Курильщики очень любят компании. И если она выдержала без сигареты первые двадцать минут, то выдержит еще столько же. Рино опять прижался к двери.

– Нельзя прощать то унижение, которое мы испытали, – говорил гнусавый голос. – Я бы ничего не потеряла без этого жизненного опыта. Того, что я испытала в комнате ожидания с Тувой на руках. Он работал на траулере, зарабатывал пятьсот тысяч в год, останавливался в каждом порту, шатался по бабам и сорил тысячными бумажками. А в это время я с его дочерью в одежде, из которой она давно уже выросла, вынуждена была кланчить деньги на еду. Черт возьми, я его ненавидела! Я не проронила бы и слезинки из-за того, что кто-то отрезал ему руку!

– А сейчас?

– Когда человека унижают, он много чего может придумать. Но нет. Мне не нравится то, что происходит. Все зашло слишком далеко.

– Не ему пришлось выпрашивать деньги на еду. Он из тех, кто любит поразвлечься, а вот нести ответственность за последствия...

– И все-таки. Когда я узнала, что произошло с Кимом, первой моей мыслью было – «наконец-то он получил сполна». Извини, Ренате, но это так. Но после случая с Нильсом... все-таки все стало слишком серьезно.

– А у тебя остаются деньги после выплаты основных расходов, Сири? Сколько ты можешь потратить на саму себя?

– Нисколько.

– А сколько зарабатывает Ян? Шестьсот-семьсот тысяч?

– Ты бы отдала свою руку за шестьсот тысяч крон?

– Господи, Сири, не делай из них жертв. Мы создали наше общество не просто так, не забывай! Ты помнишь, как мы познакомились?

На несколько секунд все стихло, Рино представил себе, как Ренате обвела глазами всех за столом, убеждаясь, что все помнят.

– Мы сидели на диванах в комнате ожидания, так близко, что могли протянуть руку и потрогать друг друга. Вместо этого мы сидели, уставившись в пол, надеясь, что скоро дверь откроется, и мы сможем избавиться от этого стыда и исчезнуть. Их пронесло, Сири, эти сволочи избежали ответственности!

– И все-таки. Кто-то дышит нам в спину.

– Что ты хочешь сказать?

Рино почувствовал, что атмосфера в комнате изменилась. Вопрос был задан с вызовом. Женщины зашумели.

– Боюсь, что кто-то из нас проговорился не тому человеку. Очевидно, преступник о нас знает, о нашем обществе, о том, как мы... ненавидим отцов наших детей.

– Мы их не ненавидим... – кто-то осторожно возразил.

– Разве, Вигдис?

– Мы не ненавидим. Мы очень злимся.

– Это лишь вопрос терминологии.

– Девочки! – Одна из женщин хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание, ему показалось, что он узнал голос Ренаты Оверлид. – Нельзя забывать, зачем мы создали наше общество. Общая судьба, так? Нельзя превращать его в общество поддержки мешков с дерьмом, из-за которых мы попали в такое положение. Разве не из-за Яна нам приходится встречаться в этом Богом забытом месте? И разве он не продолжил бы терроризировать нас, если бы узнал, где мы?

– Он считает, что мои друзья настраивают меня против него.

– То есть он все еще следит за тобой, Сири? И за нами тоже?

– Ренате права.

– Но нам нельзя вести себя, как раньше. Полиция наверняка выйдет на

наш след. Что мы будем делать?

– Не все против нас.

От этих слов у Рино перехватило дыхание. Реакции не последовало, он понял, что они уже говорили на эту тему.

– У меня на коленях был младший, у него были судороги. Я очень испугалась. И выложила все свои мысли... В тот момент я поняла, что он понимает меня, сочувствует моей обиде.

– Может быть.

– Это точно, он желает нам добра.

– Может быть, – повторил тот же голос.

Глава 18

Будё

Дома Рино увидел картину, которая напоминала тренировочный зал сборной команды Норвегии по кулинарному искусству. Иоаким явно увлекся творчеством, простой ужин его не удовлетворил. А может быть, свинство, которое он развел, было последним приветом отцу, который предпочел работу общению с сыном. Сейчас Иоаким уже спал. Рино занялся уборкой, пытаясь разложить по полочкам в голове все, что произошло сегодня вечером. Порой ему хотелось выйти из своего убежища, но он решил, что извлечет больше пользы, если не выдаст себя.

Он все еще до конца не мог понять, что именно он видел, потому что и представить себе не мог, что наткнется на клуб обиженных матерей. Он решил обдумать все, что знал. Прежде всего, у всех жертв в определенные моменты своей жизни были финансовые сложности. Затем, их не без основания обвиняли в том, что они никак не участвовали в жизни своих детей. Матери этих детей объединились, по крайней мере, двое из них, и создали общество обиженных матерей. И, если верить тому, что он только что услышал, эти матери не знают, кто совершает все эти преступления. Преступник взял на себя роль мстителя за брошенных детей, он разработал жуткий, но хорошо продуманный план. В сущности, мститель намного сильнее ненавидит жертв, чем обиженные матери, ведь, судя по их уверениям, наказание значительно превысило преступление. Может быть, подобные драматические акты мщения предназначены именно для них? Из скудных описаний, которые дали жертвы, можно было сделать вывод, что преступник – человек сильный, был одет во что-то, напоминающее костюм дайвера. Сначала Рино подумал, что костюм для дайвинга нужен был преступнику на тот случай, если во время борьбы они упадут в море, но теперь он уже не был в этом уверен. Что-то говорило ему, что он слишком мало внимания уделил этому костюму, если на преступнике вообще был именно костюм для дайвинга.

Рино вертелся в кровати, а в голове крутились события последних дней. Он взглянул на часы. Десять минут второго. Надо попытаться. Он набрал номер коллеги, тот ответил после пятого гудка.

– Ты когда-нибудь спишь? – По голосу Томаса было понятно, что он только что проснулся.

– Только после того, как освобожусь от лишних мыслей. Именно для этого ты мне и нужен.

Коллега застонал:

– Ну что?

– Нашим молодцам, Оттему и Олауссену, когда-нибудь показывали фотографии друг друга?

– Никто никого не узнал.

– А как насчет полиции Бергена? Новости есть?

– Пришел краткий рапорт, – коллега перешел на шепот, – ...то, что мы уже знаем, в новом изложении.

– Ничего нового?

– Ничего ценного.

– Черт возьми! Я думал, подобным делом займутся серьезно!

– Единственный человек, которого можно связать с местом преступления, был на пристани Амундсена сегодня утром. Но его, скорее, нужно поставить первым в списке жертв.

– Не понимаю.

– Он хотел посмотреть на пристань до того, как ее отремонтируют. Он выжил во время пожара в 1964 году. И у него, видимо, случился приступ ностальгии.

– Он что-нибудь сказал?

– Он говорил, что упал в подвал, и именно это его спасло.

– Ты запомнил его имя?

– Ему за семьдесят, Рино!

– Да хоть сто семьдесят! Как его зовут?

– Винтер. Имя я не помню.

– Подожди чуть-чуть.

Рино сбегал в комнату за телефонным справочником, по какой-то причине раз в год он продолжал его получать.

– В городе не так уж много Винтеров. Я их зачитаю.

Уже на втором имени коллега вспомнил.

– Херляйф. Херляйф Винтер.

– Ну, спи, спящая красавица. Спокойной ночи!

Рино не верил в случайные совпадения. Он почувствовал, что пожар, как и крушения круизных судов, имеет к происшествиям какое-то отношение. Он набрал номер Херляйфа Винтера, надеясь, что того мучает бессонница. Но прежде, чем на другом конце провода сняли трубку, прошло достаточно много времени.

– Да?

- Херляйф Винтер?
 - Кто это? Вы знаете, который час?
 - Меня зовут Рино Карлсен. Инспектор полиции. Извините, что звоню в такое время, но, насколько я знаю, у вас есть информация, которая может помочь нам в расследовании.
 - А раньше позвонить вам в голову не пришло?
 - Раньше я не знал, что вы выжили во время пожара на пристани Амундсена в шестидесятые.
 - Если бы вы интересовались местной историей, вы бы это знали.
 - Извините. Я это упустил.
 - Ладно. Я уже проснулся и теперь не засну. Что вам надо?
 - Расскажите о пожаре. И о том, что с вами произошло.
- Старик тяжело вздохнул.
- Уже сорок лет никого это не интересовало. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но уж очень неожиданно. Ну, ладно. Причину пожара до сих пор не установили. Такие пожары называют «закрытыми» – очень быстро дым заполнил все помещение. Был сильный ветер, как сейчас, поэтому разгорелось быстро. Они думали, что эвакуировали всех, но забыли о парне, который складывал бревна в подвале. Я ничего не слышал. Когда я заметил дым и попытался выбраться, люк подвала оказался заперт. В суете на него уронили ящик. Шансов выбраться у меня не было, другого выхода – тоже. Я забился в угол и приготовился умереть. У меня было двое детей... я чувствовал, как подбирается смерть... Потом я возблагодарил Господа за это мгновение, благодаря которому пересмотрел свою жизнь.
 - Как вам удалось выжить?
 - Мда... Видимо, Господь протянул мне руку помощи. Я вдохнул дым, почти потерял сознание. Но помню, что упал, боль в бедре и сейчас напоминает мне о том дне. Оказалось, что под подвалом находился еще один маленький подвал, а люк, который давно был запечатан, по какой-то причине открылся, и я туда упал. Пожар потушили до того, как он охватил все здание. И в этот момент они вспомнили о парне, который складывал бревна. Меня вытащили, я был скорее мертв, чем жив, а легкие с тех пор похожи на гнилой гриб. Но я выжил и прожил хорошую жизнь. Вы это хотели услышать, следователь?
 - Да.
 - Тогда позвольте пожелать вам спокойной ночи!
 - Вы ходили на пристань сегодня?
 - Я прихожу туда несколько раз в год. Хотел посмотреть на нее в последний раз.

Рино извинился за беспокойство и поблагодарил за информацию. Преступник размещал своих жертв там, где молодым людям удалось перехитрить смерть. Херляйфу Винтеру удалось не сгореть заживо, а поваренок с «Хуртигругтен» выжил в ледяной воде. Так что место преступления можно объяснить. Потому что первое, что никак не мог понять Рино, это зачем преступнику понадобилось ехать на Ландегуде, чтобы воплотить свой чудовищный план, ведь мест, где можно было сделать то же самое без особых проблем, не рискуя быть замеченным, предостаточно. Что же за извращенная игра, зачем он подвергает жертв тем же страданиям, что перенесли поваренок и Винтер?

Или по плану жертвам нужно было преподать урок, и в этом случае выбор места преступления должен стать зацепкой? Он подумал о мальчиках, которые нашли Кима Олауссена. Они шатались по валунам, и именно эта случайность спасла Олауссена от смерти. Они слышали крики, которые принес ветер. Олауссен в отчаянье звал преступника, но крики тонули в штормовом ветре. Значит, ветер переменился. Внезапно Рино пронзила одна мысль, но он решил отложить ее до следующего утра.

Около восьми он встал, сразу же набрал номер метеорологической службы. Ему ответила очень дружелюбная женщина, которая с готовностью дала ему всю информацию, хотя была слегка озадачена тем, что ее беспокоят так рано утром в воскресенье. Рино спросил, какой прогноз был в тот день, когда нашли Олауссена. Его подозрения подтвердились. Ожидалась перемена погоды. Два дня подряд дул северо-западный ветер, исходя из разных атмосферных явлений, метеорологи пришли к выводу, что ветер должен перемениться. Именно поэтому крики Олауссена достигли острова. Рино решил, что преступник не намеревался убивать свою жертву, хотя по его плану жертвы должны были быть уверены в том, что пришел их последний час. «Барбекю» на пристани Амундсена тоже было четко рассчитано по времени, преступник знал, что плотники придут в восемь. Очень мешал резиновый костюм. Ведь он ограничивал и гибкость, и свободу движения. Если бы преступник хотел, чтобы жертвы боялись утонуть, он мог воспользоваться более простыми способами. Поэтому смысл был другой. Может быть, он как-то зависит от этого костюма? Может быть, на Ландегуде? Вряд ли на континенте.

* * *

Серые здания социального приюта стояли полукругом, в каждом из

домов находилось по 3 квартиры. К счастью, на всех домах висели таблички с именами жителей, поэтому Рино быстро отыскал нужную. Он нажал кнопку звонка и услышал, как в помещении раздался звучный гонг.

Рино почему-то всегда считал, что в социальных приютах живут только совсем дряхлые старики, но мужчина, который открыл ему дверь, твердо стоял на ногах и смотрел вполне осмысленно.

– Да?

– Севалд Лиланд?

Старик взглянул на табличку с именами, как бы говоря, что инспектор отнимает у него драгоценное время, спрашивая очевидное, а потом кивнул.

– Впервые за восемьдесят девять лет моей жизни ко мне пришла полиция. Закон долго обо мне вспоминал, это делает мне честь. В чем меня обвиняют?

– Я здесь исключительно из-за своего любопытства, – Рино протянул старику руку. Тот пожал ее удивительно крепко.

– И что же вам интересно? Как заканчивается жизнь?

– Крушение «Хуртигрутен».

Старик криво усмехнулся и пожевал губами.

– Хорошие истории никогда не кончаются. А для меня у этой истории хороший конец, хотя сначала все выглядело очень мрачно. Но мне нельзя стоять долго на сквозняке. Я не переношу холод.

Севанд Лиланд провел инспектора в скромно обставленную комнату, Рино подумал, что старику пришлось многим пожертвовать, переехав в приют.

– Крушение...

Лиланд прошел к инвалидному креслу, оно было слегка наклонено, как будто, услышав звонок в дверь, подкинуло старика вперед.

– Вообще-то оно мне не нужно.

Старик нажал на кнопку в подлокотнике, и кресло, тихо жужжа, опустилось в удобное положение.

– Социальные службы всем выдают такие штуки. Так что мне его всучил один чересчур усердный доктор.

Старик укрыв ноги пледом и поправил положение кресла.

– Вот так. Порой меня спрашивают о крушении, хотя прошло уже много лет. Но раз уж этим вопросом заинтересовалась полиция, мне тоже становится любопытно. Поэтому я позволю себе спросить: вы мне расскажете, в чем дело?

Рино разглядывал старика. Севанд Лиланд был невысоким щуплым мужчиной, инспектор с трудом мог представить себе, как он барахтался в

штормовых волнах, пытаясь удержаться над водой, а вокруг плавали его мертвые товарищи.

– Это связано с преступлением на Ландегуде.

Лиланд наморщил усеянный морщинами лоб.

– Рад слышать, что полиция наконец-то стала заниматься настоящими делами. Я думал, вы уже давно ничего не расследуете.

– Дело контролируется на высшем уровне, – солгал Рино.

– Хорошо. Таких гадов нужно упекать за решетку навсегда или, еще лучше – самих куда-нибудь приковывать. Если вы когда-нибудь замерзали так, что не могли ничего чувствовать или понимать...

– Он сидел на том же месте, где нашли вас.

Старик явно не понимал, о чем говорит инспектор.

– На маленьком камне между двумя скалами. Ана-тон Седениуссен, смотритель маяка, сказал, что именно на этом месте вас вынесло на сушу.

– И поэтому...?

– Нечто подобное случилось на пристани Амундсена. Пострадавшего нашли на том же месте, где в середине шестидесятых грузчик чудом выжил во время пожара.

– Видать, местную историю он хорошо знает...

– Мы ищем причину из прошлого.

Старик пожал плечами.

– Боюсь, я вряд ли смогу помочь. Я не бывал там бог знает сколько лет. Боюсь, я едва смогу отыскать то место. Конечно, мне очень жаль, что там произошло преступление, но я давно забыл о том, что случилось. Точнее, забыл о том ужасе и боли, которые меня переполняли. Я смог превратить поражение в победу и возблагодарил Создателя за ту ночь в ледяной воде.

Рино понял, что на этом рассказ не кончится.

– Вы, конечно, слышали, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами? Я могу это подтвердить. В какой-то момент силы покинули меня, я заглотнул морскую воду и почувствовал, как легкие содрогаются от боли. И в этот момент я ясно увидел всю свою короткую на тот момент жизнь, я понял, как глупо ее потратил, каким ничтожным правилам и ограничениям следовал. До меня дошло, что я сам себя ограничивал. 23 октября 1940 стал, во многом, вторым днем рождения для меня, хотя осознал я это не сразу. С тех пор я пытался донести до всех полученный мной урок, но жизнь устроена так, что мы предпочитаем учиться на собственных ошибках.

– Донести?

– Вы что, совсем не подготовились?

Старик строго взглянул на Рино.

– С середины семидесятых я стал приглашенным лектором в высшей школе. Преподавал философию. Мои лекции студенты прозвали «О жизни и смерти», видимо, они не совсем уловили смысл моих выступлений. Потому что на лекциях я говорил исключительно о жизни – я прославлял жизнь и те возможности, которые есть у каждого. Я очень счастлив, господин следователь. Тот судьбоносный осенний день сделал из меня хорошего человека.

* * *

На обратном пути Рино размышлял о скудном описании преступника. И Оттему, и Олауссен говорили о резиновом костюме, правильно ли он их понял? Они *напоролась* на что-то, напоминающее резину, и *решили*, что это водонепроницаемый костюм, так они сказали? Их держали мертвой хваткой, они ощущали что-то резиновое. Но, возможно, только руки были закрыты резиной.

Руки? Как у жертв? Руки в резиновых перчатках... Чтобы что-то скрыть? Или чтобы защититься от холода и ледяной воды? Может быть, преступник сам пережил что-то подобное? Возможно, у него есть следы от обморожения... или, более вероятно, от ожогов? Он сразу представил себе этого человека, вспомнил, как тот прятал руку за стопкой бумаг. Может быть, для того, чтобы полицейский не заметил его поврежденную руку?

Глава 19

Бергланд

История Эдмунда и Андреа увлекла Никласа, и он не сразу заметил, что ветер усилился и принес с собой мелкий дождь. Лилли Марие несколько раз повторила, что ждет его в гости снова, и полицейский покинул ее уютный дом. Он включил дворники в машине на максимальную скорость, но все равно видел машущую на прощание Лилли Марие, как в тумане. Он подумал, что это очень символично – само дело с куклами и женщинами выглядело именно таким – нечетким и отрывочным, так что хотелось моргнуть, чтобы смахнуть все ненужное и разглядеть главное.

Огни встречных машин отражались в залитом дождем стекле, казалось, что машина двигалась как в кино, когда пейзаж возникает из ниоткуда. Когда Никлас выехал на шоссе, стало немного лучше, хотя одни фонари погасли, а другие качались от сильного ветра и светили куда попало. Он снова ехал на пляж, в этот раз на другом конце полуострова. Линд вкратце описал место и предупредил, что там легко заблудиться, но уже через десять минут Никлас увидел две припаркованные машины с включенными фарами, в свете которых виднелась толпа людей. Хотя дождь стих, полицейский все-таки достал плащ из багажника. Отгоняя абсурдные мысли, что само зло следует за ним по пятам, Никлас подошел к коллегам.

Брокс стоял, засунув руки в карманы, и ждал, пока Никлас подойдет к ним.

Женщина лежала на животе, лицо было повернуто в сторону. Никлас увидел, что на этот раз на ней было красное платье.

– Мертва, – Брокс был заметно потрясен. Случай с Эллен Стеен все еще квалифицировался как покушение на убийство. Теперь же следствию предстояло раскрывать убийство.

– Еще теплая. Но пульса нет.

Никлас сглотнул.

– Известно, кто это?

Брокс с тревогой взглянул на Линда, тот сидел на корточках в паре метров от трупа.

– Сара Халворсен. Наша местная пропагандистка счастливой жизни.

Никлас не был с ней знаком, но видел ее дом, местную достопримечательность в идиллическом стиле на невысоком холме. Дом

частично был построен из натурального камня, так что казалось, будто его создало само море. Этот дом был воплощением мечты.

– Снова платье, – сказал Никлас.

– Красное, – Линд встал и отряхнул песок с колен. – Как у кукол, – добавил он.

– В этот раз хоть не та пожилая пара ее нашла? – Никлас кивнул в сторону мужчины, который стоял немного поодаль и явно был в шоке.

– Он живет неподалеку, – Линд неопределенно взмахнул рукой. – Когда он повернул к дому, фары осветили пляж.

– Она была жива, когда он ее нашел?

– Скорее всего, да. Пульс он не проверял, только пытался уловить дыхание. Неудивительно, что при таком ветре он ничего не услышал.

– В таких ситуациях люди редко поступают здраво. Все равно ее бы это не спасло, – в разговор вступил Брокс.

– Скорая едет? – Никлас обернулся.

– Будет с минуты на минуту.

– А парни из Управления?

– Норвалд поехал за ними.

– Ты не мог бы придержать немного врачей из скорой?

Брокс вопросительно взглянул на Никласа.

– В прошлый раз они нам помешали, – пояснил Никлас. – Эллен Стеен перенесли на другое место еще до нашего приезда, а потом и вовсе увезли, еще до того, как мы тщательно осмотрели место преступления. К тому же там успело пройти и наследить полдеревни. В этот раз такой ошибки я не допущу.

– Речь шла о спасении жизни, – возмутился Брокс.

– Сейчас ведь не идет, – Никлас опустил на колени рядом с трупом. У нее, конечно, были темные волосы, но он все еще мог разглядеть ее азиатскую красоту – может быть, раньше она была блондинкой.

– Фонарик есть у кого-нибудь?

Линд протянул ему карманный фонарик, Никлас осветил волосы жертвы. На них была кровь, но никаких следов краски заметно не было.

– Она натуральная брюнетка?

Оба полицейских задумались.

– По-моему, да, – сказал Линд.

Никлас поднялся, продолжая светить фонариком на тело жертвы. Она лежала, вытянув одну руку перед собой, как будто в предсмертное мгновение потянулась за чем-то. Что-то в ее позе казалось неестественным, но Никлас пока не понимал, что именно. И еще это платье. Он, конечно, не

был экспертом, но понимал, что платье совсем простое, на ткани были более темные переливы. Никласу показалось, что платье у куклы было намного лучше сделано, и решил проверить при первой возможности. Если это действительно так, похоже, преступник торопился.

Запах одеколона настиг Никласа раньше, чем сам Брокс.

– Нам нужна зацепка, – проговорил он. – Нельзя больше зевать. Сейчас мы успеваем лишь подтвердить сам факт преступления. Опросы жителей результатов не дают. Правда в том, что мы понятия не имеем, что происходит. Кроме этого, похоже, кто-то пользуется тем, что мы очень заняты. Сегодня утром поступили сообщения о двух новых взломах.

Никлас кивнул. Они блуждали в темноте. События казались отдельными лоскутками, из которых никак не складывалась и даже не проглядывала цельная картина. И все-таки эта женщина была исключением, он чувствовал это, хотя объяснить, как и почему, пожалуй, не смог бы.

– Если ее забили насмерть...

– Если? – Линд стряхнул перхоть.

– Понимаешь, если бы ее сильно ударили, она должна была бы свалиться мешком.

– О чем ты?

– А если бы преступник ударил ее несколько раз, разве не должна она была защитить голову?

Линд знаком показал, что не понимает, о чем говорит Никлас.

– Посмотри, как она лежит, – пояснил Никлас. – Что-то тут не так. Нет никаких следов, указывающих на то, что она пыталась убежать от нападавшего, но она лежит так, как будто указывает на что-то.

– И ты хочешь сказать, что...?

– Я хочу сказать, что поза кажется неестественной. Или преступник хочет нас обмануть... или, напротив, направить на нужный след.

– Ответ в куклах, – Линд взглянул на темный горизонт. – И в платьях, – добавил он.

Синие огни засверкали вдали, но сирена была выключена. Видимо, Брокс сообщил, что спасать уже некого. Никлас еще раз присел рядом с трупом и осторожно провел рукой по спине жертвы. Платье было порвано на длинные полоски, как и у Эллен Стеен. Он попытался их разглядить, но платье было слишком узким. Вместо этого он приподнял пальцем материал и осветил фонариком рану. Тело было все в крови. Перед внутренним взором Никласа предстало чудовище из сна, в этот раз оно напало сзади, сильные когти разорвали материю и кожу.

– Что-нибудь нашел? – Линд наклонился над Никла-сом.

Тот встал и отошел немного назад. Женщина, одетая как кукла, была похожа на маленького ребенка. На маленького обиженного ребенка. Убитого монстром.

– Брокс прав, – пробормотал Никлас, – о том, что происходит, нам не известно ничего.

Глава 20

Будё

До квартиры Эвена Харстада Рино добрался около двух. На радостях он поделился своей версией с Томасом, тот сказал, что для ареста подозрений недостаточно, но согласился – все преступления связывала служба социальной помощи, а может быть, и отдел опеки и попечительства, расположенный в том же здании. Среди сотрудников этих служб был всего один Эвен, уже через десять минут Томас знал его фамилию, получив достоверные сведения от своей девушки, а точнее, ее партнерши по теннису, которая оказалась той самой улыбчивой девушкой в приемной. Теперь он стоял у двери, хотя Томас советовал ему подождать. Рино нажал на кнопку звонка, услышал, как в доме раздалось тихое жужжание, затем дверь открылась.

Эвен Харстад скептически разглядывал инспектора.

– Эвен Харстад? – Рино был одет в гражданскую одежду. Он протянул руку для приветствия и улыбнулся так, будто приходился Харстаду дальним дядюшкой из Америки.

Все еще сомневаясь, мужчина ответил на приветствие. Все правильно. На руке, от ладони до рукава рубашки, были видны следы ожога. Казалось, Харстад прочитал мысли Рино: он быстро отдернул руку и прислонился к косяку.

– В чем дело?

Голос звучал напряженно, руку он спрятал за спину.

– Рино Карлсен. – Полицейская куртка висела на плече, легким движением инспектор расправил ее так, чтобы был виден значок.

– Я заходил к вам в офис...

На мгновение Рино показалось, что в глазах мужчины проскочило желание сбить инспектора с ног и сбежать, но он справился с эмоциями и надел маску равнодушия.

– Я по поводу этих преступлений... – Рино сознательно не стал продолжать. – Я пришел в службу социальной помощи, или, точнее, в отдел опеки и попечительства, потому что следы привели расследование в этом направлении.

Харстад молчал.

– Может быть, продолжим разговор в помещении?

– Я собирался уходить. Если вы меня ни в чем не подозреваете... – Харстад попытался улыбнуться.

– Ренате Оверлид и Вигдис Закариассен. Обе проливали слезы в вашем кабинете.

– О чем вы говорите?

– И Томми, и Кристер страдали от недостатка внимания со стороны отцов. Мы знаем, что преступник мстил за этих мальчиков.

Взгляд мужчины стал жестче.

– Если вы охотитесь за преступником, вам стоит поискать в другом месте.

Рино с подчеркнутым удивлением взглянул на собеседника.

– Что считать преступлением, это вопрос терминологии. Вы, как полицейский, знаете это лучше меня.

Рино все больше убеждался, что нашел того, кого искал. Очевидно, Эвен Харстад занимался и теми, и другими – и жертвами, и мальчиками, которых те бросили. Ощущение в животе, которое можно было бы назвать интуицией, кричало изо всех сил. Именно поэтому он стоял здесь, ведь даже в самых отчаянных фантазиях не мог вообразить, что тот, кто так старательно планирует свои преступления, а затем так хладнокровно их осуществляет, с легкостью признается, как только почувствует, что полиция близко.

– Ваша правая рука... – Рино кивнул на руку, которую мужчина все еще прятал за спину, – старый ожог?

– Вы переходите границы. Думаю, мы закончим разговор.

Харстад сделал шаг назад и попытался захлопнуть дверь.

– Тогда поедem к вам на работу. Мы не можем закрыть глаза на то, что все следы ведут именно к вашему рабочему месту.

– Уже поздно.

– Две минуты сейчас или двадцать в вашем кабинете. Выбирайте.

Рино улыбнулся профессиональной улыбкой палача.

– Хорошо. Похоже, вы стесняетесь из-за руки, как было, когда я приходил пару дней назад. Вы схватили кипу бумаг и пошли мне навстречу. Вы сделали это специально, чтобы не пришлось подавать мне руку для приветствия. То, как вы несли эти бумаги, пытаясь спрятать свою руку под ними, навело меня на мысли – почему вы так делали? Конечно, мы живем в такое время, когда не приходится ничему удивляться, многие специально выставляют свои недостатки напоказ. А подобный ожог – извините, что я это говорю – и уродством-то назвать нельзя. И я подумал, что ваше... назовем это «смущение», вызвано скорее тем, что вы связаны с

преступлениями. Известно, что у второй жертвы преступника сильнейшие ожоги именно правой руки.

– На что вы намекаете?

– Я просто делюсь с вами фактами. Мы знаем, что тот, кто стоит за преступлениями, мстит за детей жертв, и когда мы видим, что сотрудник социальной службы тщательно скрывает ожог на правой руке, то у нас появляются подозрения. Иначе говоря, я вовсе не намекаю. Я скорее отсекаю ненужное. Один из методов работы. С этой целью я и пришел.

– Вы проводите официальный допрос в коридоре?

– Так вы же сами не захотели меня впустить. Но нет, до официального допроса еще далеко.

Харстад опять собрался с силами.

– Вы же знаете, я не имею права разглашать сведения.

– Молчание – золото. Но не всегда. Извините за беспокойство. Доброго пути!

Харстад недоуменно взглянул на инспектора.

– Ну, вы же собирались уходить...

* * *

За последние полчаса Рино успел поговорить с Томасом и с Виннерном из полиции Бергена. Оба согласились пожертвовать своим выходным днем. Первым позвонил полицейский из Бергена.

– Быстро ты, – сказал Рино, прождав всего четверть часа.

– Дежурная сработала оперативно. Может быть, потому что мы практически живем здесь все эти дни.

– И что вы узнали?

– Она подтвердила твои подозрения. Эвен Харстад лежал в больнице Хаукеланд, когда ему было 12 лет, то есть в 1995 году. Ожоги третьей степени предплечья правой руки.

Рино думал, что сотрудник отдела опеки и попечительства намного старше. Он почувствовал, как мурашки побежали у него по спине.

– Что там насчет причины?

– Несчастный случай с газовой горелкой. Мальчик сообщил, что он обрабатывал лыжи, а горелка вспыхнула у него в руках.

– Другими словами, поджарил собственную руку?

– Он сказал, что обильно смазал лыжи обезжиривателем. А эти вещества очень горючие.

- Больше ничего?
 - В общих чертах – да, но в истории болезни врач сделал пометку, что не верит в то, что сказал мальчик.
 - Как насчет Оттему? Руку ему спасут?
 - Насколько я слышал, они готовятся к ампутации.
- Через несколько секунд позвонил Томас.
- Черт подери!
 - Сегодня ругаться нельзя, – сказал Рино сухо.
 - Врать и манипулировать тоже. Мне ни много ни мало пришлось уговорить хорошего сотрудника вломиться в участок, чтобы выяснить то, что тебе нужно!
 - Святая ложь!
 - У этой лжи со святостью определенные проблемы.
 - Что ты узнал?
 - У Эвена Харстада нет детей.
 - Хорошо, пока это ничего не значит. Что еще?
 - Он приехал в наш город семь лет назад, видимо, чтобы поступить в институт. Пять лет назад начал работать в отделе опеки и попечительства.
 - Откуда он родом?
 - Из Бергланда. Какой-то городок на севере.

Глава 21

Бергланд

Никлас Хултин остановил машину возле здания, которое с трудом называл своим домом, но пока ничего получше найти не удавалось. На часах было около восьми. Следователи из Управления возглавили расследование, и Брокс отправил Линда и Бё опрашивать всех соседей жертвы, а сам принял на себя тяжкую ношу и поехал с печальным известием к ее дочери на юг и к матери, доживавшей свой век в доме престарелых. Никласа отпустили домой, потому что Брокс решил, что им всем нужно собраться с силами.

Как только он открыл дверь, в нос ему ударил стойкий запах краски. Карианне красила карнизы на кухне. На полу лежал скребок и гора ошметок от старой краски.

– Делаю, что могу! – сказала она, не сводя глаз с кисти, которую она твердой рукой вела вдоль стекла.

Никлас улыбнулся. Для Карианне было очень важно справляться со всеми обстоятельствами, она видела проблемы даже там, где их не было. Рейнхард сразу предупредил Никласа, что за долгие годы болезни у девочки появилась преувеличенная потребность в самостоятельности, так что в своем доме Карианне сама забивала гвозди.

– Пока мы не найдем ничего получше, – добавила она, подначивая Никласа.

Понятно, что состояние дома волновало ее гораздо сильнее, чем его. Ведь это ей приходилось сидеть в четырех стенах с утра до ночи.

– Я подогрела тебе еду.

Они поели вместе, то есть он ел, а она ковырялась в тарелке.

– Все хорошо? – спросил он, хотя сам видел, что она бледнее, чем обычно, и чувствовал запах, от которого пища застревала в горле.

– Никлас, – позвала она, не поднимая глаз от тарелки.

– Да.

– Ты меня любишь?

Он сглотнул.

– Конечно.

– Так сильно, что... отдал бы мне частичку себя?

Не выпуская вилку, она подняла руку к лицу, на глазах появились

слезы.

– Да, – голос казался чужим.

– Я думаю... мне нужен новый донор, и если...

– Я смогу.

Его затошнило, острая боль пронзила ребра, как будто почки сжались от ужаса, представив, что их ждет.

– Еще неизвестно, подойдешь ли ты, может быть, мне придется опять встать в очередь.

Он возненавидел себя за то, что при этих словах у него загорелась слабая надежда. Он накрыл своей рукой ее ледяную руку. Они никогда не говорили на эту тему, хотя проблема висела над ними дамокловым мечом. Сегодня она впервые задала прямой вопрос.

– Хорошо. Больше не будем об этом говорить, – она вытерла слезы рукавом его старой рубашки, перепачканной краской. – Бедняга, тебе, наверное, уже надоел Бергланд.

Никлас уже успел позвонить жене и рассказать о женщине, чей труп они нашли.

– Все кажется таким продуманным.

– Как это?

– Большинство убийств совершается в состоянии аффекта, их редко планируют. Но в нашем случае речь идет о тщательно разработанном плане. Я никогда с таким не сталкивался. Похоже, наш городок превратили в кукольный домик, кто-то выстраивает сценки и убирает кукол по своему разумению и желанию. Правда в том, что мы блуждаем в темноте и ничего не понимаем.

– Ты все еще думаешь о куклах?

– Разгадка точно связана с ними.

– Они старые.

– Старые куклы, старые грехи.

Они помолчали. Он все еще держал ее руку в своей.

– «Кто-то что-то ищет. И отправился в последний поход».

Карианне вопросительно взглянула на мужа.

– Так сказала женщина, которая нашла кукол. Она права.

– Что ищет?

– В том-то и дело. Я не знаю.

– Может быть, кукол отправили, чтобы сбить вас с пути.

Он покачал головой.

– Плоты сделаны на славу. Куклы что-то значат.

– О чем ты думаешь? – спросила она, заметив, что он задумался.

– О сестре Бродяги. Я чувствую, что вся эта история началась, когда она исчезла.

Она мотнула головой, показывая, что не совсем понимает, о чем он говорит.

– Он узнал этих кукол, Карианне. Конрад их всех узнал.

* * *

Через сорок пять минут Никлас остановился возле дома Бродяги. Из трубы вился легкий дымок, в воздухе висел аромат горящего угля. Лопата стояла у стены, засохшая земля от сегодняшних раскопок доходила до середины черенка. Рядом к стене была прислонена кирка, очевидно, ее приготовили на завтра, потому что следов земли на ней не было.

Никлас открыл дверь и зашел. Запах застарелого пота чуть не сбил его с ног. Он остановился и прислушался. Может быть, Бродяга спит? Если человек целыми днями копает землю, он наверняка устает под вечер. Никлас взглянул на часы. Половина десятого. Рискнем. Он постучал в дверь. Тишина казалась обманчивой, Никлас не сомневался, что Бродяга стоит за дверью и ждет. Полицейский постучал снова, услышал приглушенный звук, похожий на скрип половиц. Он уже готов был постучать снова, но в этот момент дверь приоткрылась. Бродяга уставился на Никласа через маленькую щелку. Глаза ничего не выражали, похоже, Бродяге было абсолютно неинтересно, кто к нему пришел.

– Да? – От дыхания разило чем-то кислым, как будто он ел землю, которую выкапывал. Возможно, тоска переросла в безумие.

– Никлас Хултин. Я был у вас недавно. Можно войти?

Глаза по-прежнему оставались равнодушными.

– Я хотел спросить вас о местных горах. Лучше вас их никто не знает.

Бродяга открыл дверь. На лице виднелись следы слез, на носу что-то белело – казалось, он иссыхает от усердия. Волосы застыли бесформенным пучком. Он все еще не приглашал Никласа войти.

– Мне нужно знать, какие хищные животные здесь водятся. Крупные животные.

Бродяга опустил глаза.

– Самое большое.

– Вы... видели его? – Никлас замер.

– Никто не хочет помочь.

– Мы все надеемся, что вы ее найдете.

- Не все.
- А кто? – спросил Никлас, подождав немного.
- Только не тот, кто закопал.
- Вы думаете, кто-то ее убил?

Костяшки сжатых кулаков побелели, вдруг Бродяга с ужасающей силой ударил кулаком по косяку.

- Я найду Линею.
- Голос уже не был монотонным и безразличным.

– Это животное, – Никлас почувствовал, что замерзает. Наверняка Бродяге, который вышел к нему в подштанниках и рубашке на голое тело, тоже было холодно.

- Оно убило Линею.
- Кто убил вашу сестру?
- Животное.
- То есть вы его видели?

Бродяга тяжело дышал. Потом он покачал головой.

- Но все равно уверены, что это животное?
- Линею убило животное.

Бродяга повернулся и пошел в дом. Никлас последовал за ним. Бродяга зашел в гостиную и сел на стул.

- Возможно, вашу сестру убило животное, точнее, хищник.

Бродяга не двинулся.

– Вас поразила эта мысль? Что это могло быть животное? И поэтому... ее нет под землей? Он не смог сказать напрямую. Что ее съели целиком.

- Я прочесал каждый квадратный метр. Никаких останков.
- Может быть...
- Даже серег нет. Я бы нашел серьги.

Прошло несколько секунд прежде, чем смысл сказанного дошел до Никласа. И в этот момент он остро почувствовал, как сильно тоскует Бродяга. И насколько тщательно он искал. Он проверил под каждой травинкой, осмотрел каждую песчинку, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что ее там нет. И тогда он начал искать под землей.

- Но вы не видели никакого животного? – Никлас попытался еще раз.
- Видеть – не видел.
- Слышали?

Бродяга помассировал руку.

- Я возвращаюсь домой, когда темнеет.

Опять молчание.

- Там что-то есть.

Холод добрался до ног.

– Что? Что там есть?

Бродяга вздрогнул, как будто испугался именно в тот момент.

– В темноте оно подползает ближе. И я готов разрубить его лопатой.

– Но вы ничего не видели?

Мужчина устало покачал головой.

Никлас чувствовал то же самое – где-то там сидит монстр в обличье животного.

– Хорошо. Я больше не буду вас беспокоить. Понимаете...

Он помолчал. Полиция пока не распространялась о следах от когтей на теле жертвы, но Бродяга ни с кем не общался и не думал ни о ком, кроме сестры, не думал.

– На теле женщины, которую нашли на пляже, были следы от когтей, мы подозреваем, что это следы от лапы животного.

Что-то произошло. Возбужденно, явно пытаясь сдержаться, Бродяга провел пальцами по ногам, как будто у него были огромные когти.

– В горах чаще вас никто не бывает.

– Я не видел животное, – слова прозвучали скорее как желание, а не как утверждение.

Никлас представил себе, как Бродяга время от времени распрямляет затекшую спину, отставляет лопату и прислушивается. Он все время начеку, все время ждет, что зло проявится. То самое зло, которое отняло у него сестру.

– Она была одета как одна из кукол, которых я вам показывал, – Никлас предпринял последнюю попытку.

О Бродяге говорили, что он простодушный. Теперь Никлас убедился в обратном. Тот многое скрывал.

Никлас простоял довольно долго, затем без слов вышел. На улице был потоп. Такого ливня Никлас никогда в жизни не видел, за те мгновения, которые ему понадобились, чтобы добежать до машины, он промок насквозь. За струями дождя ничего не было видно, поэтому Никлас ошибся и поехал не туда. Мысли его блуждали. Он остановил машину у небольшой дороги, достал мобильный телефон и набрал номер Линда.

– Они были знакомы, – сказал Никлас.

– Вообще-то мы уже сами догадались. Мы уже начали искать связь между ними.

– Думаю, они были довольно близки.

– А я думаю, тебе самому нужно побыть с кем-нибудь близким. Поезжай домой, отдохни, кто знает, когда еще придется. Поезжай к

Карианне.

Конечно, именно так и нужно было сделать. Но Никлас остался в машине, чувствуя, что близок к разгадке. Последняя жертва служила указателем. Преступник пытался что-то сказать.

Указующая рука.

Но следы от когтей сбивали. Должны ли они символизировать, что жертв пометил зверь? Потому что вообще-то хищники обычно не довольствуются только следами когтей.

Так он думал.

Из головы не выходила ассоциация, которая появилась, когда он увидел жертву. Несчастная напоминала обиженного ребенка. Может быть, ребенка, который искал утешения в куклах? Определенно, все дело в близости. И в куклах, которым несколько десятилетий.

Через десять минут Никлас остановился возле дома Лилли Марие. Дорожка, ведущая к дому, превратилась в реку. Он съехал на соседнюю улочку, остановил машину и бегом бросился к дому. Он никогда не был внутри водопада, но чувствовал себя очень похоже. Дождь фонтаном лился с неба, заливал глаза, нос, волосы, одежду. Скоро струи дождя попали на шею и грудь, к тому моменту, когда он добрался до дома Лилли Марие, на нем не осталось ни одной сухой нитки. У двери он в нерешительности остановился, раздумывая о том, насколько прилично заявляться так поздно к незнакомым людям. К тому же Карианне ждала его дома, и, скорее всего, в ближайшее время свободных вечеров больше не будет. Пока он стоял, набросив на голову куртку от дождя, подсознание подсказало ему, что за ним наблюдают. Он повернулся и заметил бесформенную тень вдалеке у холма. Видно было очень плохо, и, пока Никлас смахивал капли дождя с ресниц, тень успела улизнуть. Он решительно подошел к двери и постучал. Ощущение, что за ним следят, не исчезло. Никлас постучал сильнее, и через мгновение дверь открылась. Лилли Марие встретила его улыбкой.

– Я тебя ждала. Правда, не в это время суток.

Глава 22

Будё и Бергланд

Рино отвез Иоакима в школу и, мучаясь угрызениями совести, пообещал провести с ним следующие выходные. Затем он направился на север. Семь часов и три парома спустя он добрался до Бергланда, маленького городка, который буквально вцепился в прибрежную линию. Рино подумал, что, если глобальное потепление продолжится, городок просто смоеет. Небольшие кусочки плодородной земли виднелись то тут, то там. Подножие горы впивалось в море и с силой отвоевывало себе место. Значит, вот где он вырос, этот мальчик, выучившийся на защитника сирот, а в реальности ставший мстителем за брошенных детей. Рино больше не сомневался. Но визит к Эвену Харстаду его взволновал. Вломиться на заброшенную фабрику, подслушивать приватные разговоры женщин – это еще терпимо. Но нападать на человека под предлогом смутных подозрений – никуда не годится.

Рино договорился о трех выходных днях. Строго говоря, нужно было бы провести эти дни с Иоакимом, по крайней мере, зайти в школу и поговорить с учителями о его поведении. Но, выяснив, кто преступник, успокоиться инспектор уже не мог. Нужно было понять мотив. Поэтому он выбрал Бергланд вместо Иоакима.

Рино утолил голод, съев безвкусный хот-дог на полуразвалившейся заправке «Шелл», а потом направился в офис ленсмана. Его принял пожилой сотрудник. Голосом, по которому было понятно, что он преданный клиент табачных компаний, он сообщил, что его зовут Норвалд Бё.

– Эвен Харстад, – повторил он. – Знаете, я совсем не удивлен, что его имя всплывает при таких обстоятельствах. Что он натворил?

– По его утверждению, ничего. Но у меня есть подозрение, что он связан с двумя актами насилия.

– Раствление?

– Одного человека почти сожгли заживо, а второго – заморозили. У первого рука была привязана к электропечке, а у второго – обе руки прикованы к камню в ледяной воде.

– Боже мой! Это сделал Эвен?

Дело широко обсуждалось в газетах, так что, конечно, большинство

жителей о нем слышали.

Мужчина глубоко вздохнул и сел.

– Он вполне мог, да. И я давно уже должен был догадаться!

Рино удивленно ждал продолжения.

– Судя по рассказам, Эвен в детстве был просто чертенком. Но как это часто бывает, его злость держали за четырьмя стенами. Лишь немногие знали, как на самом деле обстоят дела.

– Почему вы считаете, что он вполне мог совершить эти преступления?

Полицейский задумчиво почесал лоб:

– Я назову вам имя, – сказал он и написал на желтой клейкой бумажке «Халвард Хеннингсен». – Он живет в доме престарелых, белый квадратный кирпичный дом, который легко спутать с психбольницей. Халвард жил рядом. Он знает. Кстати, он еще вполне в приличной форме, по крайней мере, его голова. Поговорите с ним. Он сможет что-нибудь рассказать.

– Родителей или братьев-сестер не осталось?

Служащий уверенно покачал головой.

– Он вырос здесь?

– В плохоньком домике неподалеку.

По выражению лица служащего было понятно, что он не хотел бы углубляться в воспоминания.

– Там до сих пор живет мой коллега. Отсюда примерно три километра, потом поверните направо там, где написано «Хамрене». Дорога резко пойдет вверх, вам нужно будет проехать около пятисот метров. Почти сразу же вы увидите два дома, в одном из них жил Халвард. А в конце дороги стоит одинокий старый дом. Не ошибетесь.

Через десять минут Рино остановил машину возле дома, о котором ему рассказал полицейский. Как только он вышел из машины, дверь открылась, и молодая женщина, улыбаясь, вышла к нему навстречу. Она вытерла руку о замызганную юбку и протянула ее для приветствия.

– Карианне, – представилась она и улыбнулась еще шире.

Глава 23

История Андреа

С годами алкоголь все больше завладевал Эдмундом. Как правило, он напивался до такой степени, что никому, кроме себя, не причинял вреда. Так что в моменты похмелья, когда его тихо рвало и сочувствие к самому себе переполняло его, Андреа и дети могли наслаждаться свободой. Они знали, что Эдмунд на какое-то время сам себя обезвредил и не будет бесчинствовать.

Андреа пользовалась моментом, чтобы рассмотреть мужа, конечно, тайком. Замечала, насколько алкоголь и недовольство жизнью состарили его, кожа побледнела и обветрилась, морщины стали глубже. Но скоро она поняла, что была к нему несправедлива – тело разрушил не только алкоголь. Пальцы стали скрюченными, руки дрожали, она видела, что ему очень больно.

Из-за болей, возникавших при перемене погоды, Эдмунд выходил в море все реже и реже. Меньше рыбы – меньше денег. Из-за отсутствия денег его пошатнувшаяся вера в себя разрушалась еще быстрее, позор легче всего было залить вином. По такой спирали зла семья быстро скатилась в глубокую нищету.

Эдмунд каждый раз удивлялся величине обязательных выплат. Часто он просто сидел, уставившись на счета, как будто подозревая, что кто-то мошенничает или, точнее, хочет ему зла. Все случилось именно так, как и должно было. Однажды холодным осенним утром запас денег иссяк.

Андреа сидела за столом на кухне и штопала брюки Конрада. Внезапно стало темно. Сначала она решила, что сломался предохранитель. Потом увидела, что на улице собрался народ. Она поднялась по лестнице и увидела мужчин в синей униформе с логотипом электрической компании на груди. Сначала она подумала, что они приехали что-то заменить, но когда встретилась взглядом с одним из них, чье лицо ей показалось добрым, то поняла, что это они погрузили дом во тьму. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга – ему было стыдно за то, что приходится выполнять эту работу, ей – за то, что она попала в такую ситуацию. Он махнул рукой в знак извинения и сказал то, что она долго не могла забыть: «Надеюсь, это вас не очень беспокоит».

Со временем она поняла, что таким образом он пытался выразить

сочувствие, хотя, конечно, он не мог представить себе всех последствий.

Через пару часов этот же мужчина постучал в дверь. Она возблагодарила Бога за то, что Эдмунд был в море, и с грустью подумала о тех обвинениях и той ревности, которая выплеснулась бы на нее, если бы он узнал.

– Нам сказали не подключать снова, – сказал он.

– Да, – с трудом ответила она.

Они стояли молча, ей показалось, что прошла вечность. Потом он сказал:

– Так жить нельзя. Сегодня ночью будет мороз. У всех должен быть свет.

Внезапно Андреа заплакала. Прижав руки к груди и отвернувшись, она выплакивала все свое отчаянье. Он положил руку ей на плечо, она вздрогнула так, что ударилась локтем о дверной косяк. Она в ужасе оглянулась.

– Извините... я не хотела...

Она, запинаясь, попыталась оправдаться.

– Я все равно подключу снова.

Она снова взглянула на мужчину, на самое доброе лицо, которое когда-либо видела, и почувствовала, что ноги ее не держат.

– Я хочу, чтобы вы поговорили с этой женщиной.

Он протянул ей записку с именем и номером телефона.

– Я ей все объяснил. Она работает в службе социальной помощи, ваши счета за свет уже оплачены. Но ей нужно с вами поговорить, чтобы уладить все формальности. Если хотите, я вас отвезу, мне по дороге.

Андреа слышала слова, но не могла уловить их смысл.

– Я не могу...

– Потом я отвезу вас домой. Через час вы будете дома, задолго до темноты.

И она сделала невероятное. Взяла Линею на руки и поехала с ним.

С тех пор, как Тея принесла в ее жизнь частичку радости, Андреа ни разу не чувствовала себя такой счастливой и возбужденной. Счет за свет оплачен, и у нее в кармане лежит три тысячи крон! Три тысячи! Она знала, что ей придется объяснять и откуда появились деньги, и как она оплатила счет за свет, но сдержатъ выплескивающуюся наружу радость она не могла. Андреа пообещала детям купить новых кукол, если они не расскажут отцу, куда она ездила. Она надеялась, что ей удастся скрыть счет за свет, ведь Эдмунд был пьян в тот день, когда его прислали. А если он спросит, она скажет, что счет оплатил Эдмунд Антонсен, потому

что заботится о своей семье. Деньги она решила спрятать, потихоньку вытаскивать сотню-другую, когда он пошлет ее за покупками, и убедить его в том, что просто грамотно их тратит. Единственное, на что обратил внимание Эдмунд, – куклы, он увидел, что их стало больше. Она все отрицала, и дети поддакивали ей, застыв от ужаса. Если бы он уделял игрушкам больше внимания, то заметил бы, что они появлялись и исчезали, как будто жили своей собственной жизнью.

Андреа внимательно выбирала кукол. Конраду досталась Мичио, сильная и крепкая, Хайди – Фумико, самая жизнерадостная, а Линее – Фуджика, красота неопиcуемая. Линее была совсем не похожа на отца. Может быть, именно поэтому Андреа так за нее боялась. Вся красота мира воплотилась в этой девочке.

Андреа видела, как страдает Хайди от того, что не общается с ровесниками, но в то же время девочка очень трогательно заботилась о младшей сестре. Хотя Хайди отставала в развитии, инстинкт защитницы был у нее преувеличен. И Линее быстро поняла, что у нее есть старшая сестра, которая души в ней не чаёт. Но, возможно, их отношения были еще глубже, потому что Хайди почти могла читать мысли своей сестры и зачастую предугадывала ее желания, неважно, чего это касалось – еды или игрушек. И даже когда они были порознь, Хайди часто знала, что хочет сказать сестра, как будто следовала за ней невидимой тенью. Казалось, недостаток умственных способностей в ней уравновесился интуитивным присутствием в жизни сестры.

Наступившее Рождество стало временем контрастов. Андреа убирала дом, украшала его, чувствовала, что дети томятся от предвкушения, разделяла их радость. В последние полгода Эдмунд редко бывал жесток, она даже замечала проблески стыда в те минуты, когда он боролся с похмельем. Она понимала, что он глубоко несчастен. И, может быть, надеялась Андреа, может быть, где-то там, в глубине его мрачного ума, есть совесть, и на самом деле он желает добра ей и детям.

На календаре было двадцать второе число, когда она поняла, что у них нет денег ни на праздничное угощение, ни на подарки детям. Она не решалась спросить, не хотела его огорчать. Поэтому она занималась своими делами, а он с каждым часом становился все тише и тише, казалось, он все глубже уходит в себя. Она заставила себя пожалеть его, потому что скоро он мог упасть еще ниже. Он видел предвкушение в глазах детей, предвкушение, которое через несколько часов будет навсегда разбито. И все потому, что он выбрал жалость к самому себе, а не ответственность за семью, и пропил все деньги.

Андреа подготовилась заранее и купила новых кукол для детей, но они заслуживали большего. Спрятанные деньги у нее еще оставались, она не решалась их использовать сейчас, потому что опасалась расспросов о том, откуда они взялись. Она продолжала заниматься своими делами, стараясь казаться беззаботной, но на самом деле каждый мускул дрожал от напряжения, она чувствовала притаившуюся за углом беду.

Накануне Рождества Андреа решила сделать все как надо. Ради детей. Она надеялась, что он не станет наказывать ее перед Рождеством. Андреа купила красивые подарки, но ничего для Эдмунда. Она не хотела его унижать. Потом она купила еду, не слишком много, но достаточно для обильного праздничного ужина. Андреа хлопотала на кухне, так и не придумав какого-либо достоверного объяснения тому, откуда взялись эти деньги. Когда она распаковывала свои покупки, ей показалось, что она наблюдает за собой со стороны. Она положила на стол сладости, и дети завизжали от восторга. Краем глаза она видела Эдмунда; он сидел молча, по его взгляду она не смогла понять, о чем он думает. На мгновение ей показалось, что его глаза сверкнули, она подумала, что, может быть, он радуется вместе с детьми. Однако взгляд сразу же погас, и она опасалась худшего. Но Эдмунд ничего не сказал.

– Поблагодарите папу, – сказала она, когда закончила раскладывать покупки, а дети немного успокоились. – Ведь он в любую погоду выходит в море, чтобы у нас были деньги на праздник.

Дети послушно обняли отца. Осторожная улыбка, не более того. Эдмунд не проронил ни слова.

После того, как уставшие от игр Конрад и Хайди улеглись спать, а ее стало пугать тяжелое молчание, он подошел к ней в гостиной и положил на колени коробку от обуви.

– Это тебе, – сказал он и отвернулся. – Я иду спать.

– Не хочешь посмотреть, как я ее открою?

– Нет! – сурово сказал он. – Я хочу, чтобы ты подождала, пока я лягу. Я неважно себя чувствую...

Он немного постоял, отвернувшись от нее, а потом вышел из комнаты.

Коробка была не запакована и весила немного. Она почувствовала комок в груди, когда осторожно открыла крышку. Конверты. Стопки конвертов. На них был ее адрес и имя, но она не узнавала почерк. Все конверты были вскрыты. Она взяла первое письмо, пролистала исписанные страницы, нашла последнюю и задрожала, увидев подпись. «Твоя Тея». Письма от ее единственной настоящей подруги. Письма,

которые Тея не переставала писать, даже не получая ответа. Она писала год за годом – в стопке было примерно пятьдесят – шестьдесят писем. Казалось, комната закружилась в вальсе, вокруг Андреа танцевали ниссе и ангелы. Они все радовались вместе с ней, не зная, насколько глубокую печаль она чувствовала в то же самое время. Запах апельсинов и копченого мяса, вид детей, уютно спящих в кроватке – все это переполнило ее душу и выплеснулось в горьких рыданиях. Она еще не прочитала и строчки из того, о чем писала Тея, но слезы лились ручьем. Она чувствовала присутствие своей потерянной подруги, просто прикасаясь к письмам. В конце концов она успокоилась и принялась раскладывать письма по датам. Потом стала читать. Андреа читала целых два часа, вытирала слезы и смеялась, потом перевернула пачку и стала перечитывать их еще раз. Последнее письмо пришло девять месяцев назад. Она подумала, что это значит, что Тея сдалась, но потом ей в голову пришла ужасная мысль – может быть, она больна или умерла? Она заторопилась, нашла листок и ручку и принялась писать. В половине шестого в Рождество она закончила.

На следующий день Эдмунд опять ничего не сказал, хотя было заметно, что он размышляет, и думы его нелегки. Конрад, самый чувствительный из всех, служил живым барометром. Он чувствовал перемены в настроении отца задолго до того, как их замечали другие. Заметив, что мальчик старается избегать Эдмунда, Андреа похолодела, представив, что рождественскому миру скоро придет конец. Вскоре Эдмунд ушел, но через несколько часов он вернулся пьяный в стельку. По дороге в спальню он сорвал украшения и задел мебель, так что за ним вилась тропинка из серпантина и дождика. После того, как он упал на чердаке и заснул, они засмеялись – смех шел из самого сердца и переливался колокольчиками. Даже Хайди, которая никогда не смеялась от души, хохотала так, как будто впервые распробовала, как это приятно. Они смеялись, вешая обратно украшения, и Андреа знала, что причина смеха вовсе не в том, что пьяное шатание отца показалось им забавным. Они смеялись потому, что он уже не излучал потенциальную угрозу, как было раньше.

Боль и страдания, которые переносил Эдмунд, а также растущая привязанность к алкоголю все изменили. Прошел почти год с тех пор, как он поднял на Андреа руку в последний раз. И что еще важнее, уже много месяцев он не смотрел на нее тем «взглядом», тем особым взглядом, который предупреждал о том, что ее ждет. Она почти привыкла к новому Эдмунду, поверила, что таким он и останется. Но однажды в

марте он ворвался в дом. Она стояла к нему спиной, но внезапно воцарившаяся тишина заставила ее задержать дыхание и замереть. Когда она повернулась, то увидела тот самый взгляд, гораздо мрачнее, чем обычно – он был переполнен ненавистью. Они простояли, как ей показалось, вечность, и она знала, что он наслаждается – получает удовольствие, видя, какой ужас на нее наводит. Страх породил худшие подозрения, но когда он открыл рот, она услышала то, чего не могла себе даже представить.

«Я слышал, ты крутишь шашни с парнем из электросетей?»

Глава 24

Рино рассказал женщине, которая вышла ему навстречу, приукрашенную историю – он, мол, захотел взглянуть на дом, в котором прошло детство его знакомого. Женщина пригласила его войти, только просила извинить за беспорядок, но он вежливо отказался. Она казалась печальной, сначала он подумал, что это потому, что она живет одна, но позже понял, что дело не в этом. Что-то ее тяготило, может быть, именно поэтому она и затеяла ремонт – чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Дом престарелых выглядел именно так, как описал полицейский, никакой эстетической ценности он не представлял. Правда, впечатление немного улучшилось, когда Рино зашел внутрь. Медсестра проводила его по коридорам и остановилась возле двери, на которой висела написанная от руки табличка с именем жильца. Заглянув внутрь и шепнув что-то старику, она впустила инспектора внутрь.

Халвард Хеннингсен полулежал в кресле. Теплый плед укрывал ноги и колени.

– Вы ко мне? Ничего себе!

Старик нажал на рычажок на подлокотнике, и кресло приняло ровное положение.

– Меня зовут...

– Сначала присядьте, молодой человек! У меня возникают плохие ассоциации, когда люди надо мной нависают. Я боюсь, меня опять пришли переодевать, мыть или смазывать. Но вы ведь здесь не за этим?

Рино сел в потертое кресло рядом с маленьким столиком.

– Я попробую еще раз... Рино Карлсен, инспектор полиции в Будё.

– Вы по частному делу? – Старику было между восьмьюдесятью и девяноста лет. Он махнул рукой. У него были тонкие длинные пальцы, как в фильмах ужасов, которые так любит смотреть Иоаким.

– Почти, – Рино подумал, что старик так решил, потому что он был в гражданской одежде. – Это касается одного дела, над которым я работаю. Мы наткнулись на одно имя... говорят, вы знали этого человека.

– Эвен? – Старик хитро улыбнулся, уверенный, что попал в точку.

– Да, Эвен Харстад.

– И почему я не удивлен?!

– Именно это я и хотел бы узнать. Вы уже второй человек за сегодняшний день, который не удивляется, что я приехал по поводу Эвена.

Старик с удивлением взглянул на инспектора.

– Полицейский из участка. Кстати, именно он отправил меня к вам, он сказал, что вы были ближайшим соседом Эвена.

– К сожалению, это так. И я вовсе не об Эвене, а о Лоренце, его ужасном приемном отце. И вы думаете, судьба хоть немного пожалела меня, старика? Как бы не так! Этот подлец живет в конце коридора.

Старик заметил, что его гость оживился, и спешно добавил:

– Вот только все, что у него выше плеч, живет в другом мире. Это случилось внезапно, но, на мой взгляд, вполне ожидаемо. То время, которое он провел на нашей с вами планете, он потратил на то, чтобы творить зло. Абсолютный садист, который, как это обычно и бывает с психопатами, сумел скрыть свои темные стороны от всех, кроме самых близких. Хотя не ото всех – я быстро заметил, что что-то тут нечисто, вот только не понял, насколько.

От волнения щеки старика порозовели.

– Но почему вы спрашиваете об Эвене? Что он натворил?

– Мы подозреваем, что он совершил два нападения.

– Нападения? Трагедии всегда повторяются.

Старик вытер рот ладонью.

– Но не на детей?

– Пострадали двое мужчин, но мы считаем, что он совершил преступления из-за детей.

– Пожалуйста, учтите, что я только что проснулся и еще не совсем пришел в себя. Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Это длинная история, некоторые ее детали я не имею права разглашать. Единственное, что я могу сказать – жертвами стали мужчины, которые несерьезно относились к отцовству. На местах преступления были найдены рисунки, из которых ясно понятно, что эти нападения – наказание за то, что они бросили своих детей.

Старик задумался.

– Я помню Эвена застенчивым, но несколько угрюмым мальчиком. Я думаю, он постепенно осознал, в каком кошмаре живет – да, думаю, он слишком хорошо это понял. Но вместо того, чтобы убежать или сообщить кому-нибудь о том, что происходит в его доме, он взял на себя роль защитника приемной матери. Как я понимаю, он пришел к выводу, что лучше всего будет, если он сможет вызывать на себя все унижения и злобу. Он позволял этому дьяволу избивать себя, чтобы оградить мать. Конечно, я ничего об этом не знал, иначе я бы вмешался и всадил бы пулю в эту садистскую тушу.

Старик сорвал плед со своих ног и отбросил его в сторону с такой силой, как будто кто-то положил его туда против его воли.

– ...В те времена стать приемными родителями было просто, достаточно было, чтобы никто из родственников не мог или не хотел позаботиться о сироте. Мать Эвена умерла вскоре после родов, а об отце ничего не известно. Так как других родственников у него не было, все обрадовались, когда Алвиде и Лоренц решили взять его к себе. Если бы мы знали...

– Когда вы поняли, что что-то не так?

– Я всегда знал, что что-то не так. Алвиде была покорной овечкой, которая изо всех сил старалась жить по правилам, которые установил Лоренц. Я быстро заметил, что в этой паре не было любви – они жили так, как велела железная рука мужа. Это было видно по тем взглядам, которые он на нее бросал, по фразам, которые она от него слышала. Можно было представить себе – то, что Лоренц сдерживал при всех, в четырех стенах вырывалось наружу на полную мощность. То же самое было и с мальчиком, хотя с ним редко бывали проблемы. Эвен быстро научился подчиняться.

Старик огляделся, пощелкивая языком.

– У меня пересохло во рту. Наверное, это из-за этих пробуждающих таблеток. А может быть, из-за снотворного, которое я принимал перед сном. Не можете ли вы оказать мне услугу и подать стакан воды? Аппарат стоит за дверью и утоляет жажду всех страждущих на планете.

Через полминуты Рино протянул ему пластиковый стакан.

– Ужасно невкусная, но пить можно. Вы говорите – нападения? А что именно случилось?

– Первого приковали за руки на глубине полметра в ледяной воде, а руку второго привязали в пяти сантиметрах от электропечки. Речь идет об ожогах третьей степени и об ампутации.

– Черт!

– Полицейский, который отправил меня к вам, сказал, что подобные злодеяния вполне в духе Эвена.

– Черт!

– В смысле?

– Да просто я пользуюсь любой возможностью, чтобы упомянуть имя Анти-Бога. Так я лично протестую против надвигающегося конца.

Старик побледнел. Рино подумал, что его мучает совесть за то, что он не вмешался вовремя.

– Ходили слухи, – он поерзал на стуле. – Кто-то слышал, как мальчик кричал у моря. Через некоторое время он вернулся домой вместе с

Лоренцем и дрожал так, как будто через него пропустили ток. Все понимали, что что-то случилось. А теперь я знаю, что именно. Лоренц сделал с ним то же самое – заставил его сидеть, опустив руки в ледяную воду. Но тогда я ничего не знал. Мне нужно было вмешаться. Ведь ходили слухи, что мальчик кричал еще несколько раз, и все время там, внизу, у пристани.

– Значит, Лоренц живет здесь, в этом здании?

– Вторая дверь слева, – старик ткнул пальцем в воздух. – Я вообще-то не слишком верующий, но комната 216 для меня вроде предместья ада.

– У него Альцгеймер?

– Черепушка пустая. Кстати, почти всю жизнь так и было.

– А что, если я попробую с ним поговорить?

– Ну, если вам нравится разговаривать с самим собой, наблюдая, как повсюду разлетаются слюни – пожалуйста. Он не в своем уме.

– Эвен бывал здесь?

Глаза старика сверкнули.

– Не думаю. Что он здесь забыл? Ну, разве только за тем, чтобы накрыть подушкой уродливую физиономию и держать, пока жизнь не покинула бы этот мешок с дерьмом.

Рино осенило, что из-за болезни приемного отца Эвен не стал мстить ему. Потому что, если жертва ничего не понимает, она и не боится.

– Спасибо, не буду вас больше беспокоить.

Инспектор услышал то, зачем пришел. Но картинка пока еще не складывалась до конца.

– Я слышал, в его доме кто-то живет.

– Да, приятная дама. Я заезжал туда перед тем, как приехать к вам.

– Этот дом нужно сравнить с землей. По мне, это гнездо дьявола! – По выражению лица старика было понятно, что он с радостью бы сам поучаствовал в сносе дома.

– И подвал тоже. Я думаю, он именно там провел свое детство. Прячась от Лоренца.

Глава 25

Дождь долбил по холму, не прекращаясь ни на минуту, становясь все сильнее и сильнее, скоро земля уже не смогла впитать всю воду, которая лилась с неба. Поплыли ручьи, реки, потоки смывали все на своем пути, изменяя окрестность до неузнаваемости. Там, где почва размывалась сантиметр за сантиметром, возникали глубокие ямы, комья земли уносились в бушующие волны. Таких грозных туч никогда раньше не было, такого темного неба никто раньше не видел. Казалось, тьма сможет вытащить на свет самые мрачные деяния человека.

На рассвете стихия утихла, небо просветлело. Повсюду текли мутные реки, постепенно они засыхали, оставляя после себя разбитую ночью землю. Там, куда многие годы ветер наносил белый песок, выросли хребты и ямы. Но не только. Маленькие косточки, которые на первый взгляд казались останками какого-то животного, при более тщательном осмотре оказались человеческими. А чуть дальше земля разверзлась из-за дождя, как будто чудовище прорвало травяной покров и вынесло наружу череп. Пустыми глазницами он уставился на утренние лучи.

* * *

Никлас Хултин замерз. Несмотря на то, что ветер почти совсем стих, а он был хорошо одет, ледяной холод пронзил его тело. Его разбудил кошмар, но и наяву его ждал такой же ужас. Ему снилось, что пробы тканей совпали. Не давая ему шанса отказаться, его положили на операционный стол, и он увидел, как у него отняли почку, просто вырвали из тела, как зародыш во время аборта. Этот сон стоял перед глазами все утро и перерос в неприятное предчувствие. Теперь он стоял, уставившись на траву и размытую не без помощи ночного дождя землю.

Никлас немного подождал на склоне, где почва была еще плотной, а потом спустился ниже. Последние метры превратились в смесь земли, воды и песка, он почувствовал, что ботинки промокли. Следователи из Центрального управления в сопровождении Линда и Брокса стояли, наклонившись над ямой. На останки наткнулись школьники во время прогулки с классом, потрясенная учительница позвонила в полицию примерно полчаса назад.

Череп, все еще наполовину погребенный в земле, был намного меньше, чем представлял себе Никлас. Ему стало жаль Бродягу, хотя теперь лопату, наконец, можно было отставить. Ведь этот череп мог принадлежать только его сестре.

– Ирония судьбы, – Брокс, как обычно, распространял идеальный аромат, в этот раз он особенно сильно отличался от запаха гнилой земли. – Если бы не потоп, он бы отыскал ее с одним из последних ударов лопатой. Лет эдак в шестьдесят пять.

– Думаю, он бы предпочел найти ее сам, – Никлас представил себе Бродягу, как он осторожно освобождал бы останки, оmyвая их своими слезами.

Линд кивнул и обернулся к главному следователю из Центрального управления:

– Я был одним из тех, кто считал, что она инсценировала свое исчезновение. Невероятно, что она пролежала здесь все эти годы...

– Насколько я понимаю, у вас здесь пропал только один человек за последнее время? – главный следователь говорил глубоким баритоном. – Значит, нам нужно сосредоточиться на том, что мы твердо можем назвать убийством, но все-таки я хотел бы попросить техников помочь нам выкопать тело. Они подъедут с минуты на минуту.

Примерно через четверть часа они сняли первый слой земли, довольно далеко от черепа. Никлас помогал копать, скоро у него появились мозоли на ладонях. Потом заболела спина и шея, движения стали медленнее. Он выпрямился, вытер пот со лба и попытался восстановить дыхание. Бродяга был старше Никласа, а ведь он ежедневно часами копал мерзлую землю. Полицейский снова подумал о том, как сильно тот тосковал. И как важно для него было отыскать сестру.

– Думаю, нужно отправить кого-нибудь за ним. Ужасно, если ему и сегодня придется копать целый день, – Линд остановился. – Хотя днем больше, днем меньше.

– Его нужно привести, – Никлас посмотрел на череп, его вытащили из грязи. Еще достали кусок одежды, он был одного цвета с землей. – Если это она, он узнает одежду.

Линд посоветовался с Броксом, а потом попросил общего внимания.

– Я знаю, мы все думаем об одном и том же, – сказал он и на несколько секунд замолчал. – Что это сестра Конрада. Теперь, когда мы нашли кусочки одежды, он сможет ее опознать. Мы все знаем его одержимость, если я так могу это назвать. Я не сомневаюсь, что он помнит, в какой одежде она была в тот день, когда пропала. Я предлагаю привести его сюда.

Через пять минут один из полицейских отправился за Бродягой. Они продолжали раскапывать, постепенно из земли проступил скелет – он как будто сидел на корточках. Словно тот, кто оставил ее здесь, решил не тратить силы и время на большую могилу, вырыл яму и втиснул ее туда. Подобная жестокость доказывала то, в чем был абсолютно уверен Бродяга – его сестру убили.

– Версия подтверждается, – сказал второй следователь, наклонившись над останками. – Конечно, я не специалист, но, если я не ошибаюсь, здесь перелом черепа.

Со своего места Никлас не мог разглядеть ничего, кроме спины следователя. Но он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Кто-то размозжил череп четырнадцатилетней девочки, обожаемой младшей сестры убитого горем семейства. Исчезновение, которое не забыли только благодаря тому, что старший брат сделал целью своей жизни отыскать ее.

Они копали с еще большей осторожностью, потому что стало ясно, что произошло преступление. Скоро появился весь скелет вместе с двумя кусками одежды.

– Юбка. Клетчатая, насколько я понимаю, – следователь осторожно поднял увязшую в грязи тряпку. – Я думаю, она была темной, может быть, коричневой или темно-зеленой. По поводу верха я не уверен. Вязаный свитер, светлее, чем юбка.

Никлас попытался отвлечься. Лилли Марие еще не закончила историю об Андреа и Эдмунде, но эти кости были доказательством того, что она завершится трагически. Скоро они отсоединили свитер от костей и положили его рядом с юбкой и остатками того, что когда-то было ботинком. Кости они не трогали. Брокс дал указание подождать. Сначала нужно было дать Бродяге по-настоящему попрощаться.

Примерно через час подъехала полицейская машина, из нее вышел Бродяга. Он немного постоял, уставившись на мужчин на побережье, потом захлопнул дверь. Каждый день на протяжении двадцати пяти лет он впивался лопатой в землю, твердо уверенный в том, что однажды найдет останки своей пропавшей сестры. И вот этот час настал. Он двинулся навстречу мужчинам, сначала очень уверенно, потом медленнее, как будто сомневаясь. Добравшись до насыпи, он тщательно выбирал место, куда поставить ногу, как будто, ошибившись, мог лишиться себя возможности увидеть сестру. Никлас понял, что он оттягивал момент. Человек, который всю жизнь провел, копаясь в болоте, мог пройти по этой грязи вслепую. Он остановился метрах в десяти от ямы. Под коленями старых брюк были мокрые пятна, к сапогам прилипли комья засохшей земли. Свитер, тот

самый, который Никлас видел на спинке стула, до локтей был испачкан в грязи. Никлас понял почему. Он копал землю голыми руками. Конрад сделал последние шаги – не сводя глаз с ямы и не меняясь в лице. Казалось, он не видит людей вокруг, здесь и сейчас были только двое – он и его сестра. Именно так он всегда представлял себе их встречу. Казалось, он сломался под тяжестью момента, плечи поникли, голова опустилась, у него не было сил держать ее прямо. Потом он упал на колени. Напряжение двадцатипятилетней работы спало, и теперь ноги его ослабели. Он опустил руки в яму, казалось, он держит в руках невидимый мяч. Никлас понял, что он прикасается к ее лицу, гладит грубыми пальцами ее нежную кожу.

– Линея, – этот голос был не похож на голос Бродяги.

Никлас подумал, что именно так он обращался к ней, нежно и ласково.

Он уронил руки, сидел и покачивался из стороны в сторону, повторяя ее имя. Он не рыдал, не всхлипывал.

Главный следователь прочистил горло:

– Вы узнаете одежду?

Бродяга сидел неподвижно, казалось, он не слышал вопроса. Потом кивнул.

– Это одежда вашей сестры?

Он опять отреагировал не сразу.

– В тот день она ушла из дома в сером вязаном свитере и зеленой клетчатой юбке. И серых туфлях-лодочках.

Главный следователь переглянулся с Броксом и Линдом, те кивнули. Бродяга знал, что говорит.

– Через несколько дней у вас будет могила, которую вы сможете навещать, – сказал Брокс.

– Я хочу привести сюда Хайди прежде, чем вы ее достанете.

Конечно, раскопки затянутся, но Брокс кивнул и проводил Бродягу к машине.

– Удивительно, что ее вымыло дождем, – Линд проводил взглядом машину, которая скрылась за поворотом. – После всех этих раскопок...

Через полчаса Бродяга вернулся. Люди вокруг ямы пытались согреться, теперь они все, замерев, смотрели на верного брата. Конрад открыл дверь и помог сестре выйти из машины. Хайди шла маленькими шагами, брат поддерживал ее. Никлас понял, что дело не только в зыбкой почве. Покачиваясь, она осторожно спускалась по склону, все время брат крепко держал ее, чтобы она не оступилась. Дойдя до самой непролазной грязи, он шагнул в середину лужи, чтобы она смогла пройти по сухому. Даже стоя по колено в грязи, он был на голову выше ее. У Хайди было

такое же усталое выражение лица, как и у брата. Из рассказа Лилли Марие Никлас знал, что девочка была больна с раннего детства, да и Линд пару раз намекал на ее умственную неполноценность. Как и в прошлый раз, Бродяга остановился за десять метров до ямы, обнял сестру за плечи, и они вместе прошли последние шаги. Они стояли очень близко друг к другу, старший брат и старшая сестра, склонив головы в знак прощания. Никлас не мог представить себе более трагическую картину. Он видел, как Бродяга пытается сдержать слезы, а на лице Хайди замерло выражение печального осознания, как будто она уже давно смирилась с тем, что сестра покоится в неизвестном месте. Через несколько минут они отошли, Бродяга кивнул ленсману, давая понять, что они могут продолжать раскопки.

Никлас смотрел на эту странную пару – брат и сестра, как же неблагосклонно и жестоко обошлась с ними судьба! Они не были похожи друг на друга, только строгие черты лица проступили с возрастом.

Они немного понаблюдали за раскопками, потом Бродяга проводил сестру к машине. Никлас думал, что он еще вернется, но когда они закончили работу через пару часов, его все еще не было.

– Заканчиваем? – Никлас совсем забыл, как ему холодно.

– Мы все выкопали. Все кости, – сказал главный следователь, его лицо тоже было обветренным.

Никлас не мог отвести взгляд от того, что служило Ли-нее могилой долгие двадцать пять лет. Внезапно ему в голову пришла одна мысль:

– Можно я еще немного покопаю?

– Зачем?

Он пожал плечами в знак того, что у него просто есть какое-то подозрение.

– Пожалуйста, копай сколько хочешь. Мы закончили.

Линд остался с Никласом и скептически наблюдал за тем, как тот копает.

– Нам не нужно больше доказательств. Ты же видел Конрада. Это она, – по голосу было понятно, что Линд начинает злиться.

Никлас вонзал лопату все глубже и глубже в плохо пахнущую, черно-синюю землю, он искал то, что было похоронено вместе с Линеей. То, что потоки воды не вынесли на поверхность. Примерно через десять минут он наткнулся на что-то, что на первый взгляд напоминало комок тонких корней. «Волосы», – подумал он. Еще пара ударов лопатой, и он достал из могилы куклу.

Глава 26

Никлас стоял под душем так долго, что вода в нагревателе кончилась, но согреться ему так и не удалось. Он оделся и вышел на кухню. Грязная кукла землистого цвета, завернутая в бумажный пакет от хлеба, лежала на столе. Еще одна азиатская красавица, в этот раз, насколько мог понять Никлас, в платье зеленого цвета. На поблекшем фарфоровом лице виднелась полуулыбка, от которой кукла казалась смущенной и невинной.

Никлас был дома один. Карианне прислала эсэмэску, что она на работе в банке и, возможно, задержится. Заметив за занавесками свет от фар приближающейся машины, он решил, что это она. Поэтому он очень удивился, когда увидел, что к дому поворачивает старый «вольво». Из машины вышел мужчина около сорока в потертых джинсах и старых сабо. Он немного постоял, осматривая дом, потом провел рукой по остаткам шикарной шевелюры и направился к дому.

Никлас пошел ему навстречу и открыл дверь, не успел еще мужчина постучать:

– Чем я могу вам помочь?

– Меня зовут Рино Карлсен. Полиция Будё.

Помятый человек, стоявший перед Никласом, был меньше всего похож на полицейского, а Никлас повидал их немало.

– Что привело вас ко мне?

– Я работаю над одним делом.

– Так?

– Боюсь, это грустная история, – мужчина оглядел фасад дома. – Может быть, вы слышали о нападении на Ландегуде?

Честно говоря, забот у Никласа хватало, но страшные происшествия, конечно, обсуждали в отделе.

– Ужас, – сказал он.

– Значит, вы знаете и о том, что случилось через несколько дней.

– О попытке сожжения?

Полицейский кивнул.

– И эти события привели вас... сюда?

– Я пытаюсь понять мотив. Преступник вырос здесь. В этом доме.

И снова Никлас почувствовал, как мир перевернулся, события закручивались вокруг него.

– Дом много лет пустовал.

- Он уехал отсюда десять-двенадцать лет назад.
- И вы хотели бы зайти, чтобы понять его мотив?

Один из коллег Никласа как-то бросил фразу о том, что никто из местных никогда бы не стал жить в этом доме. На вопрос «Почему?» тот ответил, что бывшего хозяина в городе очень не любили.

- Всего пять минут, я вас не побеспокою.

Вся ситуация казалась Никласу нелепой, но он предложил гостю войти.

- Пожалуйста!

Рино Карлсен медленно зашел в дом, как будто впитывая впечатления каждой клеточкой тела. В коридоре он снял туфли, ничуть не смущаясь тому, что на пятках носков у него были огромные дыры. На кухне он увидел куклу.

- Вы занимаетесь...?

– Да, этим делом с куклами. У нас тут произошло убийство, так что, думаю, пора газетам серьезнее относиться к нему.

Рино подошел к столу.

- Я думал, они больше.
- Фотографии в газетах всегда врут.
- Удивительно.
- Что именно?
- Совпадение.

Для Никласа оно скорее было неприятным.

- Мир становится тесным тогда, когда этого меньше всего ждешь.
- Да-да.

– Там, за газетами и банками с краской, есть стул. Я хочу знать все о вашем преступнике.

За двадцать минут Рино рассказал о том, что произошло, о детских рисунках, о том, как он пришел к выводу, что основной мотив – это месть, о необычном выборе мест преступления и о событиях, связанных с этими местами. Он упомянул и о союзе брошенных женщин и о том, что, очевидно, они понятия не имеют, кто такой этот неизвестный мститель, который так жестоко наказывает нерадивых отцов. Он рассказал о подозрении, которое пало на Эвена Харстада, о его нелегком детстве и приемном отце-садисте и о том, что сейчас он работает в органах опеки в Будё.

- Вы думаете, он в детстве пережил насилие? – спросил Никлас.

– Если я правильно понял старика, который жил по соседству, это общеизвестный факт. Думаю, его мучает совесть за то, что он не вмешался.

Боюсь, моя история не смогла облегчить его мучения.

– Честно говоря, мне всегда было здесь неудобно, – Никлас огляделся. – И жене тоже. Карианне подыскивает нам новый дом.

– Думаю, больше всего старика мучает, что он закрыл глаза на произошедшее у моря.

Сердце сжалось от дурного предчувствия.

– Приемный отец водил его туда, и вопли, которые раздавались по всей округе, не оставляют сомнений – там творилось что-то ужасное. Думаю, он повторяет сейчас то, что пережил тогда. Только в этот раз он сам выступает в роли мучителя.

Никлас почувствовал, как на спине выступил холодный пот.

– У него на руке ожог. Обжечься так случайно нельзя. Думаю, приемный отец приковывал его руки под водой в качестве наказания. И еще, мне кажется, он привязывал его к нагревателю и заставлял сидеть так до тех пор, пока рука не начинала поджариваться, как картошка во фритюрнице.

– Полагаю, во многом мы закидываем удочки в одно и то же озеро, – сказал Никлас, представив себе, какие бесчинства происходили в стенах этого дома. – Старые грехи, – добавил он и рассказал о том, как продвигается его дело, о котором, как он полагал, инспектору было известно из газет.

– Подозреваемых нет? – спросил Рино, когда Никлас дошел в своем рассказе о кукле, лежащей перед ними на столе.

– Ни подозреваемых, ни мотива. Но я чувствую, что история начинается с Линеи и заканчивается ею же. Или, точнее сказать, с этой куклы, – Никлас осторожно достал игрушку из пакета. – «Красота неопишечная». Мать Линеи и не подозревала, что двадцать пять лет игрушка пролежит, погребенная вместе с дочерью.

– Нужно понять почему. У нас обоих преступники потратили много сил на декорации своего преступления, – Рино встал, понимая, что Никлас ненадолго заехал домой.

– И поэтому нам нужно отрешиться от своего образа мыслей и моральных установок. В подобных делах от них нет никакого толка. На той стадии, когда безумие пора обуздывать, логика не работает. – Он остановился и задумался. – Я правильно понимаю, вы недавно сюда переехали?

– Несколько недель назад.

– То есть в подвале вы ничего не трогали?

Никлас поморщился.

– Старик мне сказал, что мальчик провел большую часть детства в подвале.

– Я отнес туда несколько коробок, и все. Кстати, единственным условием хозяйки дома было, чтобы мы не трогали подвал. Она хотела его закрыть, но мне удалось убедить ее этого не делать. У нас много лишнего барахла.

– Можно мне взглянуть?

Никлас проводил инспектора к узкой лестнице, которая вела на чердак, там же находилась покосившаяся дверь в подвал.

– Извините за беспорядок, – сказал он, открывая дверь и включая свет.

Казалось, что лестница сделана для детских ног, на ступеньке едва умещалась половина ступни. У подножия Карианне поставила две банки краски, Никлас осторожно их отодвинул. Пахло так, как обычно пахнет в старых подвалах – пылью и гнилью. Потолок был невысокий, они едва могли выпрямиться. Пробираясь между коробками со старыми и новыми вещами, Никлас чувствовал, что волосы задевают верхние балки.

Подвал был разделен пополам раздвижной стеной. По краям открывались двери. Одна из них была распахнута настежь, вторую закрывали наискосок прибитые доски. Они заглянули в открытую дверь. Там стоял покосившийся верстак и две пары лыж у стены.

– А во второй комнате вы не были?

– Пока нет.

– У вас есть молоток или лом?

У Никласа были только те инструменты, которые оставил предыдущий хозяин.

– Вот это подойдет, – сказал Рино, взяв в руки старый топор. – Оставим ее?

Никлас кивнул.

Рино стянул джинсовую куртку, закатал рукава свитера по локоть и замахнулся топором. Через несколько ударов он оторвал все полусгнившие доски.

– Что вы надеетесь найти?

Рино пожал плечами.

– Понимание, – сказал он и открыл дверь.

В комнате было темно. Рино пощупал стену, но выключателя не нашел.

– Фонарь есть?

– Да, в коридоре.

Через полминуты Никлас направил тонкий луч фонаря в комнату. Еще

до того, как ему удалось что-то разглядеть, Рино протиснулся мимо него:
– Он наш!

Глава 27

– Все изменяется. Даже смерть. За пятнадцать лет красота могла померкнуть.

Предварительный осмотр останков проводил давно уже вышедший на пенсию врач, который когда-то работал патологоанатомом в университетской больнице в Трумсё. Затем труп отправят на экспертизу в Институт судебной медицины. Но Брокс был уверен в мастерстве пожилого врача и посчитал, что они смогут выиграть время в том случае, если останки дадут какой-нибудь ответ.

– Я говорю о техническом прогрессе и о слепой вере в его преимущества. Любители всяческих механизмов забывают, что паталогоанатомия ничуть не меняется.

Врач обвел взглядом мужчин, собравшихся вокруг стального стола.

– Я даже им не совсем доверяю, – он вытянул два пальца и показал на свои глаза. – Меня попросили провести поверхностный осмотр. Так что и выводы будут поверхностными.

Врачу было около восьмидесяти лет, на его щуплом теле почти не было мышц.

– Невооруженным глазом можно увидеть... – он снова обвел мужчин взглядом, призывая подойти ближе, – ...небольшую трещину в области темени. Недлинная, неглубокая. Так что нужно иметь живую фантазию, чтобы утверждать, что она имеет насильственное происхождение.

– Но...? – по интонации Брокса казалось, что врач просто обязан предоставить ему гипотезу.

– Но? – врач пожал плечами. – У меня нет стеклянного шара для гадания, так что не просите меня гадать о том, что произошло. Как вы видите, трещина расположена примерно в центре теменной части, так что маловероятно, что она вызвана случайным падением, а ведь, строго говоря, только таким образом человек может сам повредить голову. Чтобы удариться головой именно в этом месте, нужно очень постараться.

– То есть ее кто-то ударил.

– Это вы сказали. Не я.

– Я полагал, вы наводите нас на такую мысль.

– Все верно. Но все-таки вывод сделали именно вы. Я делаю свою работу, а вы – свою. – Врач взял череп двумя руками, поднял к глазам и стал рассматривать его так, как будто он был стеклянным шаром и

показывал прошлое.

– Удар был несильным, – сказал он. – Или, может быть, прошел по касательной.

– Но все-таки лишил ее жизни? – проговорил с надеждой Брокс.

– Как знать. Человеческое тело очень хрупкое. И в то же время лишить человека жизни совсем непросто. Бывает всякое. Можно умереть от укуса пчелы. А можно промучиться всю жизнь от неизлечимой болезни. Другими словами, девушка могла умереть от удара по голове, но, скорее всего, это не так.

Старик положил череп обратно.

– Таким образом, случиться могло все что угодно. Если девушка не умерла от этого удара, почему ее не ударили снова? Поверим ли мы, что предполагаемый убийца нанес всего один удар? Я только вопросы задаю. Конечно, может быть, следующий удар угодил в другую часть тела. Но я не нахожу других повреждений.

– Ее могли укусить, – высказал предположение Никлас.

– Очень может быть. Как вы видите, у нас нет тела с плотью и кровью. Все, что у нас есть – это кости. Так что, если в Институте судебной медицины не появился какой-нибудь новый чудо-аппарат, боюсь, вы никогда этого не узнаете.

Несколько секунд все молчали.

– А может быть, она потеряла сознание, и ее закопали живьем.

Внезапно в подвале больницы стало душно. Гипотеза была чудовищной, а ведь старик говорил правду.

– Вы можете сказать, сколько времени она пролежала в земле?

Линд был явно под впечатлением от новой гипотезы. Шея и лицо у него покраснели.

– Думаю, с того момента, как ее начали искать. На этот вопрос вы получите точный ответ. Но, увы, не от меня. Вы просили провести беглый осмотр, именно это я и сделал. Один удар, вот и все. Не слишком точный. И не слишком сильный.

* * *

На совещании следовательской группы вопросов было больше, чем ответов. Но Никлас почувствовал, как расслабился Брокс после того, как ответственность за это дело взяли на себя следователи из Центрального управления. Найденные ими останки указывали на еще одно преступление,

но пока официальное вскрытие не было произведено, у них было одно убийство и одно покушение на убийство. Приоритеты были расставлены соответственно. Никлас считал, что не принимать во внимание случившееся с Линеей абсолютно безответственно. Он чувствовал, что между событиями последних дней есть взаимосвязь. Куклами кто-то явно пытался что-то сказать, хотя предположить, что из-за дождя останки Линеи появятся именно сейчас, было чрезвычайно сложно.

Состояние Эллен Стеен не поменялось. Не появилось никаких новых свидетельских показаний. Чтобы получить полное представление о Саре Халворсен, оставалось опросить еще нескольких человек. Но уже сейчас можно было с уверенностью сказать, что она была из тех, кто отказывается от благ общества, чтобы жить в гармонии с природой. И, хотя это редко случается, похоже, врагов у нее не было. Но Сандсбакк, руководитель следственной группы Центрального управления, твердо сказал, что отсутствие зацепок говорит только о том, что они плохо искали. Потому что враги есть у всех.

Во время распределения заданий Линд обратил внимание на фигуру, приближающуюся к участку. Он встал, чтобы встретить несчастного. Никлас пошел с ним.

Бродяга еле слышно постучал в дверь, казалось, даже поднять руку ему очень тяжело.

Он был одет в тот же свитер, только намного грязнее, чем пару часов назад. В руках была его вечная спутница – лопата. Он внимательно оглядел ее, как бы размышляя, не слишком ли та грязная, чтобы заходить с ней в участок, а потом оставил за дверью.

– Ты копал? – Линд жестом предложил Бродяге сесть.

– Да.

Полицейские переглянулись.

– На лугу?

– В горах. Я успел перекопать семь-восемь квадратов до того, как меня забрали. Мне нужно было убрать за собой.

– Необязательно...

– Я знал, что она лежит в земле.

– Надеюсь, ты успокоишься, Конрад, – Линд ободряюще похлопал несчастного по плечу.

Бродяга опустил голову. Руки повисли плетьюми.

– Ее убило животное.

Полицейские снова переглянулись.

– Если окажется, что ее убили, мы сделаем все, что в наших силах,

чтобы найти убийцу.

– Вы никогда мне не помогали, – голос Бродяги изменился. – Никогда.

– У нас, как правило, очень много дел...

– И даже ты, – затуманенный взгляд упал на Никласа.

– Мне жаль, – строго говоря, сожалеть было не о чем, но Никлас все-таки чувствовал угрызения совести.

– Мы не смогли бы отыскать ее быстрее, – сказал Линд спокойно.

– Кто-нибудь мог начать с другой стороны.

– Думаю, Линейя хотела бы, чтобы ты успокоился, Конрад. Не стоит мучиться, представляя, что можно было сделать по-другому.

– Я болен, – на сером измученном лице проступили слезы.

– Отдохни, Конрад.

Бродяга потрогал свое плечо.

– Каждый удар лопатой многие годы впивался вот сюда.

Никлас почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Жертвенность Бродяги достигла предела.

– Покажи плечо врачу. Я могу позвонить...

Тот покачал головой.

– Линее было больно? – усталые мутные глаза заволокли слезы.

– Она ничего не почувствовала, – вмешался Никлас, вовсе не потому, что знал наверняка. Просто ему хотелось хоть как-то утешить несчастного брата.

– Я очень боюсь, что ей было больно.

– Она потеряла сознание и умерла без боли, Конрад. Поверь! – Линд ободряюще похлопал его по плечу. – Хочешь, я отвезу тебя домой?

Бродяга медленно кивнул. Похоже, силы у него кончились, тяжело ступая, он побрел к выходу.

Никласу показалось, что к запаху пота и грязи добавилось что-то еще.

Линд достал ключи от машины.

– Бедняга.

– Сколько ему было лет? – спросил Никлас.

– Шестнадцать или семнадцать. Я думаю, он и не жил после ее исчезновения.

Когда они уехали, Никлас вдруг понял, что за запах он почувствовал. Запах старого человека. Старого и умирающего.

Карианне сидела за столом на кухне, вокруг валялись газеты и полупустые банки с краской. Рядом лежала засохшая кисть. Никлас видел, что жена плакала и сделала все возможное, чтобы он этого не заметил.

– Извини, что так поздно, – он звонил ей чуть раньше, чтобы рассказать, что случилось.

– Я тоже недавно пришла. Приближается конец месяца – надо отчеты делать.

– Все сойдется?

Она усмехнулась:

– Как всегда.

Никлас замерз и устал, больше всего ему хотелось залезть под горячий душ и лечь спать, но он присел рядом с женой.

– Тебе здесь нравится?

Она ответила не сразу.

– Я хорошо знаю свою работу. Коллеги хорошо ко мне относятся, хотя настроение, понятное дело, невеселое.

– Они говорят о ней?

– Об Эллен Стеен? Конечно. И притом именно со мной, потому что знают, что ты мой муж.

– И что ты о ней думаешь?

Она испытующе взглянула на него.

– Я что, засланный казачок? Они говорят, в основном, о том, что случилось, а не лично о ней. Но я пока не наткнулась на какие-либо темные стороны, если ты это имел в виду.

– Именно это я и имел в виду.

Он отодвинул стул и встал.

– Никлас?

Он остановился, чувствуя, что сейчас выяснится, почему жена плакала.

– Надо сдать анализы. Если ты не подойдешь, мне придется встать в очередь и ждать донора. После Рождества придется начать диализ, а к лету...

Внезапно ему стало стыдно. За то, что пожалел для любимой почку, за то, что она заметила его сомнения. Он снова сел.

– Я готов сдать анализы в любой момент.

– Завтра я еду к врачу.

Об этом он забыл.

– Я поеду с тобой.

– После работы?

– Обойдутся без меня.

– Уверен?

– Да.

Она улыбнулась, смущенно, полуулыбкой.

– Я собиралась красить, но... что-то расклеилась.

Он встал, поднял ее со стула и крепко обнял. В этот момент Никлас понял, что готов. Готов отдать часть себя ради нее.

Карианне первой пошла в душ, а Никлас решил еще раз спуститься в подвал. Он еще не рассказывал жене о мальчике, который вырос в этом доме, и о том, в чем его подозревают. Ей и так хватало забот. Он спускался на цыпочках, потому что не хотел, чтобы у Карианне возникли вопросы. Никлас открыл дверь в запечатанную комнату, и ему показалось, что сами стены кричат от боли. Здесь сидел мальчик, одинокий, обиженный, он убивал время, делая зарубки на бревне. То, как была заперта дверь, навело Никласа на мысль, что заколачивали ее в ярости, кто-то явно хотел, чтобы она закрылась навсегда. Может быть, это сделал сам Эвен. Поднимаясь по лестнице, Никлас услышал звонок мобильного. В трубке раздался голос Линда.

– Звонили из больницы в Трумсё, – по голосу было слышно, что тот взволнован. – Похоже, Эллен Стеен скоро очнется. Она начала бредить, и сестра смогла разобрать пару слов. Она уверена, что та прошептала «царапающие когти».

Глава 28

История Андреа

Он бил ее сильнее, чем когда-либо раньше, вкладывая всю свою ненависть в каждый удар, стремясь сделать больно. Она не знала, сколько прошло времени – полминуты или, может быть, пять минут. Внезапно безумие кончилось. И только его тяжелое свистящее дыхание заглушало стук ее сердца.

– Шлюха, – сказал он и ушел. Приступ ярости иссяк.

Нестерпимая боль захлестнула ее, но она смогла забраться в ванну. Вода сразу же стала красной от струящейся крови из раны на подбородке. Представив, как она сидит в розовой воде, Андреа задрожала, рыдания эхом отразились от стен комнаты.

– Мама? – Конрад видел, что произошло, и наступившая тишина его напугала.

Она поняла, что должна быть сильной ради детей, но тело продолжали сотрясать рыдания.

– Мама, ты здесь?

– Мама купается, – слова прерывались от всхлипов.

– Тебе больно?

От того, что он попытался ее утешить, приласкать, слезы полились сильнее. Она плакала от того, что родила детей в этом мире, полном злобы и нужды. Плакала от того, что им приходится жить с таким отцом, как Эдмунд.

Конрад оставил ее в покое, понял, что ей нужно время, чтобы прийти в себя. Ей даже удалось заставить себя мыслить разумно.

Она включила воду, прекрасно понимая, заметь Эдмунд, что нагреватель пуст, он снова разозлится. Андреа потянулась за полотенцем, но ребра как будто сжали тисками. Жадно ловя ртом воздух, она села обратно. Потихоньку она выбиралась из ванной, с каждым разом боль становилась все сильнее, и она снова замирала. Мысль о том, что за детьми уже час никто не смотрит, заставила ее сделать еще одну попытку, взревев от боли, Андреа выбралась на пол. Она стояла, согнувшись, боль пульсировала в ребрах. Некоторые наверняка были сломаны, и она поняла, что несколько дней не сможет заботиться о детях. От отчаяния в глазах у нее потемнело, и она опустилась на пол.

Падая, Андреа услышала, как открылась входная дверь, чьи-то ноги сбивали снег с сапог, а потом голос Эдмунда позвал ее. Перед тем, как потерять сознание, она заметила, что тот звучал заискивающе, ласково. Она обрадовалась. За детей.

Она так никогда и не выяснила, что именно узнал Эдмунд о том осеннем дне, когда у них отрезали электричество. Спросить она не решалась. Ее уже наказали, и никакие объяснения не смогут заглушить страх или повернуть вспять то, что произошло.

Она снова написала Тею, объяснила, что Эдмунд прятал от нее письма, и попросила прислать письмо на адрес местного магазинчика, с владельцем которого заранее договорилась. Тот без сомнений согласился стать посредником между двумя подругами.

В результате об этом знала вся деревня.

Она с волнением заходила в магазин, но прошла неделя, потом другая, и Андреа подумала, что потеряла Тею навсегда. Лишь через четыре недели после того, как она отправила свое письмо, владелец магазина окликнул ее. Широко улыбаясь, он помахал белым конвертом. Она не смогла дождаться, пока вернется домой, зашла в булочную, закрылась в туалете и прочла семь страниц, написанных убористым почерком. Письмо написала не Тея, а ее сиделка. Тея прощалась с подругой и с жизнью. У нее был рак. Она умирала. Ее оставалось жить в лучшем случае несколько недель. Андреа почувствовала, что в тот момент, когда она читала эти строки, Теи уже не было в живых. Она заплакала, не в силах остановить поток слез. Лишь когда кто-то потянул за ручку двери, она нашла в себе силы собраться. Прочитав письмо еще раз, Андреа разорвала его на мелкие кусочки и смыла в унитаз. Эдмунд никогда об этом не узнает.

Она жила только силой воли. Вставала по утрам ради детей, не задумываясь, хлопотала с утра до вечера по хозяйству, жадно впитывая редкие моменты радости. То Хайди делала небольшие успехи, то Конрад удивлял ее своим пытливым умом, то ей самой удавалось улизнуть, спрятав куклу у себя под одеждой. Так как кукол стало уже довольно много, никто не замечал, что иногда она возвращалась с другой игрушкой. Конечно, иногда дети обнаруживали, что какой-то из кукол нет. Она смотрела, как они ищут, ругаются друг на друга, потом снова уходила и, возвращаясь, оставляла ее за стулом или на скамье.

Эдмунд в основном занимался охотой. Может быть, потому, что все еще мог нажимать на курок своими скрюченными пальцами, а может быть, просто потому, что ему нравилось. А ей приходилось свежевать животных. Андреа думала, что скоро в горах вокруг Бергланда кончатся

птицы и животные, но, к большому удивлению, в самодельные силки Эдмунда раз за разом попадалось разное зверье. Особенно удивлялся этому Конрад. Он рос очень чувствительным ребенком и проливал скупые мальчишечьи слезы даже над убитой мухой. Его целью было спасти все, что может ползать и летать, всех насекомых и животных, от этого жестокого, опасного мира. Конрад, защитник слабых, трогательно заботился о Хайди и Линее, особенно о младшей, за нее он готов был пройти огонь и воду.

Он, конечно, знал, что отец ходит на охоту, а мать свежует дичь, но Андреа всегда следила за тем, чтобы он случайно не наткнулся на мертвых животных. Она боялась, что впечатление оставит неизгладимый след. Так что, когда однажды он прибежал домой возбужденный и зашептал ей что-то приглушенным голосом, чтобы отец не услышал, она сразу поняла, что случится беда. Конрад нашел заблудившегося раненого лисенка и сделал для него нору в скале неподалеку. Андреа попыталась объяснить ему, что зверю место в природе, уговаривала сына вернуть его туда, где он его нашел, но Конрад не сдавался, даже несмотря на ее угрозы. Она никогда не видела его таким, казалось, все добрые силы в его маленьком теле объединились и поддерживали его убежденность. И Андреа, вспомнив пустой взгляд мертвых животных, которых она свежевала, сдалась. Первые две недели все было хорошо, но однажды утром глухой звук вырвал ее из мира грез. В доме было тихо. Слишком тихо. Андреа обернулась, Эдмунда в постели не было. Она все поняла. Выкрикивая его имя, она вскочила с кровати и бросилась вниз по лестнице. Лисенок лежал в луже крови. Рядом стоял Эдмунд, довольно улыбаясь.

– Что ты делаешь? – закричала она, но самодовольная улыбка не сошла с его лица.

Она бросилась к кровавой тушке и вдруг остановилась в пяти метрах. Лисенок был мертв, безвозвратно. Андреа почувствовала пронзительный взгляд на свой спине и оглянулась. Конрад застыл в дверях. Ни всхлипов, ни криков, никакой реакции – бескровное лицо окаменело от ужаса. Казалось, время остановилось. Никто не говорил ни слова, все замерли. Она присела на колени перед ним, стараясь заслонить своей спиной мертвого лисенка. Приказала Хайди и Линее зайти в дом. Обе девочки уставились на зверька, явно не понимая, что в нем особенного. Андреа крепко обняла сына. Она отвела его в дом, усадила на диван и прижала к себе так сильно, как только могла. Он не отвечал на утешение. Конрад сбежал в свой мир, и она последовала за ним, ускользнула в пустую темноту, где ничто уже не

имело значения. Андреа заметила, что Хайди почувствовала эти перемены, увидела, что дочь не понимает, как вести себя в этих обстоятельствах, но у нее больше не было сил, ей хотелось только покоя, уснуть и никогда больше не просыпаться. И она заснула и проспала весь день и всю ночь, проснулась только в середине следующего дня. Внизу слышались голоса. Эдмунд и Хайди. Она лежала, впитывая в себя атмосферу домашнего мира. Может быть, ощущение было ложным, но в тот момент ей стало легче. Когда она смогла подняться, то почувствовала, что вчерашняя трагедия немного отступила. Но Андреа не знала, что через несколько недель Эдмунд примет судьбоносное решение.

Глава 29

Никлас сидел один на кухне за столом. Весь день он провел в больнице Трумсё – они сдавали анализы. Им уже сообщили, что группа крови совпала, теперь предстояло прожить несколько дней в ожидании результата анализа на соответствие тканей. От мысли, что придется пожертвовать почкой, Никласу все время было не по себе, но до сих пор ему удавалось воспринимать ситуацию отстраненно: подобное развитие событий казалось слишком ужасным, чтобы стать реальностью. Но после поездки в больницу вся ситуация стала слишком реальной, убежать от нее уже не получалось. От одной мысли о будущей операции ему становилось плохо. И еще хуже – от своего собственного отношения. Карианне так стойко переносила свою болезнь, так старалась оградить его от страданий. Она не должна была видеть, как ему страшно, она вполне заслужила светлое будущее без угрызений совести. Весь день у нее было особенно хорошее настроение. Они, наконец, начали процесс, и от этого ей стало легче. Не успели они войти в дом, как пришла еще одна радостная весть. Звонил отец, чтобы сообщить, что он восстал из мертвых, почти как Лазарь, и сегодня смог даже немного пройтись по комнате. Что-то мешало Никласу радоваться этому известию. Рейнхард ему нравился, но интуиция подсказывала, что жертвенность превратилась у него в потребность контролировать все вокруг. История о том, как он использовал свое влияние, чтобы заполучить для дочери место в колледже, звучала трогательно и невинно. И ведь особого дара убеждения не понадобилось – всем жаль тяжело больного ребенка. Но Рейнхард не смог отпустить поводок, даже когда Кари-анне выросла и выздоровела. Брошюры о прелестях загородной жизни, звонки о домах, которые сдаются, и объявление о вакансии – все это дело рук Рейнхарда. А может, и внезапная болезнь. Последний предлог, чтобы заманить дочь на север. Теперь, когда он убедился, что они приехали навсегда, ему становилось лучше. Никласу не нравилось так думать, возможно, он был несправедлив к Рейнхарду. Но все-таки искренне обрадоваться он не мог. Складывалась вполне определенная картина.

Он несколько раз звонил Линду и интересовался состоянием Эллен Стеен – к сожалению, она больше не приходила в сознание. Теория о нападении зверя получила поддержку, хотя была абсолютно нелогичной. Ведь ни один зверь с такими когтями не довольствовался бы просто

царапинами. Таким образом, получалось, что следы когтей служили знаком преступника; Никлас поддерживал эту версию, хотя она ему не совсем нравилась. Но ведь и Конрад говорил о животном.

Он сидел, пытаясь отогнать от себя мысли о блуждающем звере, в этот момент зазвонил телефон. Номер был незнакомым.

Звонил полицейский из Будё.

– Я возле моря, в шестистах метрах от вашего дома. Если вам интересно и у вас есть время, я бы хотел вам кое-что показать.

– По поводу мальчика?

– Да.

– Я сейчас, – сказал Никлас, понимая, что следовало бы позвонить и сообщить обо всем Броксу.

– Я хожу по валунам и свечу фонариком.

– Буду через пять минут.

В тонком свете подрагивающего фонаря лицо инспектора казалось маской. Подойдя поближе, Рино опустил фонарь, чтобы видеть, куда ставить ногу.

– Я не хотел вам мешать, но раз уж вы все равно в теме...

– Я сам себе хозяин, а вот о вашем бедняге этого сказать нельзя.

– Боюсь, что так. Я даже представить себе не мог, что над ним так издевались.

Причал для лодки находился в маленькой бухте, скалы ограждали ее от ветра и непогоды. Лодки не было, но почерневшие от возраста и морской воды столбы все еще виднелись у побережья. Рино перелез через большой валун и осторожно спустился к воде. Никлас последовал за ним, внимательно отслеживая каждый свой шаг, чтобы не поскользнуться. Рино направил свет фонаря чуть дальше и указал на металлическое кольцо, прибитое к камню на глубине примерно метра.

– Думаю, именно тут он и сидел, шатаясь на волнах, не имея возможности двинуться.

Никлас уже не раз в своей жизни видел, как зло порождает зло, но ничего подобного вообразить себе не мог. Ведь жертвой был маленький мальчик.

– Он, наверное, вырывался.

– Не так уж просто сопротивляться, когда у тебя закованы руки, – Никлас живо представил себе, как мальчик карабкался на камень, но все время соскальзывал и падал на колени, а потом пытался удержать голову над водой.

– Кто-то должен был знать, что происходит, я не верю, что никто

ничего не замечал, – Рино опустил фонарь. – И почему люди отворачиваются в таких случаях?

Никлас обвел взглядом окрестности, но из-за высоких скал ничего не увидел.

– Отрицание, – он уже такое видел: матери отворачиваются и закрывают руками уши, чтобы не слышать звуков из детской, а через несколько минут ложатся в постель с насильником...

– Вы что-нибудь поняли? – спросил Никлас.

– Начинаю понимать, – Рино встал и осторожно добрался до твердой почвы.

– Вы видите разницу? – спросил он. От внезапного порыва ветра его волосы разметались. – У этого парня отняли детство.

Никлас не совсем понял, о чем говорит инспектор.

– Куклы, – пояснил Рино. – Для меня они символизируют игру. Знаете, куклы и машинки – игрушки для девочек и мальчиков.

Куклы.

Сначала они были символами материнской любви к своим детям.

К своим детям.

Он подумал о Рейнхарде, о том, как он пытался руководить жизнью Карианне, как любовь превратилась в жесткий контроль. Может быть, Андреа в свое время тоже взяла все в свои руки? Из истории, которую ему рассказала Лилли Марие, было понятно, что Эдмунд не позволил бы руководить собой. Разве что хитростью. Ведь именно она предложила Бергланд, не так ли?

Куклы.

Ее тайные отлучки... куда она ходила, когда была уверена, что Эдмунд не хватится ее? Исчезающие и появляющиеся куклы... Внезапно он понял. Картинка в картинке.

Глава 30

В этот раз Никлас вошел без стука. Он остановился перед дверью на кухню и прислушался. Внутри раздавалось тихое бормотание. Похоже, она направляла на путь истинный какую-то заблудшую душу. Бормотание ценой в пятьдесят крон затихло, он открыл дверь и заглянул внутрь.

– Привет!

Зашуршали какие-то бумаги, через несколько секунд она вышла к нему.

– О, это ты! – Лилли Марие искренне улыбалась, но явно была чем-то встревожена. Похоже, он пришел в самый разгар работы.

– Мне нужно с тобой поговорить.

На лице промелькнуло сомнение, она замешкалась.

– Хорошо. Заходи.

Бесшумно, мягко и грациозно двигаясь, Лилли Марие подошла к телефону и нажала кнопку автоответчика.

– Что за спешка?

Никлас сел в кожаное кресло, именно оттуда он слушал историю об Эдмунде и Андреа. Он внимательно посмотрел на женщину, которая пыталась притвориться спокойной. Она зарабатывала на жизнь, предсказывая будущее. Наверное, она выбрала такое занятие потому, что ее собственную жизнь переполняли тоска и несбывшиеся мечтания.

– Ты дочь Андреа, – сказал он.

Лилли Марие опустила глаза и замерла, потом достала из-под подушки пачку Мальборо. Дрожащими руками зажгла сигарету. Он впервые видел, как она курила.

– Почему ты так решил? – она судорожно глотала дым.

– У тебя есть ее фотография? Фотография Андреа?

Лилли Марие глубоко дышала, постепенно успокаиваясь. Она молча подошла к старинному комоду, выдвинула один ящик и положила на стол перед Никласом фотографию. С выцветшего снимка смотрела женщина лет двадцати пяти. Из-за легкой улыбки и нерешительного взгляда в камеру она казалась смущенной и очень ранимой. Он сразу заметил сходство, не оставалось сомнений, что женщина – мать Лилли Марие.

– Куклы. Она их таскала туда-сюда.

Лилли Марие взглянула Никласу в глаза.

– Она пыталась нас объединить. Но у меня были и мои личные куклы.

Никлас рассматривал сидящую перед ним женщину, ему казалось, она такая же ранимая, как и ее мать.

– Из-за Эдмунда ей пришлось меня оставить. Я была «шлюхиным отродьем», плодом наивной любви моей матери еще до знакомства с ним. Мне было всего два года, когда ее вынудили отправить меня к тетке. Сначала мы жили в соседней деревне, а когда мне исполнилось восемь, переехали сюда.

– Но зачем?

– Зачем? Разве из моего рассказа не ясно, кто такой Эдмунд? Он возненавидел меня с первого же дня. Я, конечно, ничего не помню, но мама всегда уверяла меня, что сделала все, чтобы мне было хорошо. Она видела по его глазам, что он ненавидит и презирает меня. Я была живым свидетельством того, что когда-то она была свободной. Она боялась, что он навредит мне, лишит меня жизни. Мама не выпускала меня из виду, ни на секунду не оставляла меня с ним наедине. Поэтому не решилась возразить, когда Эдмунд сказал, что не позволит Хайди и «шлюхиному отродью» расти вместе. Но совесть мучила ее каждый день, она украдкой прибегала ко мне, и в те моменты, которые дарил нам судьба, была самой лучшей мамой на свете.

– Ты простила ее? – перед внутренним взором Никласа встал череп Линеи. Удар был несильным, но все-таки нельзя исключать, что ударили ее изо всех сил. Любимая всеми младшая сестра. Которая заняла чужое место...

– Я любила мать и знаю, она меня тоже очень любила. Мы редко виделись, но минуты, которые мы провели вместе, священны.

– Почему куклы? Почему жертвы повторяют внешность кукол?

Лилли Марие опустила глаза.

– Я не знаю. Не думаю, что здесь есть что-то общее.

И тем не менее ему не верилось. Бессмысленно, слишком много совпадений.

– Тогда начнем с кукол. Как я понимаю, они служили символом единства вашей семьи и поэтому были так важны для всех вас. Но почему кто-то отправил их в море? Разве что только за тем, чтобы предупредить о нападениях на Эллен Стеен и Сару Халворсен?

– Я не знаю, – она снова схватила сигарету и впиалась в нее с такой силой, как астматик цепляется за спасительный ингалятор.

– Не знаешь?

Лилли Марие покачала головой.

– Ну, ты же понимаешь, звучит не слишком убедительно.

Она встала и пошла на кухню. Через мгновение вернулась и поставила перед Никласом картонную коробку.

– В коробке восемь кукол. Все мои. Они никогда их не видели, Конрад, Хайди и Линея. Мы меняли только их игрушки. Они вообще не знали о моем существовании. И ни за что на свете я не стала бы отправлять этих кукол в море. Они – единственное, что мне осталось в память о моей матери. Той зимой она умерла, понимаешь? И именно тогда все стало совсем плохо.

Лилли Марие глубоко вздохнула и продолжила:

– В тот день было очень холодно, наверное, именно поэтому Андреа решила сократить путь и перейти маленькое горное озеро по льду. Она была уверена, что лед толстый. Она связала варежки и носки и собиралась в соседнюю деревню, чтобы их продать. Был выходной день, суббота, и Андреа взяла с собой детей. Хайди ехала в санках. Конрад шагал рядом с матерью, а когда идти становилось слишком тяжело, тоже садился. Но он старался побыстрее встать, боялся, что матери будет тяжело.

Эдмунд совсем перестал рыбачить и все реже приходил с охоты с добычей. Сначала он злился, что ничего не может поймать, но скоро замкнулся в себе и перестал отвечать на вопросы. Андреа намекнула, что может вязать на продажу, варежки хорошо продавались в эту погоду. Он ничего не ответил, и она принялась за работу. Две недели она вязала днем и ночью, и скоро мешок был полон.

Горное озеро было небольшим, и, хотя она была уверена, что лед выдержит, прибавила ходу. Подсознание шептало ей, что надвигается беда. Лед выдержал. Им оставалось пройти всего десять метров. Андреа не знала, что именно в этом месте в озеро впадает крохотная горная речка, поэтому лед здесь тонкий и пористый. Раздался треск, эхо подхватило его, Андреа замерла – эта секундная заминка стоила ей жизни. Она быстро сообразила, что для того, чтобы спастись, нужно двигаться, но было уже слишком поздно. Лед треснул у нее под ногами, она провалилась в воду. Паника охватила каждую клеточку ее тела, но не ледяная вода была тому причиной, а отчаянные крики Хайди и Конрада. Андреа представила себе, как они растут одни, с Эдмундом, и собрала все силы, даже те, которых у нее не было. Мешок тянул ее вниз, она пыталась сбросить его и поднять голову над водой. В конце концов ей удалось освободиться, но она потеряла время – течение подхватило ее. Ее затянуло под лед, над головой осталась лишь белая стена, вокруг все стихло. Она отчаянно билась об лед, двигаясь, как в замедленном кино. Удары были несильными, но течение подточило лед, и скоро она смогла вырваться на поверхность. Конрад и Хайди

подбежали ближе, и она закричала им, чтобы они не подходили. Конрад лег на лед и протянул свою тощую детскую ручку. Ей удалось высунуть наверх руки, но они не слушались – сил не было. Течение терзало ноги. Хайди с тревогой смотрела на нее. Крики стихли. Конрад изо всех сил держал ее за руку. Он спрятал лицо в лед, не в силах смотреть на ее мучения. Андреа подумала о том, как они доберутся домой, о том, хватит ли у Конрада сил дотащить Хайди или им придется сидеть здесь и ждать, когда за ними придет отец. Эдмунд знал, куда они пошли. Если она не вернется домой до темноты, он наверняка поймет, что что-то случилось. Хайди стояла как замороженная, а пальцы Конрада вцепились в ее руку, как когти животного в добычу. И она решила, что это еще не конец, что она не может умереть и бросить детей. Раскачиваясь, она попыталась лечь на лед, но силы оставили ее, ей едва удавалось удерживаться на поверхности. В этот момент она поняла, что умрет на глазах у детей. Ей показалось, что она смотрит фильм, последняя сцена которого медленно гаснет. Андреа больше не видела лица Хайди, лишь красную пуховую куртку и светлые локоны, выбивающиеся из-под вязаной шапки. Казалось, Конрад уснул на льду, повернув голову и вытянув вперед руки. По телу разлилось приятное освобождающее тепло, заботы отступили, в этот момент она услышала голос. Она заметила, что Конрад поднял голову и почувствовала, как сильные руки вытащили ее из воды. Дальше воспоминания были отрывистыми: кто-то снимал с нее одежду, кто-то куда-то нес ее. Андреа потеряла сознание, и очнулась от боли – чьи-то руки шлепали ее по бедрам и ногам. Она видела милые, добрые лица, склонившиеся над ней, белые простыни и чувствовала себя спокойно как никогда.

Она умерла вечером в среду. Просто заснула. Ее лицо ничего не выражало, хотя Конрад, который сидел рядом почти все время, утверждал, что она улыбнулась на прощание своей грустной полуулыбкой.

С горя Эдмунд запил еще сильнее, и местная социальная служба получила тревожный сигнал. Вмешалась вся деревня. Сначала им помогали по дому, поддерживали морально, но через несколько недель стало понятно, что Эдмунд не может и не хочет заботиться о детях, и их временно распределили по приемным семьям. Но у Эдмунда остались родительские права, и в пьяном угаре он принял судьбоносное решение.

* * *

Лилли Марие закрыла лицо руками. В слезах она рассказала, как мать

послала за ней, когда лежала в больнице, чтобы попрощаться. Никлас еще немного посидел с ней, но понял, что продолжения истории сегодня не будет. Он еще сильнее убедился в том, что история Эдмунда и Андреа поможет разгадать загадку. Но как? На прощание он легонько похлопал Лилли Марие по плечу. Она плакала. Он был уверен, что именно она отправила кукол в море. Только не понимал зачем.

Глава 31

Над дверью висела табличка «Дом рыбака», но хозяйка всячески подчеркивала, что ни одного рыбака у нее больше нет и ее дом способен удовлетворить вкусы самых капризных постояльцев. В любом случае цена в 400 крон за ночь его вполне устроила, так что Рино безо всяких сомнений снял номер. Он прилег на кровать и достал мобильный телефон. Иоаким ответил после второго гудка.

– Отец!

– Вижу!

То ли шутка приелась, то ли сын был не в настроении.

– Как дела?

– Хреново.

– Что так?

– Мать свихнулась.

– То есть она расчленила половину соседей консервным ножом? Или просто рассердилась?

– Она страшно рассердилась. Я под домашним арестом.

– Вот как. И что же ты сделал? Или не сделал?

– Ей звонил директор.

– Я тут, – напомнил Рино через несколько секунд. Казалось, Иоаким забыл, что на другом конце провода кто-то есть.

– По поводу огнетушителя.

– Который ты... взял?

– Мне просто нужно было в туалет.

– И там был пожар?

Иоаким почти перешел на шепот, Рино слышал, что он закричал матери, что разговаривает с отцом.

– Мне нельзя пользоваться мобильным.

Рино почувствовал, что начинает злиться. Наказывать сына, лишая его возможности позвонить отцу, – это уж слишком!

– Я просто хотел попробовать, побрызгать на стену.

– И? – Рино легко мог представить себе последствия.

– Я так и сделал. Пара секунд, не больше. Не понимаю, чего все так вскипели.

– И что случилось?

– Директор ходил по классам и требовал, чтобы виновный признался.

– И ты признался?

Мальчик промолчал.

– Учитель шепнул директору, и меня взяли.

– Понятно. Не мировая трагедия, на мой взгляд, но ты же знал, что поступаешь плохо, Иоаким.

– Две плевые секунды.

– Вовсе не плевые. Целых две секунды, – Рино не нравилось, как в последнее время разговаривал его сын.

– Матери придется платить. Ну, то есть она говорит, что ты будешь платить. Пришлось мыть весь коридор, а ведь я побрызгал только в углу.

Смысл дошел до Рино только через несколько секунд. Он будет платить, потому что косвенно именно он виноват в происшествии, потому что не разрешил накачать своего сына наркотиками.

– Хорошо. Поговорим, когда я вернусь.

– А где ты?

– В Бергланде. Небольшой городок на севере. Вернусь завтра вечером. И сразу зайду к вам. Думаю, нам надо поговорить втроем.

– О-о-о... это будет непросто.

– Нам нужно поговорить, Иоаким, понятно?

– Я прыснул чуть-чуть в угол, и все!

– Я понял. И все-таки. Поговорим завтра. Ладно?

– Ладно.

Он лежал на постели, уставившись в деревянный потолок, белое жесткое белье пахло стиральным порошком. Может быть, он ошибается. Может быть, Иоаким действительно сражается с миллионом дьяволят, которые не дают ему покоя. Может быть, он зря испугался того, что «Риталин» – наркотик? И сейчас оказывает сыну медвежью услугу, стараясь принимать его таким, какой он есть? Может быть, он обращается с сыном так же жестоко, как отец – с Эвеном Харстадом, только загоняет его не в тюрьму, а в собственное тело?

Рино начал понимать, что, возможно, Хелена в чем-то права, и заставил себя не думать на эту тему. Инспектор набрал номер справочной и, получив нужную информацию, позвонил в дом престарелых Бергланда. Он представился и сказал, что хочет поговорить с Халвардом Хеннингсеном. Раздались звуки шлепающих сандалий, открывающихся и закрывающихся дверей, потом усталый голос на другом конце провода сказал:

– Да? Кто это?

– Рино Карлсен. Я заходил к вам по поводу Эвена Харстада.

– Достаточно было сказать, что вы заходили. В последние полгода других гостей у меня не было. И почему в этот раз вы звоните? Не по нраву стариковский запах?

– Вообще-то я получил ответы на все свои вопросы. Но я тут поразмышлял над тем, что вы рассказали.

– Да, над этой историей стоит поразмыслить. И о чем вы думали?

– Вы сказали, что мать Эвена умерла в родах, и...

– Я этого не говорил. Вам надо научиться слушать, молодой человек. Я сказал, что она умерла до его рождения.

– А разве это не одно и то же?

– По-моему, на вашей работе быстро учатся не делать поспешных выводов.

– Да, это так.

– Ну и славно. С матерью Эвена за несколько недель до срока родов произошел несчастный случай.

– Что случилось?

– Она упала с велосипеда, а точнее, она съехала с дороги и ударилась головой о скалу. Прохожий нашел ее и отвез в больницу, в тот же вечер она умерла. Но Эвена удалось спасти.

Грустная история. Как и вся жизнь Эвена Харстада.

– Вы говорите, она ехала на велосипеде. За пару недель до родов. Разве это не странно?

– И не говорите, – старик закашлялся. – Именно так все и подумали. Самые правильные говорили, что она сама напросилась – подумать только, кататься на велосипеде прямо перед родами. Но все именно так. Можно подумать, что несчастья начали преследовать Эвена еще до рождения. Эта поездка стоила ему детства.

– Спасибо. Я больше не буду вас беспокоить.

– Я знаю, о чем вы думаете, молодой человек. Бог ты мой, и я, и все остальные думали о том же. Я даже слышал, что врач, который принимал Эвена, кое-что сказал. Ну, что все обстоятельства трагедии кажутся какими-то странными. Но разбираться никто не стал.

– Этот врач...?

– Я так и знал, – старик натужно засмеялся. – Он давно на пенсии. Его зовут Торкил Брюн. Живет в Бергланде. Вы, кстати, откуда звоните?

– На вывеске написано «Дом рыбака».

– Тогда вы видите его дом из окна. Правда, если ваши окна выходят на юг.

Около десяти часов Рино позвонил в дверь. Никакой реакции не

последовало. Едва сдерживаясь, чтобы не нажать кнопку еще раз, он терпеливо ждал, вскоре дверь открылась. Торкил Брюн хорошо выглядел для своего возраста, было заметно, что он ведет активный образ жизни. Загорелое свежее лицо, удачная стрижка. Брюки с четкими стрелками и на широких подтяжках, стильная, хорошо отглаженная белая рубашка.

– Чем могу помочь? – голос не был ни приветливым, ни раздраженным.

Рино представился и извинился за беспокойство, а потом вкратце рассказал, зачем пришел.

– Значит, вы полицейский? – мужчина обвел инспектора строгим взглядом.

Рино постарался улыбнуться как можно приветливее и порылся в карманах.

– Не надо. О такой профессии не врут.

Перед тем как войти в дом, Рино снял обувь. Строго говоря, ему стоило снять куртку, а затем и брюки, потому что дом Торкила Брюна сиял чистотой.

Врач пригласил инспектора в гостиную, которая оказалась на удивление маленькой. В камине уютно потрескивали дрова. Очевидно, в доме была еще одна, более вместительная гостиная, для других случаев.

– И почему я не удивлен? – Брюн сел на диван фирмы «Честерфилд» цвета бычьей крови и жестом предложил гостю огромный стул.

– Вы тревожите старые кости, из этого редко выходит что-то хорошее. Но, если бы, когда я выходил на пенсию, мне сказали, что однажды у меня на пороге появится полицейский, я бы мог поклясться, что дело будет касаться Сульвейг Элвенес.

– Несчастливого случая?

Брюн строго взглянул на полицейского.

– Статус пенсионера не освобождает меня от врачебной тайны. Ее хранят пожизненно. Но человек, который не слишком доверяет случайностям, от которых зависит жизнь и смерть, не мог не усомниться. Вот вы же засомневались... через двадцать пять лет.

– Вы о том, что она села на велосипед за пару недель до родов?

– И об этом тоже, но не только. Я не устаю удивляться сильному полу – женщинам. Помню, у одной воды отошли на картофельном поле. Там и родила.

«Видимо, очень любила картошку», – подумал Рино, но промолчал.

– Нет, сама поездка на велосипеде меня не очень смущает, а вот травма и то, каким образом она ее получила... – и я, и мой коллега удивились.

Брюн осторожно отпил из чашки. «Чай», – решил Рино.

– По центру головы у нее была довольно глубокая рана. Вскрытие не проводили, не было смысла. Думаю, у нее было несколько переломов черепа, – врач задумчиво смотрел на огонь. – Значит, она въехала прямо в скалу.

Он взглянул на своего гостя.

– И даже не пыталась увернуться.

По спине инспектора пробежал холодок.

– То есть вы хотите сказать, что, возможно, там случилось что-то совсем другое?

Торкил Брюн глубоко вздохнул.

– Все эти годы я думал об этом, особенно когда пошли разговоры, что приемный отец совсем не подходит на эту роль. Грустная история с грустным началом. Больше я ничего не могу сказать.

– А отец ребенка?

Брюн поднял выщипанную бровь.

– Тайна за семью печатями, насколько я понимаю. Но, по всей видимости, у него другой отец, не тот, что у сестры, то есть у сводной сестры.

– У сестры?

– Она давно отсюда уехала. Сульвейг Элвенес рано стала матерью, понимаете? – Брюн встал и мягко, как кот, подошел к огромному окну во всю стену. – Психиатр наверняка нашел бы связь между травмами детства и теми злодеяниями, в которых сегодня подозревают Эвена, но копаться в этом не стоит. Я уже сказал вам намного больше, чем следовало, но не забывайте, что это лишь мои мысли, не более. Потому что нельзя исключать, что ей стало плохо, и поэтому она въехала прямо в скалу. Херлофсен, мой коллега, который ее принимал и лечил, мог бы рассказать вам еще что-нибудь, но он умер пару лет назад. Я был акушером, моя работа заключалась в том, чтобы принять ребенка, именно это я и сделал. К сожалению, ее тело не выдержало нагрузки, через пару часов она умерла.

– Я спрашиваю вас, потому что вы знаете лучше, но можно ли сказать, что, если бы не беременность, она бы выжила?

– Не нужно мне ничего объяснять. Полицейские копаются и задают вопросы, не имея никаких версий, – легкая тень пробежала по загорелому лицу. – Мы никогда этого не узнаем, но роды – это серьезная работа, при этом неважно, в сознании ли женщина. Единственное, что можно сказать уверенно, это то, что Сульвейг Элвенес умерла, и все-таки из ее смерти получилось и кое-что хорошее.

Продолжения не последовало, и Рино поднял палец:

– Я скоро нащупаю версию, а сейчас задам последний вопрос: каким образом из ее смерти получилось что-то хорошее?

Торкилд Брюн заложил большие пальцы за подтяжки.

– Это, – сказал он строго, – я унесу с собой в могилу.

Глава 32

Карианне приехала домой в прекрасном настроении. Она сидела за столом на кухне, перед ней лежало чучело.

– Смотри! – она гордо улыбнулась – Ни много ни мало он сам мне ее отдал. А если бы он этого не сделал, я бы ее стащила.

Никласу не нравились чучела животных, но он сразу понял, что ему придется привыкнуть к тому, что теперь в гостиной будет таращиться в пустоту рысь.

– То есть он действительно пришел в себя?

– Да, он ходит. Здорово, правда?

– Ну да, – по-настоящему порадоваться у него не получалось.

– Что случилось, Никлас? Ты задумался?

Он сел и накрыл своей ладонью протянутую руку.

– Мне кажется, я что-то нащупал.

– Ты знаешь, кто убийца? – даже сейчас, несмотря на возбуждение, щеки Карианне оставались бледными и безжизненными. Что-то в ней умирало.

Никлас покачал головой.

– Не знаю, милая, не знаю. Но вырисовываются некие совпадения.

– И у тебя есть предчувствие?

Он не всегда соблюдал тайну следствия дома, и порой они обсуждали некоторые особенно интересные дела.

– Да. И оно говорит мне, что скоро мы все узнаем.

– Это ведь не из-за операции? – вдруг сказала она. – Я имею в виду, ты такой задумчивый не из-за будущей операции?

Он встал, выдавил из себя улыбку и провел пальцем по жесткой шерсти зверя. Рейнхард заполучил это чучело еще до рождения Карианне и много раз расписывал Никла-су все его достоинства, хотя Никлсу это было до лампочки.

– Где ты ее поставишь?

– Я думала, тебе не нравятся чучела.

– Для любимой я готов на все, – когти зверя были величиной с человеческий палец, на них были следы земли и грязи, по крайней мере, так ему показалось. – И вот ради этого зверя ты готова была стать воришкой?

– Я всегда хотела ее заполучить.

Никлас остановился, подсознание посылало ему какие-то знаки, и жена это почувствовала.

* * *

Он сидел за кухонным столом, ясно ощущая, что еще немного, и загадка будет разгадана. Карианне прилегла, она быстро уставала. Ей нужна была новая почка. Как можно скорее. От этих мыслей живот опять пронзила острая боль, как будто тело сжалось от предчувствия. Никлас отогнал мысли о том, что скоро его лишат одного из органов, и сосредоточился на преступлениях. Значит так – за исчезновением Линеи последовали взломы. Что же искал преступник? Может быть, это был кто-то из близких девушки? Может быть, убийца? А возможно, убийца и есть близкий Линее человек? Лилли Марие – тайная старшая сестра Линеи, но он не мог себе представить, чтобы она желала девушке зла. Однако Никлас не сомневался, что кукол в море бросила именно она, потому что их отправляли в плавание не для того, чтобы похоронить. Сделанные на славу плотники обеспечивали надежное путешествие, а течение вынесло их на берег. Отправитель все предусмотрел, так что куклы определенно что-то для него значили. Следовательно, это один из них – либо Конрад, либо Лилли Марие. А может, Хайди? Он вспомнил о том, как брат подвел ее к яме на побережье. На ее лице читалось молчаливое согласие. Он больше об этом не думал, просто счел, что такая реакция обусловлена ее умственной неполноценностью. А ведь причина может быть иной. Все вокруг говорили, что Хайди слабоумная, поэтому он и не думал о ней в связи со всеми событиями. А вот в истории Лилли Марие Хайди выглядит совсем иначе. Поэтому исключать ее из круга подозреваемых было бы ошибкой.

* * *

Никласу не хотелось тревожить Конрада, поэтому он позвонил Рейнхарду и спросил, где живет Хайди. Ответ также подлил масла в огонь. Клейван. Когда Никлас сидел на камне у кромки воды и прикидывал, откуда были отправлены в плавание куклы, он насчитал около десятка домов у подножия горы. В одном из них живет Хайди. Конечно, ходит она плохо. Но до моря оттуда недалеко.

Около девяти часов он остановил машину и посмотрел на тропинку,

которая вела от парковки. Дул сильный ветер, он приносил с собой морскую воду, солью оседавшую на коже.

«Маленький желтый домик прямо у залива», – сказал Рейнхард. После внезапного выздоровления тесть выглядел замечательно. А вот Никлас все еще чувствовал неприятный комок в животе. «Страх», – подумал он. А кто-то назвал бы это сомнением.

В неярком свете окон и фонарей Никлас едва мог разглядеть тропинку. Он был удивлен, когда услышал, что Хайди живет одна. Значит, для этого она достаточно сообразительная.

Дом действительно оказался маленьким и желтым, но очень опрятным. Кнопки звонка он не увидел, поэтому просто открыл входную дверь. В нос ему ударил странный запах – сладковатый и кисловатый. Дальше вели две двери. На одной из них висело изображение писающего мальчика, поэтому выбор стал очевиден. Никлас замер и прислушался. Изнутри не доносилось никаких звуков. Может быть, она легла спать? Ведь когда человек живет в своем мире, он и время дня может путать. Никлас постучал. Почти сразу послышалось приглушенное «Войдите!» Дверь вела в маленькую кухню, большую часть которой занимали круглый столик и два стула. Запах усилился. Раздвижная дверь из темного ламината разделяла кухню и гостиную, в узкой щели Никлас разглядел кусочек стены. Она была заполнена фарфоровыми куклами.

* * *

Дверь отодвинулась со звуком, по которому было ясно, что петли давно не смазывали. Хайди взглянула на гостя, лицо ее ничего не выражало, казалось, она не обрадовалась и нисколько не удивилась. Никлас смотрел мимо нее – гостиная была усеяна куклами. Он насчитал три полки на одной стене, и на всех стояли куклы в платьях. Хайди проследила за его взглядом и повернулась.

– Нам нужно поговорить, – сказал Никлас.

С тем же равнодушным выражением лица Хайди повернулась и пошла в гостиную. Никлас последовал за ней. Куклы были везде – на полках, на столе, некоторые сидели у стен. Посреди комнаты стоял старый стол, на нем лежали десятки красавиц, сияющие от масла. Рядом лежала тряпка и стояла бутылочка с жидкостью соломенного цвета. Лишь через несколько секунд Никлас сообразил: Хайди смазывала кукол маслом, ухаживала за ними, как за своими детьми. Он стоял, не в силах найти слова.

Хайди осторожно подняла несколько кукол со стула и предложила Никласу присесть. Он сел, все еще не очень понимая, как вести разговор.

Сама Хайди опустилась в потрепанное кресло и, зажав руки между коленями, устала в пол. Даже в этом скрюченном положении плечи казались на удивление широкими. Возможно, из-за заболевания некоторые части тела ослабли и усохли, а другие, наоборот, переросли.

– Вы отправили кукол в плавание, – сказал Никлас.

Она сидела, не двигаясь. Тяжело дышала, как будто вдохи и выдохи давались ей с трудом. Потом она выпрямилась, оперлась руками о подлокотники, встала и, немного подволакивая ноги, направилась на кухню; Никлас слышал, как она что-то перебирала в шкафу. Он опять обвел взглядом коллекцию кукол. На вид здесь было сто-двести штук. Вряд ли все они были подарками от матери. Видимо, Хайди продолжила собирать свою коллекцию, когда пособие позволило ей самой распоряжаться деньгами. Никлас обратил внимание на куклу-мужчину, руки которой, казалось, кого-то обнимали. Но рядом никого не было.

Хайди вернулась с маленькими деревянным плотиком в руках. Никлас почувствовал, как у него заныла шея, хотя в ее поведении никакой угрозы не было. Она протянула плотик ему. Никлас попытался заглянуть Хайди в глаза, но она отвела взгляд.

– Зачем? – спросил он.

Хайди спокойно и обстоятельно уселась в кресле. Внезапно он подумал: может быть, она немая? И, может быть, именно поэтому все считают ее умственно отсталой? Он все еще держал в руках плотик. На каждой стороне были натянуты лески; было понятно, что Хайди не закончила работу.

– Вы и этот собирались отправить?

Она кивнула.

Получается, по одной кукле на каждое убийство?

– Почему? – повторил Никлас. – Что случится, когда плот будет готов?

– Ничего, – она говорила в нос.

– Ничего?

Хайди покачала головой.

– Вы не отправите ее в море?

Она еще раз покачала головой.

– Вы собирались ее отправить, а теперь передумали?

– Линею нашли, – Хайди снова зажала коленями ладони, словно опасаясь нежелательной реакции.

– То есть вы хотите сказать, что собиралась их отправить, но, так как

Линею нашли, не будешь?

Она кивнула.

– А если бы ее не нашли, вы бы и дальше отправляли кукол в море?

Она еще раз кивнула.

– Я не понимаю. Объясните зачем?

– Я никого не убивала, – она, наконец, взглянула ему в глаза. Бесцветные глаза с явной сосудистой сеточкой были наполнены слезами. – Я только отправляла кукол.

– Зачем вы их отправляли?

– Линея, – дрожащим голосом прошептала она. Казалось, она набралась сил и высказала то, что нельзя было говорить. Никлас вспомнил слова Лилли Марие: Хайди обожала свою младшую сестру.

– Почему вы отправили кукол именно сейчас?

– Я поняла, что она скоро появится.

– Вы поняли?

– Я чувствовала, – она поерзала на стуле. – Просто знала, что это скоро случится. Так было всегда. Я знала, когда Линею грустно, даже если ее не было рядом. После того, как нас разлучили, я чувствовала, когда она собиралась ко мне в гости. Ей не нужно было звонить. Я просто знала это.

Она говорила, глотая половину слов, но смысл был понятен. Никлас опять подумал, что люди в Бергланде ошибаются, считая ее умственно отсталой.

– Почему вы ничего не сказали?

– Я сказала Конраду прямо перед тем, как ее нашли. Поэтому он стал копать больше, чем обычно. Но в неправильном месте.

– А полиции? Почему вы ничего не сказали полиции?

– Они бы мне не поверили.

Никласу пришлось признать, что она права.

– Линею убили. Мне трудно ходить, но я искала. И я тоже, не только Конрад. Однажды я кое-что нашла. И тогда я все поняла.

– Что вы поняли?

– Что нашла то, что принадлежало ее убийце. Это так тяжело... Поэтому я поняла.

Никласу показалось, что он упустил нить размышлений Хайди, похоже, она говорила сама с собой. Может быть, она живет в мире фантазий и рассказывает о тех кусочках реальности, которую сама себе придумала.

Она снова встала и пошла на кухню. Он ждал, что она принесет еще один плот, но Хайди протянула ему что-то, напоминающее, на первый

взгляд, мертвого зверька. Оказалось, что это меховой воротник.

– Я нашла это на лужайке, – из-за гнусавого голоса слова казались нечеткими.

– Где именно?

– У другого залива.

– И вы считаете, что эта вещь принадлежит убийце Линеи?

Она кивнула.

Никлас не понимал, как ему относиться к увиденному и услышанному. Хайди говорила спокойно и взвешенно, но то, что она рассказывала, заставляло его сомневаться, способна ли она отличить реальность от фантазии.

– Конрад позвонил мне в тот вечер, когда Линея пропала. Он спросил, не у меня ли она. Я жила у Элвара и Дортеи Ингебретсен. Из их дома видно залив. Он позвонил еще раз позже. И еще несколько раз ночью. Я поняла, что она мертва. И начала искать, искала изо всех сил. Но я плохо хожу. Через два дня я нашла этот воротник и сразу догадалась, чей он, – она прижала кулак к губам, мелкая дрожь пробежала по ее телу. – Но только через пару дней я поняла, что он ее закопал. Я проснулась среди ночи и поняла. И поэтому снова начала искать, но так и не смогла отыскать место. Два дня шел проливной дождь. Все следы смыло.

– Этот воротник может принадлежать кому угодно.

Она уверенно покачала головой.

– Вы почувствовали?

Она кивнула.

– Почему вы не попросили Конрада копать в другой стороне, если была уверена, что ее закопали где-то здесь?

– Я пыталась, – голос дрожал. – Он мне не поверил. Он никогда мне не верил. Однажды утром он пришел ко мне и сказал, что начнет копать там, где, как я думаю, лежит Линея.

– И что? – спросил Никлас, так как Хайди замолчала.

– Я не знала, где именно. Только чувствовала, что это у моря на одной из лужаек. Он сказал, что этого недостаточно. Сказал, что ему придется прокопать семь километров и он не может копать наугад.

Никлас решил вернуться к куклам.

– И этим летом вы... снова что-то почувствовали?

Она вытерла слезы большой ладонью.

– Море вымывает землю, уже несколько метров смыло с тех пор. Я знала, что время настало, что и ее тоже скоро вымоет на поверхность. Поэтому я отправила в море ее куклол, чтобы они встречали ее. Все забыли

о Линее. Все, кроме Конрада. А над ним смеялись. Я хотела, чтобы люди заговорили о куклах, начали выяснять, чьи они. Чтобы они были готовы к ее появлению.

Никласу никак не удавалось до конца поверить в то, что он слышал.

– А как же женщины, одетые как куклы?

– Они все испортили, – Хайди зарыдала. – Куклы стали символом смерти. А должны были стать чем-то прекрасным. Ведь это куклы Линей.

– Тавана и Табу?

– У нас было много кукол, но Тавана и Табу были особенными. Их подарили нам – мне и Линее. Мы играли с ними каждый день. Когда нас разлучили, она приносила ее каждый раз, когда приходила ко мне. Они всегда были вместе. Потому что принадлежали друг другу.

– То есть вы не знаете, кто желал женщинам зла или почему их одели, как кукол, которых вы отправили в море?

Хайди покачала головой.

Никлас верил ей, хотя это означало, что он вернулся к началу расследования и был очень далеко от разгадки. Похоже, Хайди взяла себя в руки, и он протянул ей меховой воротник, который она прятала двадцать пять лет.

– Я пыталась выяснить, чья эта вещь. Ходила от дома к дому.

Никлас начал понимать.

– Те взломы – это были вы, да?

– Я ничего не брала.

– Я знаю. Вас никто не собирается наказывать.

Она взяла в руки куклу, которая лежала у нее на коленях.

– И в этот раз – опять вы?

В знак согласия Хайди промолчала. Она, уверенная в том, что воротник принадлежит убийце, не думая о том, насколько сложно проникнуть в чужой дом, искала пальто с оторванным меховым воротником. И именно Хайди, убежденная, что морская вода скоро размочит землю и Линей появится, в последней отчаянной попытке отыскать владельца воротника вновь залезла в чужое жилище. Никлас посмотрел на сидящую перед ним женщину – многие видели в ней лишь несчастное создание, но, подобно Конраду, она обладала могущественной силой – верной любовью. Он многому научился у них обоих.

К тому моменту, когда Никлас вернулся домой, Кари-анне уже подыскала место для рыси и поставила ее в углу гостиной.

– Ну как тебе? – она улыбнулась той же гордой улыбкой, которая когда-то, наверняка, украшала лицо охотника.

– Не совсем в моем стиле.

– Как думаешь, тебе понравится? – Карианне отступила на пару шагов и с довольным видом разглядывала чучело. Пасть у зверя была приоткрыта, как будто доказывая, что животное дикое. Ведь основное оружие рыси – молниеносный бросок. Сильного укуса вполне достаточно, чтобы мгновенно лишить жертву жизни, а когтями она может быстро и умело разорвать зайца или лисицу. Никлас поежился от этой мысли и снова почувствовал сильную колющую боль в животе.

– Все хорошо, Никлас?

– Мне нездоровится.

– Ты такой бледный. В чем-то сомневаешься?

Никлас покачал головой, он ненавидел себя за то, что жена заметила. Страх превратился в физическую боль.

– Я налью чай, – Карианне успокаивающе погладила мужа по плечу, проходя мимо, и он понял, что она все понимает.

Он смотрел на чучело, сначала неприязненно, затем к этому ощущению прибавилось еще кое-что – подсознание предупреждало о каком-то злодеянии. Когти, по пять штук на каждой лапе, были длиннее, чем он думал. Перед глазами Никласа появилась картинка – дежурный врач откидывает одеяло и видит раны на коже. Пять царапин, между ними расстояние в палец. Полицейские, в принципе, согласились с тем, что хищный зверь вряд ли бы остановился на этом, так что царапины явно были искусственными. В горах вокруг Бергланда большие хищники не водятся, так говорили все жители, но вот трофеи – чучела – вполне.

Он слышал, как Карианне суежилась на кухне. Она что-то напевала, очень довольная собой, казалось, она и забыла о том, что серьезно больна. Она была рада, что отцу стало лучше. Они очень близки, это вполне естественно. Все ее детство он был ей и отцом, и матерью. И болезнь еще больше сблизил их. Жертвенная любовь Рейнхарда достойна уважения, хотя порой он переходил границы. Рейнхард. Если он действительно снова начал руководить жизнью дочери и симулировал болезнь, чтобы заставить их переехать на север... Мучаясь угрызениями совести из-за одной только этой мысли, Никлас достал из кармана зубочистку в пластиковой обертке. Он обычно брал парочку после ужина в кафе, так что в карманах у него всегда были залежи. Никлас немного приподнял зверя и провел зубочисткой по внутренней стороне когтя. На дереве осталось темное густое вещество. Никлас решил отправить его на анализ, только лишь для того, чтобы опровергнуть свои опасения.

Глава 33

Часы пробили одиннадцать. Рино все еще сидел у Тор-кила Брюна, акушера, который когда-то принял роды у матери Эвена Харстада, а сейчас, не отрываясь, смотрел на огонь в камине. Врач только что нарушил врачебную тайну, и его чувство самоуважения серьезно пошатнулось.

– Такие секреты хранятся надежнее, чем просто врачебная тайна, – Брюн строго взглянул на инспектора, словно говоря, что он должен разделить с ним угрызения совести.

– А Эвен знает об этом?

– Не думаю, – Торкил сменил позу и сразу показался более приземленным. – Но я уже давно не удивляюсь, что могут выяснять люди. Мне часто сообщают такие вещи, которые, как я думал, никогда не покинут больничные стены. Но слабые звенья есть везде.

– Сестры? – поинтересовался Рино.

– Это вы сказали, не я. Может, и они. Те, кто прикасается к тайне – акушеры, хирурги, – серьезнее относятся к ее соблюдению. А сестры немного отстранены от процесса, не говоря уж о секретарях, бухгалтерии и прочих бумажных червях. Для того, чтобы врачебная тайна соблюдалась, все должны уважать ее одинаково.

Пальцы старого врача подрагивали. Он уже во второй или третий раз подносил ко рту пустую чашку. И проповедь о морали он сейчас произнес, прежде всего чтобы укрепить свое собственное ощущение справедливости.

– Я до сих пор не уверен, стоило ли мне все вам рассказывать.

– То, что вы сделали, не только правильно, но и очень полезно, – я это знаю. И вы в этом убедитесь! – Рино действительно так считал, а не просто хотел поддержать старика. – Его сводная сестра...

– Да?

– Вы помните, как ее зовут?

– Ингеборг, как-то так... – Брюн жестом показал, что подобные сведения слишком незначительны, чтобы обращать на них внимание. – Она когда-то там тоже жила, но что-то подсказывает мне, что ей повезло вовремя уехать. Кстати, именно она является формальной владелицей дома, насколько я знаю.

Рино решил не продолжать расспросы, понимая, что Брюну нужно успокоить собственную совесть. К тому же он был потрясен рассказом старого врача.

Глава 34

Во время заседания следственной группы Никласа трясло. Рассказывая историю Эдмунда и Андреа, ему приходилось останавливаться и переводить дух. Когда Никлас, наконец, дошел до самой сути – визита к Хайди, пот градом стекал по лбу. Хотя слушатели, несомненно, были удивлены и захвачены его рассказом, он заметил, как они переглядывались. Им не понравилось, что он действовал в одиночку и не поделился своими открытиями раньше.

– Ты поверил тому, что говорили твои рассказчики? – нарушил тишину Бё.

Поверил ли он? Мог ли он с уверенностью утверждать, что Лилли Марие рассказала ему полную и чистую правду? А Хайди? Физически она действительно была ущербной, как и говорили окружающие, но, общаясь с ней, Никлас чувствовал, что она не так проста, как принято считать.

– Да, – твердо ответил Никлас. – К тому же не сложно подтвердить, что Лилли Марие действительно дочь Андреа.

– Я помню, кто-то говорил о женщине, провалившейся под лед, но не могу ее вспомнить, – Бё прикрыл глаза, как будто вновь копался в глубинах памяти. – Ходили разные слухи. О муже-алкоголике и о том, что дома у них все было очень неблагополучно. Кажется, люди начали болтать уже после несчастья, и все это подтверждает твой рассказ. Ведь детей распределили по разным семьям.

– Если история подтвердится, по крайней мере, то, что рассказала Хайди, мы в тупике, – Брокс словно кого-то в этом обвинял. На его лице проступила усталость, меньше всего ему сейчас было нужно, чтобы те тоненькие нити, которые наметились в расследовании, оборвались.

– Я думаю, мне стоит самому с ней поговорить, Сандсбакк тоже наверняка захочет присоединиться.

Через полчаса должны были приехать следователи из Центрального управления, и Броксу явно не хотелось рассказывать им о том, что среди них есть одиночка.

– То есть ты считаешь, что из-за кукол эта история превращается всего лишь в ностальгическую чепуху? – Линд покачал головой. То ли он не поверил тому, что рассказала Хайди, то ли подозревал, что убийца использовал кукол, чтобы сбить полицейских со следа. – Я, конечно, ничего не хочу сказать, но то, что через двадцать пять лет Хайди вдруг

почувствовала, что останки ее младшей сестры скоро проявятся, звучит весьма неправдоподобно.

Все замолчали, Никлас хотел было еще раз сказать, что и Лилли Марие, и Хайди говорили вполне убедительно, но промолчал. Он сказал достаточно.

– Нужно допросить обеих. Хочу получить еще одно мнение помимо твоего, Никлас, – Брокс не смотрел Никла-су в глаза, было ясно, что он рассержен из-за вольностей, которые тот себе позволил. А может быть, он просто разозлился, ведь теперь у них не оставалось никаких версий.

* * *

– Кажется, я сегодня не слишком популярен.

Никлас пил кофе в кабинете Линда.

– Если твоя история подтвердится, станешь звездой.

– Но...? – Никлас чувствовал, что Линд скептически отнесся к услышанному.

– Я готов поверить в историю об Эдмунде и Андреа, многие из нас что-то слышали об этом. Но я очень сомневаюсь в сверхъестественных способностях Хайди.

– Она кажется гораздо более адекватной, чем мне рассказывали.

– Судя по ее рассказу, так оно и есть, и все-таки... – Линд махнул рукой, показывая, что готов принять любые варианты, но по выражению лица было ясно, что это не так.

– Не знаю, – Никлас задержал дыхание из-за новой волны спазмов, заставившей его согнуться. – С первого же дня я чувствовал, что мы идем по ложному пути и что разгадка совсем не там, где кажется на первый взгляд.

– Что с тобой, Никлас? – Линд отставил чашку с кофе и передернул плечами, как будто стряхивая с себя мошку.

– Кажется, подцепил вирус. Живот крутит.

– Ты бледный как смерть. Поезжай домой – отлежись. Я скажу Броксу, что ты ужасно выглядел.

– Спасибо за комплимент.

– Моя дружба безгранична.

* * *

Сначала Никлас отказался от предложения Линда, но из-за новых спазмов ему пришлось уехать. Дома никого не было. Скорее всего, Карианне опять вызвали в банк. Похоже, дела у нее налаживались. И все благодаря ужасному преступлению.

Спазмы накатывали регулярно, но уже не были такими сильными. Он лежал на диване и смотрел на рысь. Невероятно – он отправил зубочистку на анализ, опять не поставив в известность Брокса. Если Карианне когда-нибудь об этом узнает, она решит, что он сошел с ума.

Мысли вертелись вокруг событий последних дней, ощущение, что он что-то упустил, становилось все сильнее. Он попытался обдумать все еще раз, прошелся по всем событиям, начиная с того дня, когда нашли Эллен Стеен и заканчивая беседой с Хайди. Он представлял себе картину вновь и вновь, все сильнее убеждаясь в том, что разгадка у него перед глазами, в чем-то, на что они давно уже не обращают внимание. Вспоминал, как лежали на песке распростертые женщины, одетые как куклы, которых Андреа подарила своим детям. Неужели убийца действительно использовал прибывших на пляж кукол лишь для того, чтобы сбить их со следа? Ведь он не только повторил их одежду – позу, в которой лежала Сара Халворсен, была неестественной, ее специально уложили так, чтобы она указывала куда-то рукой. Никлас вспомнил, что проследил взглядом за направлением руки – горы, вершина, Брокс назвал ее Рог. Тогда это не навело его ни на какие мысли, да и сейчас тоже... А в какой позе лежала Эллен Стеен? Когда они с Линдом приехали на место происшествия, врачи уже пытались реанимировать женщину. Они вполне могли упустить почерк преступника.

Он вспомнил, как звали пожилую пару, которая обнаружила женщину – Ада и Юлиан, но вот фамилию он не запомнил. Никлас взял телефонный каталог и принялся искать. Бергланд занимал в каталоге всего шесть страниц, так что через минуту он набирал номер телефона единственного Юлиана в городе. Ответила Ада. Никлас представился и попросил ее описать позу, в которой лежала Эллен Стеен, когда они ее нашли.

– Она лежала на животе, – ответила Ада и добавила недовольным тоном: – Вообще-то я это уже говорила.

– Я знаю. Я хотел бы узнать детали: как были расположены ее руки? Они были вытянуты вдоль тела?

– Повторюсь: одна рука была вытянута вперед, как будто она пыталась ползти или...

Он почувствовал, что она еще под впечатлением от случившегося.

– Постарайтесь представить себе, как она лежала. В каком направлении была вытянута рука?

– Господи! – Ада глубоко вздохнула, как будто вопрос был безнадежным. – Юлиан! Юлиаан!

Когда Юлиан взял трубку, Никлас ожидал худшего. Он повторил свой вопрос и услышал, как старик задал его жене, потом они немного пошептались:

– Моя жена все никак не может отойти от того происшествия.

– Понимаю. Поверьте, я не стал бы вас беспокоить, если бы не интересы следствия.

– Ада подошла первой, но мы оба уверены, что одна рука у женщины была вытянута.

– И куда указывала?

– Послушайте, ну откуда же нам знать?

– В сторону гор или...

– Да, да, в сторону гор...

У Никласа перехватило дыхание – новый приступ скрутил его.

– Пожалуйста, сделайте мне одолжение. Давайте съездим на пляж сейчас, и вы попробуете показать, как она лежала.

– Ну, хорошо...

Никлас почувствовал, что старик сомневается, и представил себе, как он ищет поддержки у жены.

– Прямо сейчас?

– Нам нужен дневной свет. Я за вами заеду.

– Вы знаете, у нас много дел...

– Где вы живете?

– Прямо у школы. Красный дом с белыми окнами.

– Буду через десять минут.

* * *

– Примерно так, – Ада немного походила туда-сюда, словно прислушиваясь к себе, потом остановилась, поставила ноги вместе и посмотрела на горы вдаль.

Огораживающую ленту давно убрали, но металлический штырь все еще стоял на том месте, где нашли Эллен Стеен.

Ада Хермансен подняла полы пальто и при поддержке заботливого супруга опустилась на колени. Она разглядывала песок, а потом посмотрела вдаль. Потом немного отодвинулась и сделала то же самое.

– Да, – она кивнула, самой себе подтверждая, что уверена в своих

словах. – Рука указывала в этом направлении.

Никлас встал на колени возле нее и посмотрел туда, куда показывала женщина.

– На среднюю вершину?

Она опустила руку, видимо, еще сомневаясь.

– Я не совсем уверена, но думаю, что да, – Ада обернулась. – Юлиан, как по-твоему?

Ее супругу явно было не по себе, он вытянул шею и внимательно посмотрел на горные вершины.

– Средняя из вершин Онестинд? Вообще-то, я не обратил внимания, куда указывала рука, заметил только, что она была вытянута вперед. Вполне возможно, именно в этом направлении.

– Да, я уверена, – женщина попыталась встать, и Никлас поспешил ей помочь.

– Думаете, это что-то значит? – спросила она, стряхивая песок с коленей.

– Нужно перевернуть все камни.

– Я всегда говорила: куклы о чем-то предупреждают.

В этот момент Никласу пришла в голову идея.

– У вас случайно нет карты Бергланда?

– Даже несколько, – Юлиан явно пытался понять, о чем думает полицейский.

– Можно я одолжу одну?

Через полчаса Никлас вернулся домой. Он отвез Аду и Юлиана домой и забрал у них карту времен семидесятых, она была самой подробной. Он разложил стол и полностью раскрыл карту. Пляж, на котором нашли Сару Халворсен, находился севернее того, на котором он только что побывал. На карте были отмечены вершины Онестинд и Рог, он проверил это перед тем, как взять карту. Женщин положили так, чтобы они куда-то указывали, Никлас не мог поверить, что это получилось случайно. Линейки у него не было, так что ему пришлось довольствоваться куском плитуса. Никлас как можно точнее отметил те места, где нашли женщин, учел погрешность высоты и провел линию между вершинами и отмеченными точками. Он довел линии до пересечения. Они встретились на восточном побережье Бергланда в одной из многочисленных бухт. Хотя Никлас не очень хорошо был знаком с окрестностями, он сразу же узнал эту бухту и понял, что там находится всего один дом – дом отца Карианне.

В этот момент он понял, что разгадка всегда была у него перед глазами. Все дело в Карианне. Несмотря на то, что болезнь лишила ее

возможности жить обычной жизнью подростка, удача всегда ей сопутствовала. Все началось с места в колледже. В этот момент отец решил – нет, не управлять жизнью дочери, а контролировать ее окружение, чтобы все было ей на пользу. Ему пришлось ненадолго ослабить поводок после того, как она уехала из дома, а все попытки заманить ее обратно заканчивались ничем. Никлас понял, что Карианне рассказала отцу о первых симптомах своей болезни, о том, что что-то опять не так. Скорее всего, Рейнхард узнал все задолго до Никласа. И стремление держать ситуацию под контролем снова проснулось. А для этого требовалось заманить ее домой. Поэтому появилась его болезнь. Правильно? Картинки мелькали перед глазами, странные, невероятные, от них у него закружилась голова. Он не хотел им верить, но не мог отделаться от мысли. Мотивов нет, связи между жертвами нет – прямо как в сценарии фильма ужасов, мелькающего на экране. Кари-анне сейчас на работе. Заменяет Эллен Стеен. Живот снова скрутило. Он вспомнил, как тетка хвалила свою племянницу, утверждала, что нападение на нее было актом слепого и бесцельного насилия. Потому что никто не мог желать Эллен зла. Разве что тот, кто недавно переехал в их городок, сидит без работы и располагает достаточными знаниями и опытом, чтобы занять ее место. В этот момент комок в животе перерос в приступ тошноты, и Никлас побежал в ванную. Его неистово рвало в унитаз, а перед глазами вставал образ Карианне. Она показывала ему полуостров, каждую бухточку, каждый закуток. И привела его к дому своей мечты, сказала, что в таком доме она, не задумываясь, осталась бы навсегда. Это был дом Сары Халворсен.

Глава 35

Никлас сидел, уставившись в окно, шокированный тем, какой оборот приняло это дело. Внезапно его внимание привлек свет фар. Он подумал о том, что скажет Карианне, и запаниковал. Увидев, как к дому поворачивает старый «вольво» полицейского из Будё, Никлас почувствовал облегчение. Через полминуты раздался стук в дверь.

– Входите! – сказал он и сложил карту.

Рино заглянул внутрь:

– А вы домосед!

Никлас опять удивился тому, насколько не похож этот неопрятный человек на полицейского. Он явно не причёсывался после сна – с одной стороны шевелюра была примята, а с другой торчала пучком дикого чертополоха. Недельная щетина уже не казалась симпатичной, а джинсовая куртка устарела как по времени года, так и по столетию.

– Неважно себя чувствую.

– Я просто хотел попроситься.

– Вы получили ответы на свои вопросы?

Рино прислонился к дверному косяку и ухмыльнулся.

– Я не совсем уверен в том, что увидел, но картина начинает проясняться. На какие-то вопросы ответы я получил. Например, узнал, что Ингеборг, женщина, у которой вы снимаете дом, сестра Эвена. Может быть, именно поэтому она и захотела, чтобы подвал был закрыт. Она знала, что там происходило, может быть, даже сама это ощутила.

Скорее всего, так. Мрачная глава ее жизни, которую она хотела запереть на замок. А может быть, сам Эвен настоял на этом. Ведь она сопротивлялась и с трудом позволила себя уговорить, чтобы они использовали подвал, с оговоркой, что там будут только храниться вещи.

– Зло порождает зло, – сказал Никлас.

– Да, и это тоже. Но, я думаю, Эвен во всем винит отсутствовавшего биологического отца. Мать умерла в результате... я бы сказал, весьма сомнительного несчастного случая, он родился всего за несколько часов до ее смерти. Насколько я понимаю, никто не знает, кто отец ребенка, а Эвен попал к садисту Лоренцу. Я думаю, больше всего он ненавидит именно своего биологического отца, который так и не появился в его жизни и позволил сыну в одиночестве сражаться с адскими волнами своей судьбы. Вряд ли Эвен стал защитником сирот случайно, – Рино скрестил ноги, и

ботинок закачался на ноге, свободной от тяжести тела. – Думаю, именно поэтому он преподает такие жестокие уроки, заставляет нерадивых отцов проходить через те мучения, которые когда-то перенес сам.

– Иначе говоря, сочувствующий мститель?

– Думаю, он перешел границу. Мне только что сообщили, что последней жертве пришлось отнять руку.

– Господи боже!

– Господь, похоже, упустил их из виду – и мальчика, и его невольную жертву.

Никлас повернулся на стуле.

– Вы сказали, сомнительный несчастный случай?

В этот момент зазвонил мобильный телефон. Он увидел, что звонит Карианне. Мысли закрутились в голове, но он не успел ничего придумать и ответил на звонок.

– Привет, это я, – голос был веселый и радостный. – Как дела?

– Я, видимо, подхватил какой-то вирус.

– Тебе опять плохо?

– Думаю, скоро пройдет.

– Я просто хотела сообщить, что звонили из больницы, – Карианне немного помолчала. – Пробы тканей совпали. Ты можешь быть донором.

Никлас услышал слова, понял их смысл, но ему показалось, что все вокруг внезапно померкло и исчезло.

– Замечательно, – он услышал свой голос, было явно слышно, что радость неискренняя.

– Я понимаю, Никлас. Мне тоже очень жаль, хотя у меня нет выбора.

– Мне не жаль.

Она засмеялась.

– Ты отдаляешься и становишься странным каждый раз, когда мы начинаем говорить на эту тему. Не нужно притворяться. Все, кто соглашаются на донорство, сомневаются. Ведь это серьезное вмешательство.

Вмешательство. Его опять затошнило.

– Когда...когда это станет актуальным...

Она снова засмеялась. Она смеялась не над ним, а потому что была рада, чувствовала облегчение.

– В этот раз мне не нужно полагаться на случайность и удачу. Я буду ездить к врачу каждую неделю, так что посмотрим. Думаю, в ближайшее время ничего не будет. Но к Рождеству я кое-что еще у тебя украду.

Комната все еще кружилась перед глазами.

– Кое-что еще?

– Я ведь уже украла у тебя сердце, правда?

– Что?

– Господи, Никлас. Думаю, тебе нужно несколько минут, чтобы прийти в себя. Я сейчас должна подготовить несколько отчетов для руководства. Давай я тебе перезвоню попозже?

– Я действительно рад, Карианне. Поверь мне...

– Я верю тебе, Никлас. Но думаю, тебе надо признать, что нужно время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Никто не говорит «да», просто пожал плечами. Вот и все.

– Хорошо.

– Я позвоню, пока!

Никлас услышал за спиной глухой звук, и все вокруг вернулось на свои места. Он совсем забыл о своем госте, который, вытянув ногу, пытался поддеть слетевший ботинок.

– Все хорошо?

– Это Карианне, моя жена. Она сообщила, что мне придется отдать ей почку.

Снова глухой удар. На этот раз ботинок отлетел на середину кухни.

Рино выглядел так, как будто его ударили по голове.

– Отдать?

– Эй, меня собираются разрезать, а не вас.

– Она опять больна? – Рино доковылял до ботинка и всунул ногу.

– Почки. Она... вы сказали, опять? По-моему, я вам об этом не говорил, но это так. Врожденная недостаточность. А теперь она вбила себе в голову, что я этого чертовски боюсь, – Никлас поднял телефон, чтобы объяснить, о чем был только что разговор. – Сейчас столько всего происходит.

Рино остановился посреди кухни. Он, простоватый и неопрятный, внезапно оказался здесь совсем не к месту.

– Я вовсе не хотел этого говорить...

Никлас сразу же понял, что сейчас услышит что-то крайне неприятное.

– Говорите!

– Мать Эвена... черт! Я дал слово, что никому не расскажу об этом, и вот не прошло и часа, как я его нарушаю!

Он замолчал, и Никлас почувствовал, что не хочет этого знать, ведь то, что сейчас скажет инспектор, станет потрясением.

– Мать Эвена стала донором... – Рино смотрел в пол.

– Боже мой!

– Больной девочке из вашего городка оставалось жить несколько недель. Она получила почку. Ведь мать Эвена все равно была уже мертва...

Никлас почувствовал приступ рвоты, но весь вес тела, казалось, сместился под колени, и он не смог двинуться с места.

– Я говорил с врачом, который принимал Эвена. Его мать привезли в больницу...

Ноги все еще не слушались, но Никлас устоял.

– Мир такой маленький...

Он всегда знал, что разгадка лежит гораздо ближе, чем ему бы хотелось. Нападения, которые произошли в последнее время, не были случайностью – время было выбрано точно. Все случилось потому, что они с Карианне приехали в Бергланд. И главная цель – заставить их остаться навсегда.

– Сомнительный несчастный случай, так вы сказали? – Никлас без сил опустился на стул.

– Сомнительные обстоятельства, – Рино тоже присел. – Она съехала на велосипеде с дороги и врезалась в скалу.

– Съехала с дороги, – ничего больше ему знать было не нужно.

– За две недели до родов. Вообще-то, мало кто садится на велосипед в таком состоянии. Врач сказал, что сразу в этом засомневался. Рана по центру головы – вот и все.

По центру головы.

– Если ты врезаешься в гору, то инстинктивно постарайся защитить голову, подавшись вперед. А у матери Эвена даже царапин на руках не было.

Никлас снова подумал о той прогулке, когда они с Карианне прошли по склону за домом. Она еще раз рассказала о своей болезни, которая наложила отпечаток на все ее детство. Он все это уже слышал, но в этот момент то, что она рассказала, обрело новый смысл. Она говорила об очереди на операцию. *«Внезапно я оказалась первой в списке»*, – сказала она. И поэтому все произошло очень быстро. Отец сам взялся за решение проблемы, отец, от отчаянья решившийся на все что угодно. На все. Даже на то, чтобы самому найти донора для дочери. Каким-то образом он узнал, что мать Эвена дала согласие на донорство, и, видимо, повлиял на нее. Могло ли все быть именно так? Мог ли он использовать ситуацию, в которой они оказались – больная девочка и кто-то при смерти? Сначала заставить одного или нескольких человек согласиться на донорство, потом несчастный случай – так?

– Это, конечно, чистой воды подозрения. Мать Эвена умерла, но

подарила новую жизнь вашей жене. Я бы не рассказал вам об этом, если бы...

– Я вас не виню, – Никлас поднял руку, жестом показывая, что инспектору не нужно извиняться, но на самом деле он пытался поймать блуждающую в голове мысль. – Эта травма головы...

– Рана прямо по центру головы. Видимо, ее выбросило вперед, прямо на скалу.

По центру головы.

– Она была жива, когда ее доставили в больницу?

– Она умерла через несколько часов после того, как извлекли Эвена.

Человеческие органы можно использовать в течение всего нескольких часов после смерти донора. Все должно происходить быстро. В идеале донора нужно привезти в больницу еще живым. Идеальный несчастный случай. Потому что не повезло в первый раз?

– Когда это случилось? Когда произошел несчастный случай?

– Вам нужен точный ответ?

– Дата и год.

– 20 сентября 1983 года.

Через неделю после исчезновения Линеи. Сначала донором должна была стать Линея. Но что-то пошло не так. Видимо, ее состояние могло вызвать подозрения, а может быть, от удара она внезапно умерла. Так все и произошло, да?

– Вы правы. Мир очень маленький. И все вокруг взаимосвязано.

– Что вы хотите сказать?

– Это происшествие имеет глубокие корни.

– Стало намного понятнее.

– Думаю, это убийство. И оно связано с останками, которые мы обнаружили. Полагаю, с матерью Эвена убийце удалось то, что у него не получилось с Линеей.

Рино сменил позу.

– Боюсь, я не совсем понимаю.

– Мне кажется, подчеркиваю, *кажется*... – он немного помолчал, собираясь с силами, чтобы высказать свои подозрения. – Что план был такой: почка должна кому-то послужить.

– Что?

Никлас встал и прошелся по кухне.

– Думаю, она попала в аварию именно потому, что согласилась стать донором. Вы знаете, сколько людей в кармане носит карточку донора?

– Немного.

– Почти никто. С точки зрения статистики, это должно означать, что и в Бергланде таких людей нет. В лучшем случае – один человек. И этот самый единственный умирает таким образом, что его орган можно использовать. К тому же Карианне была в критическом состоянии. Ей нужна была почка. И внезапно она оказалась первой в очереди.

– Господи!

– Можете оказать мне услугу?

– Конечно.

– Скорее, даже две. Мне бы хотелось, чтобы эта версия осталась между нами.

Рино кивнул.

– А еще я хочу знать, кто нашел ее и привез в больницу.

– Совсем необязательно это имеет значение.

– Необязательно. Но тот, кто подстроил этот несчастный случай, должен был позаботиться, чтобы она оказалась в больнице быстро. Очень быстро. То есть либо он сам ее отвез, либо подстроил, чтобы ее нашли.

– Не уверен, что мой пожилой врач откроет мне дверь еще раз. Боюсь, его до сих пор терзают угрызения совести за то, что он вообще что-то мне рассказал.

– Если все было именно так, как мы думаем, ему придется рассказать – хочет он этого или нет.

– Я использую все, что вы мне сказали, как только смогу.

– Я знаю, вы собирались отправиться домой...

Рино достал жевательную резинку из кармана куртки.

– Забудьте об этом! Не уеду, пока не докопаюсь до самой сути.

Через пять минут Никлас остался на кухне один. Он думал о Карианне и о той почке, которая поддерживала в ней жизнь целых двадцать пять лет. Если бы все сложилось так, как, по его опасениям, было задумано, это была бы почка Линеи. Ему нужно было знать наверняка, выяснить, как все было на самом деле. Никлас прошел в спальню и включил интернет, связь шла через модем, и для того, чтобы что-то найти, пришлось набраться ангельского терпения. Он не знал фамилии Лилли Марие, поэтому решил поискать просто гадалок. Результаты оказались на удивление многочисленными, но уже через пару минут он ее нашел. *Лилли Марие – вижу ваше прошлое, предсказываю будущее. По-настоящему.*

Конечно, номер не личный. Никлас набрал коммерческую службу 815. Мягкий женский голос сообщил ему, что он второй в очереди, и Никлас понадеялся, что это означает, что линия работает. Прошла вечность, и он уже пожалел, что не сел в машину и не поехал к ней сам, но в этот момент

на другом конце провода он услышал ее голос.

– Прорицательница Лилли Марие. Чем я могу вам помочь?

– Это Никлас Хультин. Мне нужно знать, какое судьбоносное решение принял Эдмунд. Прямо сейчас.

– Извините?

– Это я, Никлас Хультин. Я не смог найти другой номер телефона.

– Никлас? Полицейский?

– Да.

– Господи, что случилось?

– Эдмунд. Он согласился, чтобы дети стали донорами?

Он услышал, как она глотает воздух, пытаясь подавить рыдания.

– Кто-то внушил ему, что Андреа можно было спасти, если бы ей пересадили органы. Как будто какой-нибудь орган мог оживить ее.

– Кто ему это внушил?

– Я не знаю. Знаю лишь, что Линею выдали карточку донора, и Эдмунд следил, чтобы карточка всегда была при ней. Я думаю, он сравнивал ее с Андреа. Именно поэтому выбрал Линею. Конрад не подошел, потому что был мальчиком. Хайди – потому что, как он прекрасно видел, была не в своем уме. Думаю, он считал и ее органы тоже не совсем нормальными. Не знаю почему, но мне всегда было не по себе от этих донорских карточек. Пьяный отец с горя заявляет свою дочь как потенциального донора и следит, чтобы она всегда носила при себе подтверждение этого... не знаю, может быть, так он пытался искупить свою вину. А может быть, просто хотел заработать деньги, но, скорее всего, это было безумием. И после смерти Линеи все стало еще хуже. Мне кажется, в конце концов Эдмунд Антонсен умер из-за своей совести. Наверное, он винил себя в смерти Андреа и в том, как она прожила жизнь. Думаю, он считал себя виноватым и в смерти Линеи.

– Почему он считал себя виноватым в смерти Линеи?

Лилли Марие вздохнула.

– Думаю, что-то подсказывало ему, что именно из-за него пропала Линея.

– Я все еще не понимаю почему.

– Линея пропала примерно через неделю после того, как он заставил ее записаться в доноры.

Никлас понял, что извращенная логика Эдмунда спасла жизнь Конрада и Хайди. Ведь после неудачи с Линею было бы вполне естественно выбрать кого-то из ее ближайших родственников. Но уговорить Эдмунда еще раз не получилось бы.

- Я больше не буду тебя мучить. К тому же мне это не по карману.
- Извини, я об этом не подумала. Я дам тебе мой номер.
- Спасибо. Погадаешь мне как-нибудь бесплатно – и сочтемся.

Глава 36

– Я добыл имя, – Рино был очень доволен собой. – Хотя мне пришлось намекнуть, что тот несчастный случай как-то связан с последними нападениями.

– Ну и ладно, – Никлас с черепашьей скоростью вел машину, стараясь оттянуть момент истины.

– Невероятно, сколько всего он помнит о том случае. Видимо, впечатление было сильным.

– Имя! – воскликнул Никлас от нетерпения.

– Мужчину, который ее обнаружил, звали Сунд. Рейнхард Сунд. Он все еще живет здесь. Знаете его?

Последнее подтверждение.

Никлас расстроился. Он знал, Карианне это убьет.

– Я еду к нему, – сказал он.

Глава 37

Остановив машину, Никлас взглянул на окно кухни – ему показалось, что за занавеской промелькнула тень. Определенно, Рейнхард оживал. Обычно перед развязкой дела, которое он расследовал, Никлас ощущал приятное волнение, удовольствие от того, что ему удалось разгадать замысел подозреваемого, хотя на это ушли много недель или даже месяцев. В этот раз ему было грустно. Он не сомневался, что Рейнхард действовал исключительно из любви, из отчаянного желания спасти жизнь дочери во что бы то ни стало. А цена оказалась велика. Сначала жизнью пришлось заплатить Линее, потом матери Эвена Харстада. Может быть, Рейнхард знал об этой женщине еще до того, как пропала Линея, и не выбрал ее именно потому, что она была на сносях, и вместо нее остановился на жизнерадостной девочке. А потом, когда не получилось с Лине-ей, обратной дороги уже не было. Карианне нужна была почка, оставались считанные недели. Возможно, все сложилось именно так, но Никлас не мог представить себе тестя в роли жестокого убийцы.

Он постучал в дверь, не совсем уверенный, что поступил бы так в привычных обстоятельствах, но все-таки зашел в дом еще до того, как тихий голос пригласил его войти. Рейнхард сидел в гостиной в кресле-качалке, накрытом овечьей шкурой грязно-серого цвета.

– Никлас! Вот это сюрприз! – Рейнхард протянул ему руку. Улыбка казалась искренней и спокойной.

Ему было намного лучше, чем несколько дней назад.

Гостиная выглядела такой же старомодной и неопрятной, как и тогда, когда Никлас первый раз приезжал вместе с Карианне в гости: было заметно, что женская рука давно здесь не хозяйничала. Фотографии были те же – молодой лось с удовольствием пил воду из маленького лесного озера, расцвеченного золотом рассвета. А еще Карианне. Десятки фотографий – от крестин до первого причастия. Он и в прошлый раз обратил на них внимание. Фотографии детей украшают многие дома, но здесь их явно было слишком много. От такого количества снимков создавалось впечатление одержимости.

– Рано вернулся домой с работы?

– Плохо себя чувствую.

– Грипп, наверное. Такое же типичное явление, как дождь в День независимости.

– Скорее, кишечная инфекция.
– В общем-то, одно и то же, – старик неопределенно махнул рукой, как будто он был экспертом по заболеваниям.
– Я слышал, ты сработался.
– Не совсем. Я тут немного зазнался и получил головомойку. Сейчас мне кажется, что я попытался взойти на Рог.

Рог.

– Думаю, мы останемся, Рейнхард. То есть мы уже почти решили, и неважно, какая подвернется работа. Мы останемся в Бергланде.

– Замечательно! – он широко улыбнулся, от этого его щеки впали. – Вы так внезапно все решили?

Никлас кивнул.

– Очень хорошо. Я скучал по Карианне, это не секрет. Да и по тебе тоже, Никлас, но ты же знаешь. Болезнь нас крепко связала.

– Я понял.

– Ее работа... – старик махнул рукой в сторону кресла. – Садись, Никлас, ради всего святого, садись.

Никлас сел и почувствовал, что накрытое коричневым пледом кресло было совсем новым.

– Работа Эллен Стеен?

– Стеен? А, ну да, та, на которую напали. Жаль, что все так вышло, но Карианне не стоит об этом думать. Если бы она не заняла это место, нашелся бы кто-нибудь другой.

– И все-таки немного странно.

– Да, да, никто не хочет наживаться на чужом несчастье. Но пусть считает, что, если та женщина когда-нибудь вернется на работу, ей будет приятно знать, что, пока ее не было, делами занимался профессионал.

– Да, верно, – нужно было переходить к делу.

Старик мечтательно посмотрел наверх.

– Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, – Никлас положил руку на живот и поморщился. – Я просто хотел поговорить.

– С огромным удовольствием. Особенно когда ты приезжаешь с такой новостью.

– Твое имя всплыло сегодня в связи с одним... весьма странным делом.

– Да?

– Речь идет о смерти одной беременной женщины много лет назад, она съехала на велосипеде с дороги и разбилась о скалу.

Лишь подрагивающая вена свидетельствовала о том, что кровь еще течет во впавших щеках, но внезапно пожухшая кожа порозовела.

– И что? – голос был совсем другим. Так говорил настоящий Рейнхард.

– Ты ее нашел.

– И?

– Больше ничего. Мой коллега часто говорит, что мир довольно маленький. Мне пришлось с ним согласиться, когда я услышал, что именно мой тесть нашел эту женщину.

Никлас пожал плечами, как будто не придавал особого значения этому обстоятельству.

– Что ты помнишь о том случае?

Рейнхард внимательно посмотрел на Никласа прежде, чем ответить.

– Я проезжал мимо, ехал в больницу. Карианне... – он пояснил свою мысль жестом. – Я увидел, что из земли торчит колесо, и сначала решил, что она мертва. У нее была кровь повсюду, пульса я не нащупал. Конечно, пульс у нее был, но я дрожал и никак не мог его уловить... Я так долго жил рядом с тяжело больным человеком... все это на меня навалилось. Но мне удалось донести ее до машины. И только тогда я понял, что она беременна. От этого мне стало еще сложнее.

Никлас смотрел на человека, которого видел перед собой. Ему казалось, он знает Рейнхарда, но сейчас перед ним был кто-то совсем другой. Рейнхард рассказывал очень эмоционально, казалось, он действительно переживает. Возможно, так и было. Только переживал он не из-за женщины.

– Ты рассказывал ей об этом?

Старик сидел неподвижно, но Никлас видел, что каждая его мышца напряжена.

– Почему ты спрашиваешь об этом сейчас? – наконец прошептал он. – У Карианне, наконец, что-то налаживается. Ей и так довелось многое пережить. Она этого не заслуживает.

– Я думаю, твоя отцовская любовь перешла границы.

Рейнхард испугался.

– О чем ты говоришь?

– Я знаю, что ты вложил всю свою жизнь и душу, чтобы ей помочь. Но я думаю, ты и дальше вкладывал свою жизнь и душу в благополучие Карианне, уже после того, как она получила новую почку.

Рейнхард покачал головой.

– Ты мухлевал с очередью на органы.

– Господи, Никлас, не оборачивай это против меня, не сейчас. Я ни о

чем не жалею. Более того, я горжусь тем, что сделал.

Слова звучали холодно.

– Ты ведь не болен, да?

– Что? Что такое, Никлас? На что ты намекаешь?

– Я думаю, ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы заманить ее сюда и чтобы она осталась. Думаю, именно ты присылал брошюры и вырезки из газет и, когда этого оказалось недостаточно, чтобы пробудить у нее ностальгию, ты разыграл свою болезнь.

– Во имя всего святого!

– И, думаю, теперь, когда она решила остаться, болезнь отступит.

– Никлас!

– Ты когда-нибудь рассказывал Карианне, чью почку она носит? Ты говорил ей, что именно ты нашел ей донора, женщину, чью жизнь не удалось спасти? Она знает об этом, Рейнхард?

– Черт тебя подери, Никлас! Ты не имеешь права так со мной говорить!

– Я думаю, твое желание помочь ей перешло все границы. Карианне обожает тебя, но даже она подозревает, что иногда ты пробивал ей дорогу не слишком честным путем, порой даже тогда, когда ей самой это было не так уж и нужно. Я очень надеюсь, что ничего более серьезного здесь нет. Этот несчастный случай с беременной женщиной на велосипеде кажется подстроенным, а ведь именно благодаря ему Карианне жива. Я тоже живу с этим, Рейнхард! И когда я узнал, кто именно ее нашел...

– Клянусь тебе, Никлас.

– Я не верю в случайные совпадения. Они заставляют меня задуматься.

Рейнхард сморщился от боли, затем закрыл глаза. Он тяжело дышал.

– Ты в порядке?

– Мне нужно прилечь.

Никлас все еще сомневался. Маску Рейнхард не снял. Вполне справляясь с ролью более тридцати лет и оправдывая все свои действия интересами дочери, он вряд ли легко смирится с мыслью, что что-то когда-то пошло не так.

– Можешь принести мне немного черносмородинового сока? – Рейнхард казался жалким и беспомощным.

– Конечно.

– Он стоит на кухне на скамье. Я и дня не могу без него прожить. Прощлую бутылку разбил, она просто выскользнула из рук. К счастью, я купил еще несколько про запас.

Никлас разбавил сок ледяной водой до тех пор, пока напиток не стал светло-розовым и почти прозрачным.

Рейнхард жадно выпил целый стакан и сидел, тяжело дыша.

– Я хотел ей только добра, как с этими письмами, о которых она наверняка тебе рассказывала. А Сульвейг Элвенес... – внезапно его взгляд стал стеклянным. – Я сидел у постели Карианне, как всегда, и днем, и ночью. Это случилось в тот же вечер, когда я привез Сульвейг в больницу. Я постоянно подходил к дежурному врачу и спрашивал, как она. Я был в смятении. Почти сразу стало понятно, что ее не спасти, я уже почти смирился, но вдруг врач позвал меня в коридор. Я очень удивился, когда узнал, что она дала согласие стать донором и что здоровая почка ждет мою дочь всего в нескольких метрах от меня. Конечно, врач предупредил, что нужно сделать анализы, проверить, совпадает ли группа крови, но я понял, что все будет хорошо. Я никогда не был верующим, но в тот вечер я упал на колени у постели Карианне и возблагодарил Бога, в которого я едва верил. Я до сих пор верю, что Он решил спасти мою дочь ценой жизни Сульвейг Элвенес. Этим Богом был не я.

Как только Никлас закрыл за собой дверь, зазвонил мобильный телефон. Номер был незнакомым.

– Это Виден из криминалистической лаборатории. Я по поводу анализа крови.

Никлас взял из больницы образцы крови Эллен Стеен и попросил сравнить его с образцом на когтях рыси. Он написал свой личный номер телефона, чтобы никто в участке не догадался о его подозрениях. Ему хотелось подождать и собрать неопровержимые доказательства.

– Они совпадают. Это кровь одного и того же человека.

Никлас поблагодарил и положил трубку еще до того, как человек на другом конце провода успел задать вопрос о том, какое отношение это имеет к делу, которое привлекало все больше внимания. Анализ не оставлял сомнений, и Никлас всерьез задумался о том, как потрясена будет Карианне, когда узнает правду. Все еще непонятно, зачем Рейнхарду понадобились когти рыси. Видимо, царапины должны были сбить следствие с толку, но вообще-то все было сделано крайне непрофессионально. Символические следы на коже, не более того. И в этот момент он все понял. У Эллен Стеен царапины были под ребрами, у Сары Халворсен – внизу спины, но и в первом, и во втором случае они располагались рядом с почками. Он явно отказался от задуманного. То есть нападения, на самом деле, были попытками найти новых доноров для дочери? Эллен Стеен оказалась в коме, а Сара Халворсен умерла по

ошибке? А то, что Карианне получила работу вместо Эллен Стеен, – чистая случайность? Чтобы версия оказалась правдоподобной, нужно было, чтобы Карианне опять оказалась первой в очереди на пересадку почки, а ведь это не так. Или она скрывала что-то от него? Может быть, знал только Рейнхард?

Никлас набрал номер Линда и почувствовал, как колотится сердце; он с нетерпением ждал, когда ответит коллега.

– Никлас? Ты опять на ногах?

– Вроде бы. Я тут кое о чем подумал.

– Как я понимаю, мозг продолжает работу, даже когда желудок отказывает?

– Ты не знаешь, Эллен Стеен и Сара Халворсен не давали согласие на донорство органов?

На другом конце провода было тихо.

– Донорство органов? Не думаю, по крайней мере, я об этом не слышал. Что ты надумал?

– Вообще-то не знаю.

– Эй, Никлас. Нужно делиться версиями с напарниками.

– Скоро все расскажу. Пока!

Никлас положил трубку и позвонил в больницу. Он попросил соединить его с тем врачом, который дежурил, когда привезли Эллен Стеен. Через две минуты ему ответил доктор Бергстуен.

– Я хочу поговорить об Эллен Стеен, – сказал Никлас и немного подождал, чтобы врач вспомнил, о ком идет речь. – Вы не проверяли, она дала согласие на донорство органов?

Казалось, врач озадачен таким вопросом.

– Мы делаем это в обязательном порядке только в случае смерти. Поэтому с Эллен Стеен в этом не было необходимости.

– А как насчет Сары Халворсен?

– За все годы работы я только один раз сталкивался с тем, что у пациента была карточка донора. Это было около десяти лет назад. Нет, Сара Халворсен не давала согласия на донорство.

Значит, все было именно так, как он и думал: Рейнхард холодно и расчетливо расчищал место для дочери. Никлас не мог и дальше скрывать все от жены. Она должна узнать, что ее отец – сумасшедший убийца.

Карианне приехала через полчаса, Никлас сидел в кресле в гостиной.
– Привет, мудрец! – она игриво улыбнулась.
Он улыбнулся в ответ, но шутку не поддержал.
– Все хорошо?
Никлас пожал плечами.
Она поставила пакеты с продуктами на пол и села на пол рядом с ним:
– Волнуешься, да?
– Карианне... – Никлас накрыл рукой руку жены, увидел в ее глазах беспокойство. – Дело не в операции.
– А в чем?
– В тебе.
– Во мне?
– Да, милая, все дело в тебе.
Она наморщила лоб.
– Ты хочешь сказать, что вокруг меня слишком много всего происходит?
– И происходит, и происходило.
– Я не понимаю, Никлас, – голос стал напряженным.
– Убийство Сары Халворсен, нападение на Эллен Стеен. Наметилось кое-что общее... я старался не обращать на это внимания, отвергал саму возможность... Но больше так продолжаться не может.
– Ты знаешь, кто это сделал?
Никлас кивнул.
– Но почему ты так расстроен... Мы его знаем, да?
Он опять кивнул.
– Господи, даже знать не хочу... Кто, Никлас?
– Твой отец.
Небеса не упали на землю, она не проронила ни звука, выражение лица осталось прежним. Она ждала, что он скажет, что ошибся. Но он промолчал, и она качнула головой:
– Нет, это не отец, нет!
– Карианне!
– Нет, это не он!
– Карианне!
– Это неправда! – она вырвала у него руку, как будто не могла находиться рядом с тем, кто способен на такие чудовищные подозрения.
– Думаю, он дошел до предела.
– До предела? Во имя всего святого, Никлас, зачем отцу нападать на Эллен Стеен и Сару Халворсен?

Он покачал головой.

– Это лишь продолжение. Все началось давным-давно.

Ее глаза умоляли его умолкнуть.

– Линея?

– Карианне... что если я скажу, что уверен на девяносто пять процентов? И что мне нужна твоя помощь, чтобы убедиться окончательно?

Она отшатнулась от него и встала.

– Ты не в себе, Никлас. Думаю, вся эта история... с донорством... – она положила руку чуть ниже ребер, там, где больная почка отчаянно боролась за жизнь. – Я не хо-чу...не нужна мне твоя чертова почка!

Карианне тяжело опустилась на пол и зарыдала, тяжело всхлипывая.

Он сел на пол рядом с ней и прижал ее к себе.

– Это твои слова: в самый подходящий момент все оборачивалось тебе на пользу. Ты всегда была его жизнью, Карианне. Если бы ты умерла, он бы умер вместе с тобой. Ты стала смыслом его жизни, задачей, которую нужно выполнять и по сей день.

– Ты слышишь, что говоришь, Никлас? Это безумие. Линея было столько же лет, сколько мне. Он не мог причинить ей зло.

– Думаю, он и не хотел. Но речь шла о твоей жизни.

– На что ты намекаешь? – она взяла его лицо в свои руки и пристально посмотрела ему в глаза, едва сдерживая слезы. Он осторожно провел рукой по ее животу.

– Думаю, все дело в том, что внутри тебя что-то умирало. Для любящего отца лист ожидания казался надеждой на помилование, и когда очередь дошла до тебя... ничего не произошло. Следующая почка должна была стать твоей, но донора не было.

– Никлас.

– Мне кажется, все было именно так... но мне *кажется*, Карианне. И мне нужна твоя помощь.

Она покачала головой.

– Он никогда бы этого не сделал.

– Тогда с твоей помощью я смогу развеять все подозрения.

– В чем именно ты его подозреваешь? И почему Эллен Стеен и...

– Тшшш, – Никлас прижал палец к губам. – Ты все узнаешь, Карианне, но, боюсь, у нас мало времени.

– Мало времени?

– Ты рассказывала мне о том парне, который сломал ногу, а потом перестал тобой интересоваться.

– Господи, Никлас, детская влюбленность...

- Как его звали?
- Ты ищешь не там, Никлас. С твоей версией все согласны?
Он промолчал, вытянул ноги.
- Это все ты, да? Ты вбил себе в голову, что папина готовность пожертвовать собой сыграла с ним злую шутку. Но эта версия тебе самому кажется настолько дикой, что ты не спешишь поделиться ею с коллегами?
- Я молчу ради тебя, Карианне.
- Вовсе нет! – она ударила его кулаками в грудь. – Не ради меня!
- Как его зовут?
- Оскар, – она горько заплакала, спрятав лицо в ладони.
- Оскар, а дальше?
- Никлас, я тебя не узнаю, не узнаю мужчину, которого люблю.
- Пожалуйста, Карианне.
- Нильссен с двумя «с». Доволен?
- Где он живет?
- Ты решил его навестить и поинтересоваться, не убивал ли он кого-нибудь ради девочки, в которую был влюблен двадцать пять лет назад?
- Нет, все будет не так. Обещаю.
- Это безумие. Ты говоришь, что пытаешься меня защитить, но тебе придется рассказать все остальным полицейским в участке!
- Где он живет, Карианне?
- Рисхамн. Это в соседней коммуне. Минут сорок ехать.

* * *

Никлас позвонил Оскару Нильссену и договорился встретиться с ним в кафе. Нильссен не просто удивился его звонку, но и твердо отказался от встречи. Тогда Никлас намекнул, что к нему домой вполне может зайти полицейский, Оскару пришлось согласиться.

Было восемь часов вечера, и в кафе, кроме пары усталых мужчин, по-видимому, пропускаявших уже не по первой рюмке, никого не было. Нильссен согласился на пятнадцатиминутную встречу, но сказал, что свободен только после восьми вечера. Он появился в четверть девятого. Хотя Никлас не представлял себе, как выглядит его собеседник, ищущий взгляд и выражение лица, по которому было видно, что человеку явно не по себе, не оставляли никаких сомнений. Никлас поднял руку и жестом пригласил мужчину сесть напротив. Нильссен кивнул в знак приветствия и сел.

– Все это просто нереально! – сказал он и положил руки на стол перед собой. – Девочка, в которую я был влюблен полжизни назад! Неужели вы во всех делах копаете так глубоко?

Никлас предупредил, что речь пойдет о Карианне Сунд.

– Я хочу еще раз сказать, что мы вас ни в чем не подозреваем. Мне нужна помощь, чтобы сложить пазл.

Нильссен взглянул на мужчин, сидевших в другом углу кафе, и опустил плечи, когда понял, что никого из них не знает.

– Я знаю, она вам нравилась, но сейчас речь не об этом. Я хочу поговорить о том несчастном случае, который с вами произошел.

Нильссен с сомнением посмотрел на Никласа.

– Я сломал ногу, – сказал он.

– А подробнее?

– Не может быть!

– Что именно?

– Что все это всплывает именно сейчас.

Никлас смотрел на мужчину, который искренне предлагал Карианне руку и сердце. Если бы сегодня ей пришлось делать выбор, еще неизвестно, кого бы она выбрала – Нильссен был очень симпатичным и явно в хорошей форме.

– Мне сломали ногу, – сказал он и покачал головой. – Скорее всего, железным прутком.

Неприятное покалывание со скоростью света распространилось от шеи до живота. Именно этого боялся Никлас. Неподходящего жениха просто убрали с дороги.

– Как это случилось?

– Кто-то поставил мне подножку. Я шел на небольшую поляну, где мы с друзьями играли в футбол. Была поздняя осень, и уже очень темно. Еще до того, как я сообразил, что случилось, я услышал звук удара. Это сломалась моя нога, – он сжал руку в кулак. – Все произошло в одно мгновение. Ты идешь, думаешь о своем, и вдруг какой-то сумасшедший дьявол ломает тебе ногу. У меня был шок, я даже думал, что умру.

– Вы его видели?

Нильссен покачал головой.

– На нем была темная одежда и шапка-шлем на голове. Он был похож на чертова ниндзя.

– Вы помните, как он выглядел? Высокий или низкий? Худой или толстый?

– Я видел только очертания, но эта картинка встает у меня перед

глазами каждый день вот уже много лет. Я действительно испытал шок. И, Бог свидетель, я много раз думал, кто бы это мог быть. Как у большинства мальчишек, у меня были друзья и враги, но никому я не сделал ничего такого, чтобы заслужить подобное злодеяние. К тому же, все это касалось Карианне.

– Откуда вы знаете?

– Потому что он сказал мне, чтобы я держался от нее подальше, не то переломает мне обе ноги. И сделает калекой на всю жизнь.

От этих слов Никлас похолодел.

– Очень долго я жил в страхе, даже боялся выходить из дома после темноты. И если я случайно встречал Кари-анне, например, в магазине, то начинал паниковать и пытался как можно быстрее сбежать. Я с ужасом представлял себе, что он может увидеть нас вместе.

– Вы никому об этом не говорили?

– Он пообещал, что, если я скажу об этом хоть одной живой душе, последствия будут плачевными. Так что вы второй человек, кому я рассказываю. Кроме вас об этом знает только моя жена.

– Когда он говорил с вами...

– Он бормотал и изменил голос.

– Голос был молодой или не очень?

Нильссен задумался.

– Взрослый, я думаю, хотя я не уверен.

– В общем-то, я услышал все, что мне было нужно.

– Знаете что. Хотя это просто мое ощущение, все эти годы я думал, что это был ее отец.

Никлас почувствовал, как растворяются в воздухе последние пять процентов сомнений.

– Почему?

– Потому что в нем было что-то... нездоровое. Он берег ее так, словно она была непорочной девой.

Никлас сглотнул.

– Я цепенел при виде его. Как он ее защищал... Я знаю, она была серьезно больна, но все-таки...

– Вы встречались с ним после того случая?

– Конечно, этого сложно было избежать, но, едва завидев его, я сразу сворачивал. Даже сейчас, несмотря на то, что я вырос, я стараюсь не встречаться с ним, когда бываю в Бергланде.

– Но вы никогда ему ничего не говорили?

– Нет.

- Спасибо за откровенность.
- У нее все хорошо? У Карианне?
- Что он мог ответить?

– Она счастливо замужем, – сказал Никлас и улыбнулся. – За хорошим человеком, который ее очень любит.

В машине он заметил, что на телефоне мигали четыре неотвеченных вызова, из которых три были от Линда. Кроме этого, пришла еще эсэмэска от него же, в которой он спрашивал, почему Никлас не отвечает. А все потому, что Никлас переключил телефон в бесшумный режим и так и оставил. До последней схватки.

На обратном пути он мысленно прокручивал перед глазами все те годы, что он был знаком с Рейнхардом. В свете последних событий особое, острое внимание, которое отец уделял благополучию дочери, становилось еще ярче. Никлас вспомнил все вопросы, которые задавал ему Рейнхард, чтобы убедиться, что передал эстафетную палочку в надежные руки. Но задолго до этого, в состоянии глубокого отчаянья, Рейнхард все-таки оступился и позволил себе решать судьбы других людей, чтобы добыть то, чего не приносили молитвы. Он украл одну жизнь, чтобы спасти другую. Но не остановился. Он поставил себе цель – сделать дочь счастливой, неважно, какой ценой, и сурово расправлялся с теми, кто, по его мнению, мог этому помешать. Внезапно Никлас понял, что его самого внимательно изучали с самого первого дня. Карианне согласилась стать его женой исключительно с одобрения Рейнхарда. И если бы он оступился и не обеспечил жене счастье, которого та заслуживала, по мнению ее отца, то и с ним что-нибудь случилось бы.

Мысль о том, что Рейнхард холодно и расчетливо расправился бы и с ним, если бы так было нужно для счастья Карианне, разозлила его. Подъехав во второй раз за сегодняшний вечер к дому, где выросла его жена, Никлас понял, что воспринимает тестя как совершенно чужого человека, считает его холодным убийцей-психопатом, который вполне заслужил унижение и наказание.

Свернув во двор, он погасил фары, осторожно и очень медленно подъехал к заброшенному сараю и остановился. Машины за домом не было. Первый снег еще не выпал, и тусклый свет из окон затухал уже в нескольких метрах от дома.

Никлас почти дошел до дома, когда его вдруг осенило: Рейнхард вовсе не был больным слабым стариком и, поняв, что подозрения подтвердились неопровержимыми доказательствами, явно подготовился к ответному удару. Служебного оружия у Никласа с собой не было, но ключ из набора

инструментов вполне мог пригодиться. Просто невероятно – ему приходится вооружаться подобным образом, готовясь сражаться с собственным тестем. Никлас на всякий случай положил ключ в карман брюк. Никаких других ниточек не оставалось, все указывало на виновность Рейнхарда. Он сломал ногу шестнадцатилетнему парню, который слишком сильно заинтересовался Карианне. Видимо, она как-то сказала, что он ей не очень нравится, а намеков не понимает. А до этого он писал ей письма, притворялся анонимным воздыхателем и осыпал ее комплиментами. Подумать только – отец писал любовные письма дочери, и тот принц, о котором так мечтала Карианне, на самом деле оказался просто ее сумасшедшим отцом!

Никлас подошел к дому сзади и заглянул в одно из освещенных окон. Рейнхард сидел в кресле-качалке и медленно покачивался вперед-назад, на коленях у него лежало что-то, похожее на пульт. Никлас ожидал увидеть тестя в состоянии боевой готовности и еще раз убедиться, что болезнь была притворной, но, строго говоря, ему это было не нужно. Убийца – Рейнхард.

Он открыл входную дверь и бесшумно вошел внутрь. Кровь так громко колотилась в венах, что Никласу показалось, что сейчас этот звук услышит Рейнхард в гостиной, и его разоблачат. Никлас остановился у кухонной двери, и вдруг услышал тихое вибрирование в кармане. Еще одна СМС. Никлас вытащил мобильник. Снова Линд и снова вопрос о том, где он и что происходит. Что происходит? Он собирался арестовать сумасшедшего убийцу, на совести которого три жизни. Убийцу, которым оказался его тестя. И только благодаря жестокости которого его жена, Карианне, продолжала жить. Он открыл дверь без стука и увидел покачивающееся пустое кресло. Никлас замер, не сводя глаз с кресла, пока то не остановилось. Он опустил руку в карман и нащупал ключ, затем зашел на кухню. Нет ли здесь другой двери? Не мог ли Рейнхард внезапно оказаться у него за спиной? Вроде бы нет, разве что тестя воспользовался окном. Кровь бешено колотилась в голове и в груди, все его тело напряглось, он замер, пытаясь соображать как можно быстрее.

И вдруг перед ним возник Рейнхард. Он прижал нож к шее своего зятя.

Глава 38

Карианне взрогнула. Смутное беспокойство усилилось и превратилось в уверенность – что-то случилось! Она оглянулась. Это был чисто инстинктивный жест, ведь она была у себя дома. И все-таки ей показалось, она почувствовала какое-то дуновение, и от этого ей стало еще тревожнее. Она поднялась и налила себе кофе, хотя вообще-то пить не хотелось, и опять села, не сводя глаз с окна. То, что сказал Никлас, было просто чудовищно и очень обидно, и она уже почти убедила себя в том, что это – лишь проявление его страха перед грядущей операцией. Его подозрения были совершенно беспочвенными, и она всерьез опасалась за душевное и умственное состояние мужа. Всего пара недель ушла у него на то, чтобы разгадать загадку, над которой весь город бился уже двадцать пять лет: жену он выбрал в качестве мотива, тестя, с которым у него уже много лет напряженные отношения, назначил убийцей. Карианне постаралась отогнать тревогу, но покой оказался недолговечным. Она просидела так, кажется, уже четверть часа, а может быть, всего полминуты, и ее вновь охватила тревога. В этот раз она почувствовала, что скоро с ней самой что-то произойдет, что-то плохое. Она поняла, что попала в беду.

Глава 39

Никлас успел заметить, что нож был маленьким, а потом увидел горящие глаза Рейнхарда. От усталого далекого взгляда не осталось и следа, рука, державшая нож, была вовсе не слабеющей дланью старика.

– Никлас! Как ты меня напугал! – Рейнхард опустил руку и тяжело дышал, восстанавливая силы. – Разве так можно!

Старик отбросил нож на скамью и тяжелыми шагами побрел к своему креслу.

– Я услышал какой-то звук, поэтому стал прислушиваться. И понял, что кто-то здесь есть и явно собирается на меня напасть, – Рейнхард все еще тяжело дышал. – Ты меня напугал, когда заходил сегодня, понимаешь? Сначала я очень разозлился, эти твои чудовищные обвинения... а потом задумался...

Никлас все еще стоял посреди комнаты. Он все еще не мог прийти в себя.

– Садись, Никлас. Мне тяжело даже корчить из себя страшилище, не говоря уж о том, чтобы держать нож для фруктов на вытянутой руке. Казалось, Рейнхард действительно лишился сил.

– Я не делал того, в чем ты меня обвиняешь, Никлас.

– Оскар Нильссен, – сказал Никлас и вдруг понял, что все еще сжимает в руках разводной ключ.

– Ничего мне не говорит.

– Он был одним из поклонников Карианне. А потом ты положил этому конец.

Рейнхард с трудом покачал головой.

– Не помню никакого Оскара Нильссена.

– Ты читал ее письма, ты все знал.

– Только самые первые, буквально несколько штук. Я не был уверен, что все получится. Боялся, что кто-нибудь начнет писать ей из чистого баловства. Ну, знаешь, напишет ей что-нибудь типа «больная уродина» или что-то такое. Я хотел оградить ее. Но все писали очень добрые письма. И поэтому я перестал их читать. Клянусь, Никлас. Я прочел только несколько первых писем. И больше их не вскрывал.

– Чучело рыси, которое ты ей отдал...

– И что с ним?

– Почему ты отдал его именно сейчас?

– Сейчас? Она получила его в тот день, когда вы переехали. Мне хотелось ее порадовать, я знал, что она обрадуется.

То есть в тот момент, когда напали на Эллен Стеен, рысь находилась в доме у самого Никласа! Но это невозможно!

– Я хочу увидеть письма, – сказал Никлас, все еще не до конца понимая, что значит все то, о чем он только что узнал.

Рейнхард посмотрел ему в глаза:

– А Карианне знает?

– Я бы не хотел ей пока говорить.

– Пока ты не уверен на сто процентов?

– Пока не пойму, как именно ей рассказать.

Рейнхард потупил взгляд и смахнул что-то со щеки.

– Я несчастный человек.

Никлас ждал какого-то признания.

– Если только так я смогу вернуть тебе разум... – тонкие пальцы впились в подлокотник. – Я ошибся, Никлас, в этом нет никаких сомнений. Но я всегда все делал только из любви к Карианне.

Никлас сглотнул.

– Я покажу тебе письма. И покончим с этим.

* * *

Никлас пропустил Рейнхарда вперед на узкой лесенке, ведущей в мансарду, и не сводил с него глаз. Тесть переставлял ноги с таким трудом, как будто на щиколотках у него были кандалы. Перед каждой ступенькой он останавливался. Если старик притворялся, то актер из него получился отменный. Но Никлас не позволял себе усомниться. Рейнхард полжизни потратил на то, чтобы манипулировать обстоятельствами, так что в этом равных ему не было.

В мансарде пахло не так, как обычно пахнет на чердаках – затхлостью и пылью. Что-то подсказывало Никласу, что старик все еще живет так, как будто здесь, в детской, до сих пор играет его дочь. Карианне уже показывала мужу свою комнату. Все здесь осталось таким, как он помнил, даже на кровати лежало то же самое покрывало. И все-таки пахло чистотой и свежестью. Никлас представил себе, как старик вытирает пыль, стирает белье и живет надеждой на то, что дочь когда-нибудь вернется. Рейнхард остановился у двери, он покраснел и тяжело дышал. Вид у него был болезненный.

– Я скажу еще раз, – сказал он. – Я несчастный человек. Ты увидишь эти письма только потому, что я хочу покончить с твоими подозрениями. Ты найдешь только то, о чем я тебе рассказал. Я прочел лишь пару-тройку из них. Вот и все.

– Где они?

Рейнхард строго взглянул на него.

– Делай, что нужно. Не могу себе представить, что кто-то роется...

– Я ее муж. Мне не нужно рыться.

С опаской взглянув на Никласа, Рейнхард открыл одну из дверей шкафа.

– Коробка стоит на самом верху, задвинута в глубину. Ты уж сам туда залезь, – Рейнхард пододвинул к шкафу табурет. Когда он понял, что Никлас сомневается, он отступил на пару шагов. Никлас забрался на табурет и сразу увидел старую коробку из-под маргарина. Она была меньше, чем он думал.

– Хочешь побыть один?

Никлас покачал головой и положил коробку на кровать. Потом пододвинул стул для своего тестя, тот слабел на глазах. Живот опять сводило, но уже не так сильно. Никлас обошел вокруг кровати и сел так, чтобы коробка оказалась между ним и стариком. Письма лежали плотной стопкой, связанные небольшими пачками.

– Карианне говорила, что один из ребят был особенным, мягко говоря, он проявлял повышенный интерес, – если тот, кто сидел перед ним, действительно писал эти письма сам, он должен был отреагировать.

– Это розовые письма. В самом низу.

Розовые. О чем-то это говорит. Письма лежали внизу в углу коробки.

– Так много?

– Они долго переписывались.

Никлас удивился.

– Я думал, она ответила всего на пару писем?

– Конечно, нет. Она отвечала на все, пока не почувствовала, что они ей неприятны.

Карианне говорила совсем другое.

– Ты уверен?

– Вполне. Она часто отправляла ответ в тот же день. Не забывай, именно я их получал и отправлял.

А может быть, и писал тоже?

Никлас взял первую пачку, быстро пролистал конверты.

Карианне Сунд.

Мимолетное ощущение, что он что-то упустил, пронзило Никласа, и он открыл первое попавшееся письмо. Личность убийцы проступала перед его глазами, но он никак не мог понять, кто это. Никлас пробежал глазами письмо, не останавливаясь на содержании, смотрел только на почерк, на то, как было оформлено письмо: первые буквы каждого предложения были выведены тщательно, красиво, а потом почерк становился отрывистым. В конце письма стояло: твой поклонник. Никлас узнал этот почерк.

Он опустил письмо, потрясенный своей догадкой.

– Что случилось, Никлас?

Живот снова скрутило, и это было еще одним доказательством.

– Черносмородиновый сок, Рейнхард. Ты пьешь его каждый день?

– А сок-то тут при чем?

– Ответь!

– Ничего более полезного не придумаешь!

– И ты недавно опрокинул бутылку, да?

– Мне пришлось открыть новую.

Никлас считал, что улучшение здоровья Рейнхарда связано с тем, что Карианне осталась в Бергланде. А ведь причина в том, что он просто вылил яд, который поглощал в огромных количествах.

– Бутылка. У тебя осталась бутылка?

– Что происходит, Никлас?

– Бутылка, которую ты уронил?!

– Она в мусорном ведре.

– Найди ее и спрячь. И не пей больше черносмородиновый сок, пока я тебе не скажу.

– Господи боже мой!

Никлас уже вышел из спальни.

– Запри дверь, Рейнхард.

Он сбежал по лестнице, почти не касаясь ступенек. Ощущение, что догадался он слишком поздно, стремительно усиливалось.

* * *

Никлас пытался на бегу набрать номер телефона жены, но ошибся, и ему пришлось начать заново. Сядя в машину, он услышал гудки, и у него появилась слабая надежда, что Карианне сейчас ответит. Но электронный женский голос сообщил, что абонент отключен или находится вне зоны действия сети. Никлас не поверил, убедил себя, что это просто

случайность, что если он позвонит еще раз, а потом еще раз, то все-таки сможет дозвониться. Он рывком тронулся с места, вновь набрал номер и, зажав телефон между ухом и плечом, утопил педаль газа в пол. Дорога перед ним сузилась, машину бросало из стороны в сторону, как на льду, но он успел услышать то же сообщение до того, как машину занесло, и ему пришлось схватиться за руль обеими руками. Мозг подавал отчаянные команды снизить скорость, Никлас взял себя в руки и решил потерпеть до трассы. Фонари вспыхивали перед ним, как огромные сигнальные ракеты, казалось, они сейчас упадут прямо на машину. Никлас вцепился в руль. Карианне сама заварила эту кашу. Она отвечала на письма поклонника, по детской наивности поддавалась на искушение обожанием, и, сама не понимая, помогла этой увлеченности перерасти в нечто большее – что-то, что напугало ее и заставило прекратить эти отношения. Но не получилось. Они не закончились.

Никлас ясно осознавал всю гигантскую игру, которая крутилась вокруг Карианне, и тогда, и сейчас. Его Кариан-не, такая жизнерадостная, мягкая и чувствительная. Лишь через несколько месяцев после их знакомства она решилась рассказать ему о своей болезни, сначала очень осторожно, отстраненно, чтобы он не сразу понял, насколько это серьезно. Потом она открыла ему все, рассказала, что была при смерти, а потом все вдруг встало на свои места, как будто счастливая звезда вела ее по жизни. А этой звездой был не кто иной, как тот самый мальчик, с которым она отказалась продолжать переписку.

Никлас проскочил съезд к дому, и ему пришлось сдавать задним ходом. Он заметил машину жены, но все равно вдавил педаль газа в пол. Никлас выскочил из машины еще до того, как она остановилась, рванул дверь и заорал:

– Карианне!

Лишь эхо пустого дома ответило ему. Никлас метался по комнатам, все они казались еще более голыми и пустынными, чем обычно. Он снова набрал ее номер и заметил, что на экране появился значок входящего сообщения. Он совсем забыл включить звук. Дрожащими пальцами Никлас нажал кнопку и открыл сообщение.

От него: «Позвони».

Вот и все. Никлас отыскал номер в списке контактов и нажал «Позвонить». Сердце бешено колотилось в груди, он все еще пытался отдышаться, на другом конце провода ответил знакомый голос.

– Где Карианне?

Собеседник помолчал, наслаждаясь своей властью:

- У меня, конечно.
- Я хочу с ней поговорить.

Снова тишина.

- Поговоришь с ней тогда, когда я разрешу. И если я разрешу.
- Она больна, серьезно больна.
- Знаю.

Конечно, он знал.

- Все кончено. Тебе не выбраться.

– Я, видимо, недооценил твоего супруга, Кариан-не, – издевался тот. – Я, конечно, знал, что ты попадешься в нагрузку, ведь это благодаря мне внезапно освободилось место.

Никласа затошнило, ему показалось, что он чувствует, как яд вьедается в его кишки, разъедает его изнутри.

- Дьявол, ты меня отравил!

Тот тихо засмеялся.

– Потратил меньше половины дозы. Мне нужно было просто чуть-чуть тебя придержать.

- Как? – Никласа опять скрутила боль.

- Кофе, все очень просто.

- Корнелиуссен. Ты и его отравил!

– В конце концов ты поймешь, что это, как и все остальное, было необходимо для того, чтобы твоя жена жила. Скажи мне, ты боишься за нее? Прямо сейчас? Ты чувствуешь, как страх заполняет каждую клеточку твоего тела при одной мысли, что ты ничего не знаешь? Может быть, ей стало хуже. Может быть, она сидит связанная с кляпом во рту. Ей достаточно посидеть немного там, где спертый воздух, и она медленно задохнется.

- Черт тебя подери!

– Ты чувствуешь, Никлас? Чувствуешь, что от отчаянья готов на все, чувствуешь?

- Ты...

- Я спрашиваю: ты чувствуешь, Никлас?

– Если ты что-нибудь ей сделаешь, если хотя бы царапина будет у нее на теле...

– Ты меня убьешь? Подумай – убить за царапинку? Я такого никогда не делал, Никлас. Я убивал, чтобы спасти жизнь. По-моему, это намного честнее.

- Ты сумасшедший!

- Ты сейчас не можешь этого осознать, но потом поймешь, что все,

абсолютно все, что я сделал, помогло жить женщине, ради которой ты готов пойти на убийство. Я просто был более осторожным и щепетильным. Там, где ты использовал метод бульдозера, я действовал умно и изящно.

Тошнота не утихала.

– Я хочу с ней поговорить!

– Только если я разрешу и когда я разрешу.

– С тобой все кончено. Я вызову твоих коллег...

– Никлас, Никлас, я разочарован. Неужели ты думаешь, я позволю тебе контролировать ситуацию? Никому ты не звонил и не позвонишь. Я потратил двадцать пять лет, чтобы сложить этот пазл, никто лучше меня с этим не справится. Я раздаю карты, оставляя на руках тузы. Так что никого ты не вызовешь.

У Никласа потемнело в глазах.

– Рейнхард. Ты подмешал яд в его сок.

– Он поглощает эту сладкую отраву всю свою жизнь. Так что это было просто. Я зашел в дом и подменил бутылки.

– Эту женщину, мать Эвена, нашел Рейнхард, как тебе удалось...

– По нему можно было сверять часы. Он все время сидел в больнице, выходил только в середине дня на обед. Я почти по минутам знал, когда он пройдет по той дороге. Двадцать пять лет назад машин в Бергланде почти не было, следующая приехала бы только через полчаса. Так что только он мог ее найти, потому что действовал по сложившемуся распорядку.

– Ты его использовал...

– Нет. Я просто позаботился о том, чтобы он стал тем, кто спасет ей жизнь. Можешь ли ты представить себе что-нибудь более великое, Никлас? Отец спас жизнь своему ребенку!

– Чего ты хочешь от нее?

Собеседник натужно засмеялся.

– Все очевидно. Я дал ей жизнь. Так что я просто обязан позаботиться о том, чтобы она ее сохранила. Или рассталась с ней так, как я посчитаю достойным. Я должен идти – я ей нужен. Ты вроде бы не хотел, чтобы у нее появились царапины, так ведь? Я так и думал. Но сейчас мне нужно время, чтобы закончить свое произведение. Я позвоню через час. А ты пока посиди тихо. Очень тихо.

И он положил трубку.

Никлас завороженно смотрел на трубку телефона. Ему по-прежнему с трудом верилось, что убийца – его коллега. Во время переписки Карианне связалась с больным человеком, который внушил себе, что преподнесет ей жизнь в подарок. Этот доброжелатель своим извращенным умом понял, что сделать это можно через донорство, и решил все взять в свои руки. Выбор пал на Линею, скорее всего потому, что Эдмунд Антонсен казался подходящей жертвой, ведь выпивка уже загнала его в самые темные уголки совести. Но все пошло наперекосяк, план не сработал, и ему снова пришлось выбирать. В этот раз ему повезло, почка несчастной женщины и сегодня поддерживала в Карианне жизнь.

Внезапно слова старого патологоанатома приобрели новый смысл. Тот сказал, что удар, из-за которого у Линеи на черепе появилась трещина, был не очень сильным. А скорее, его можно было назвать точно рассчитанным. Потому что она не должна была умереть на месте. Согласно плану, Линейя должна была прожить еще несколько часов. Достаточно долго для того, чтобы ее хорошо работающую почку можно было пересадить.

Час. У него был всего час. Никлас проверил часы, понимал, что должен что-то сделать. Внезапно ему в голову пришла мысль. Возможно, он действовал наугад, но это было единственное место, где, как он мог предположить, держали Карианне. Поэтому он отправился именно туда.

* * *

Одинокое стоящий у моря дом, на первый взгляд, был построен в пятидесятые. Тесный ряд скал ограждал его от остального мира, казалось, выбирая место для строительства, хозяева сознательно отстранились от окружающих. Никлас остановил машину у небольшой дорожки, немного не доезжая до съезда к дому, и стал пробираться между скалами, острые хребты которых напоминали окаменевшие гигантские волны.

Последние лучики солнца заползали за горизонт, поэтому Никлас пару раз оступился. Постепенно глаза привыкли, и он смог перебраться через скалы, цепляясь за щели и выступы. Он взобрался на последнюю преграду и осмотрел дом. Из трубы не валил дым, но пара окон тускло светилась – значит, именно здесь он держит Карианне.

Никлас увидел, что одно из окошек мансарды приоткрыто, конечно, это вполне может быть ловушка, но у него не было ни сил, ни времени это выяснять. Желтый фонарь едва освещал пяточок у входа и не оставлял выбора. Он проберется в дом через окно мансарды. Никлас встал на

четвереньки и пополз вдоль скалы туда, где горы лентой огибали полянку. От влажной осенней травы колени тотчас же намокли, но он этого даже не заметил. Сердце колотилось так, что становилось больно. От мысли о том, что кто-то, возможно, следит за каждым его движением, все у него внутри сжалось. Никлас остановился и подождал, пока восстановится дыхание, а затем выверенными движениями, стараясь действовать очень тихо, взобрался на веранду. Он чувствовал, как доски прогибаются у него под ногами, но скрипа не слышал. Дерево прогнило насквозь.

Никлас пытался уловить какие-то звуки, но его движения заглушали все остальное. Огромный тополь простирал свои ветки над верандой, и Никлас представил себе, как они скребутся о стены, качаясь на холодном осеннем ветру. Кто-то явно не особо утруждал себя своевременной стрижкой ветвей. Карниз держался с трудом, и Никлас осторожно наступил на него. Ноги не слушались, и ему едва удавалось унять дрожь. Он взглянул на окно, оно было закрыто на простой крючок. Может быть, где-то здесь была лестница, но Никлас решил, что обойдется без нее. Он схватился за одну из веток, наступил на металлический козырек над окном первого этажа и сразу ухватился руками за верхнюю раму. Всем телом Никлас прижался к стене, опасаясь, что козырек отломится, но он держался прочно. Никлас сбросил крючок с петли и распахнул окно. Он увидел маленький выступ, за который смог уцепиться руками, и подтянулся. Повиснув на раме, Никлас пытался поймать центр тяжести. Из темной комнаты проступили очертания шкафа и кровати. Никлас бесшумно опустился на пол. В нос ударил запах дома и его обитателя. Никлас лежал неподвижно, прижимаясь к холодному полу руками и лицом. В доме царил тишина. Либо здесь никого не было, либо хозяин ждал, когда жертва попадет в ловушку.

Никлас притаился за дверью и осторожно взялся за ручку. Дверь открылась с сухим скрипом. Снова все стихло. Никлас присел и заглянул в коридор, который, очевидно, был пуст, только плетеный коврик из рогожи закрывал половицы. Из коридора вели две двери – одна распахнутая, вторая закрытая. Никлас сбросил ботинки и на цыпочках подбежал к дверям, расположенным друг напротив друга. Он думал, что дверь в закрытую комнату распахнется тут же, как только он войдет в соседнюю. Поэтому Никлас пнул дверь ногой и сразу же прижался к противоположной стене. Ничего не произошло. Он сник, понимая, что дом, по всей видимости, совершенно пуст. «Еще одна спальня», – подумал Никлас. Кровать не застлана, значит, ею давно никто не пользовался. Он снова ударил ногой по двери. На него смотрели пять женщин. Прошло несколько секунд, прежде

чем Никлас понял, что это куклы. Они стояли на маленьких подставках в неестественных позах и казались замороженными. В свете старой стоявшей на полу настольной лампы куклы выглядели жутко. Чувствуя, что заходит в рабочий кабинет сумасшедшего, Никлас вошел в совершенно пустую комнату. Здесь не было ничего, кроме кукол и лампы с коричневым абажуром. Все куклы были одеты в старомодные платья на несколько размеров больше, чем нужно, так что платья висели на их изящных фигурках. Никлас почувствовал, что кукол скорее накрывали, чем одевали.

Он подошел поближе и увидел, что лица у кукол были одинаковыми. Почему куклы? И почему пять одинаковых? Волос у кукол не было, Никласу показалось это странным, ведь мастер, очевидно, пытался придать им естественный вид. Когда он осматривал одну из кукол, то заметил тень на ее лице. Никлас пригляделся и осторожно провел пальцем по ее щеке. Поверхность была холодной и твердой, почти гладкой. А прямо посреди головы виднелись трещины. Значит, вопрос был не в качестве. Никлас повернулся и заглянул внутрь головы куклы, одетой в застиранное платье. Такие же трещины – как на сухой, неухоженной коже. Ужасная догадка поразила его, когда он подошел к одной из кукол, которая стояла, приподняв руку, как будто махала кому-то на прощание. Трещин было меньше, но и они проступали из огромной дыры прямо в центре головы. *В центре головы.* Он все понял, но отказывался до конца в это верить, мысли как будто увязли в масле.

Он выскочил из комнаты, больше не заботясь об осторожности, рванул по лестнице в мансарду, выкрикивая имя жены. Никто не ответил. Он заглянул во все комнаты, спустился в подвал, но кроме небольшого мешка картошки и инструментов ничего там не обнаружил. Их здесь не было. Он уже собирался выйти из дома, когда его настигло озарение. Он медленно обернулся. На крюке на лестнице висела бейсбольная бита. Никлас представил себе, насколько хорошо рассчитанными были удары – и по силе, и по месту. В прошлый раз он ошибся. И не хотел ошибиться еще раз. Никлас достал телефон. Больше ждать он не мог.

Глава 40

Из уважения к дочери Рейнхард никогда раньше не читал приходившие ей письма. Теперь он осторожно взял в руки письмо, из-за которого зять так стремительно убежал. Он понял, что Никлас узнал, кто писал эти письма, хотя подписи на них не было. Он стоял и разглядывал ее имя, написанное на розовом конверте. Почерк показался ему знакомым. Рейнхард достал письмо и просмотрел его, не вдаваясь в смысл написанного. Его не оставляло чувство, что он видел этот почерк раньше. Первая буква каждого слова была написана каллиграфически, как будто служила украшением нестройному ряду разрозненных букв, которые шли дальше. Коробка из-под маргарина простояла нетронутой многие годы, так что узнать этот почерк он мог, только если видел его в письме, адресованном ему самому. Ноги подкашивались, когда он спускался вниз, на первый этаж. Тело требовало отдыха, и он вспомнил о словах Никласа «Не трогай сок!». Просто бессмысленно! Сок он покупал в проверенном магазине, в него не могли ничего подсыпать. Разве что кто-то проник к нему домой. Внезапно Рейнхарда прошиб холодный пот. Он сел на скамью на кухне, открыл нижний ящик стола и вытащил стопку писем и выписок с банковского счета. Там было много бумаг из центрального офиса банка, так что Рейнхард отложил те письма, которые пришли из Бергланда. Он собирал все письма, полученные с января по декабрь, а потом бережно хранил те из них, которые казались ему важными. У него в руках оказалось около двадцати писем, не так уж много за почти десять месяцев. Он улыбнулся, когда открыл первое письмо. Оно было подписано Кариной Сёдерхолм, руководителем общины. В возвышенной манере его приглашали на ежегодную летнюю встречу. Не тот почерк, слава богу. Рейнхард уже начал думать, что ощущение его обмануло, но все-таки открыл предпоследний конверт.

Он перевернул стопку, значит, это письмо пришло совсем недавно. Так как старик уже не верил своим ощущениям, он просто мельком взглянул на подпись, и уже убрал письмо обратно в конверт, когда внезапно его настигло прозрение. Он сидел, уставившись на имя отправителя, напечатанное жирными буквами в левом верхнем углу. Неправда, наверное, просто похожий почерк! Он задрожал, как будто его мучили сильнейшие боли, затем снова медленно вытащил письмо из конверта. Всего несколько строк. Напечатанных на компьютере. Речь шла о паспорте, который он

переоформлял, когда его прошлый документ сдуло первым весенним ветерком. Это было еще до болезни. «В приложении направляю Вам...». Рейнхард нашел взглядом подпись и задрожал еще сильнее. Это просто не могло быть правдой, этого не может быть! Он положил письмо на скамью и замороженно смотрел на подпись. Почерк был тот же самый. Это он. Текст начал двигаться, затанцевал перед глазами Рейнхарда и внезапно исчез. Перед стариком всплыла подпись: ЛЕНСМАН.

Глава 41

- Ты в отчаянье? – голос звучал равнодушно.
- Ты говорил, что действовал только в интересах Карианне.
- Да.
- Она опять больна.
- И что?
- Речь идет о днях.
- Вполне может быть.
- Ты был первым. Она мне говорила.
- Первым? – в голове прозвучало искреннее любопытство.

– Ее первая любовь. Она рассказывала мне о письмах, об анонимном поклоннике, непохожем на других. Она прятала твои письма и перечитывала их снова и снова. Все остальные просто выбрасывала. Она так и не узнала, кто ты такой, и все-таки ты был у нее первым. Ты дал ей жизнь. Я никогда не смогу понять тот способ, который ты выбрал, но я отлично понимаю, что должен благодарить тебя за то, что она жива. И ты можешь спасти ее еще раз. Но ей нужна медицинская помощь... быстро. Может быть, она проживет еще день, может быть, два, но не больше. Ей нужно пройти диализ.

На другом конце провода молчали.

– Я дошел до точки, Никлас. Понимаешь, я заключил с ней договор в тот раз и всю жизнь соблюдал его. Если я сяду, то не смогу выполнить свои обязательства. Как ты понимаешь, я попал в переделку. Я ничего не хочу так страстно, как опять подарить ей жизнь, но и собственную шкуру мне тоже жалко. И, похоже, учесть интересы обеих сторон не получится.

– И как же ты выкрутишься, если она умрет у тебя на руках?

– Именно об этом я сейчас размышляю. Я всегда был в очень удобном положении, на несколько шагов опережал события и мог планировать все до мельчайших деталей. Ты меня вычислил, мне пришлось действовать импульсивно, поэтому я и угодил в такую неловкую ситуацию. Передо мной весьма непростой выбор. Либо я, либо Карианне.

Никлас похолодел.

– Я могу отпустить ее и подарить ей жизнь еще раз. Или она может стать мечом, которым я пробью себе выход из этой... щекотливой ситуации.

– Возьми меня вместо Карианне. И тебе не придется выбирать.

– Мне нравится эта мысль. Но, боюсь, это еще сильнее все усложнит.

– Вовсе нет. Это все решит. Ты сам сказал: все, что ты делал, ты делал ради Карианне. Если мы поменяемся, так и будет. Ты опять соблюдаешь интересы Карианне.

– Тогда я выставляю условия.

Никлас обрадовался. Соперник сдавался.

– Если я хоть на миг заподозрю, что ты предупредил полицию...

– Я никуда не звонил.

– ...она умрет. Помни: я очень подозрительный человек, Никлас. Так что... Карианне больна, она слаба, ей намного хуже, чем ты, занятый только самим собой, замечал. Ты позволил ситуации выйти из-под контроля, не заметил, что твоя жена страдает. Она заслуживает большего!

Никлас сглотнул.

– Думаю, Карианне не сможет противиться, если ее поставят перед выбором.

Снова молчание.

– У тебя в машине есть наручники?

– В бардачке.

– Тогда предлагаю вот что...

– Что?

– Ты будешь двигаться по моим указаниям и, когда я скажу, наденешь наручники.

– Хорошо.

– Повторяю: я очень подозрительный человек – да, некоторые даже говорят, что моя подозрительность граничит с паранойей. Так что если мне покажется, что наручники застегнуты не так, как надо...

– Я буду ждать.

– Дай подумать, Никлас. Позвони через пять минут.

Через четыре с половиной минуты он снова набрал номер и узнал место встречи.

Глава 42

Рино открыл дверь в комнату 216. Он немного постоял, привыкая к слабому затхлому запаху. Потом зашел. Лоренц лежал на спине, уставившись в потолок. Лицо было узкое и костлявое, над нижней половиной лица, будто высокая гора, нависал уродливый нос. Глубоко посаженные глаза, рот с бескровными губами... Рино говорили, что Лоренц выжил из ума, но инспектору все равно захотелось увидеть виновника той ненависти, которую его приемный сын выплеснул в Будё.

У стены стоял стул, Рино пододвинул его к кровати и сел. На лице Лоренца застыло суровое выражение. «Так ты и умрешь, – подумал Рино, – скованный злобой».

– Мне нужно было тебя увидеть.

Вокруг губ появилась морщинка, казалось, старик хочет открыть рот, но ни звука не издал.

– Хочу рассказать, во что вылилась твоя ненависть.

Старик ворочал глазами.

– И, хотя ты лежишь здесь, как живая мумия, причем уже давно, из-за тебя и сегодня происходят ужасные события. Тебе приятно это слышать, а? Знать, что твои посеы по-прежнему приносят плоды? Я видел подвал, в котором ты держал Эвена, видел железные кольца на валуне у моря. Понимаешь, мне нужно было увидеть все это своими глазами. Иначе я бы просто не поверил. Я даже представить себе не мог, что можно быть таким садистом!

Взгляд Лоренца заметался – тот будто старался проследить за полетом мухи.

– Эвен стал сиротой через несколько часов после рождения. Думаешь, он не заслуживал лучшего? Чем ты оправдывал свою ненависть к нему? И зачем ты его взял, если никогда не испытывал никаких других чувств, кроме ненависти? – Рино наклонился над стариком. – Ради денег, да?

Все тот же блуждающий взгляд. Может быть, он чувствовал, что не один в комнате, но слова до него не доходили.

– Ты самый никчемный человек из всех, кого я когда-либо встречал. Поверь мне, я таким тебя и представлял. Живи, дьявол, по Божьей воле, живи! И пусть каждая минута, отпущенная тебе, покажется бесконечным приемом у стоматолога!

Взгляд остекленел. По щеке, оставляя глубокий след на коже,

скатилась и утонула в дневной щетине слеза. Очевидно, сестры не так уж внимательно следили за стариком, может быть, они ухаживали за ним неохотно и иногда позволяли себе высказать что-нибудь неприятное. Подобных людей никто не любит.

– Извини, – раздался гнусавый стон, и Рино подскочил на стуле. Ему стало стыдно. Какое право имеет он, посторонний, вторгаться в чужую жизнь и оскорблять старого человека?

Вечная боль.

Хотя лежавший перед ним безжизненный равнодушный мужчина мало чем напоминал Иоакима, Рино представил себе, каково это – быть заточенным в собственном теле. Потому что у Иоакима хватило бы энергии на двоих, шалостей – на троих. И как он ни пытается соответствовать общественным нормам, у него это не получится. Если ему не помочь. Он так и останется в заточении и, как пароварка, будет иногда спускать пар, чтобы не взорваться.

Вечная боль.

И он решился.

– Кто ты? – внезапно взгляд Лоренца стал осмысленным, и Рино понял, что молчал он по собственному желанию.

Глава 43

Никлас проехал мимо пляжа, на котором умирала Эллен Стеен, и двинулся дальше на другую половину полуострова. Почти все время он ехал один, лишь изредка замечая свет фар в зеркале заднего вида. Он подъехал к ограде, о которой ему говорил преступник, выключил фары и медленно поехал дальше, пока не увидел просеку. Брызговики зашелестели по асфальту, когда он поворачивал, так что ему пришлось сосредоточиться на том, чтобы не съехать с глубокой колеи. Дорогу с обеих сторон сжимали березы, а над ними возвышались горы. Хотя его предупреждали, что нужно будет доехать до ворот, Никлас наткнулся на них неожиданно, так что ему пришлось со всей силой нажать на тормоза, чтобы не врезаться. Гнилые деревянные доски крепились друг к другу с помощью крючка из дважды переплетенных стальных тросов. Никлас, как ему было приказано, проехал внутрь и закрыл ворота. Дорога плавно поворачивала, и Никлас двигался по ней до тех пор, пока можно было проехать. Он достал мобильный и увидел, что пришла смска – похититель спрашивал, где он и что случилось. Чтобы предупредить остальных, Никласу нужно было не больше минуты, и, может быть, только так он смог бы раскрыть своего коллегу. Но он не рискнул. От его умения молчать зависела жизнь Карианне. Никлас ответил, что добрался до конца дороги. Ответное сообщение пришло не сразу, Никлас подумал, что в этом есть определенный замысел.

Иди дальше по тропинке. Через сто метров увидишь ручей. Перейди его и иди дальше по тропинке направо. Через пятьсот метров увидишь справа большой камень. Дойдешь – напиши.

Он вышел из машины. Осень была очень мягкой – четыре-пять градусов тепла. Никлас все еще чувствовал легкие спазмы в желудке, последствия отравления ядом, который, как он надеялся, уже вышел из организма. Прежде, чем закрыть дверь, Никлас открыл перчаточный ящик и достал наручники. Он решил выполнять все приказы преступника. Несколько часов назад он беспокоился о том, что ему придется отдать Карианне почку, теперь он был готов отдать за нее жизнь.

Ручей был шириной два-три метра, Никлас осторожно перешел его по скользким камням. Глубина была небольшая – около полуметра – но он хотел, чтобы ноги как можно дольше оставались сухими. Тропинка вела не просто направо, а еще и вверх, сначала немного, а затем все круче и круче, так что Никласу приходилось выбирать дорогу – камни были очень

скользкими. По этой тропе, по всей видимости, обычно бродили овцы и, может быть, заплутавшие туристы – по илистой почве было понятно, что здесь же протекали талые воды. Никлас остановился и прислушался. Кроме собственного дыхания он больше ничего не слышал. Ни звуков проезжающих вдали машин, ни приглушенного шума деревень, лишь слабый шелест деревьев. Он был один.

Он старался идти по гравию, там было суше, и скоро увидел камень, о котором ему говорили. Темной стеной он вырос справа от полицейского. Никлас огляделся. Деревья и кусты росли намного реже. Он попытался уловить какое-нибудь движение, но должен был признать, что даже если за ним действительно следят, то у противника хорошо получается сливаться с окрестностями. Как и было оговорено, Никлас отправил СМС, в этот раз ответ пришел сразу.

Иди по тропинке налево, пройди через болото и перейди холм на другой стороне. Ты увидишь еще одну тропу. Иди направо, пока не дойдешь до дома. Никуда не ходи, стой там.

Дом? У его коллеги есть дом в горах? Направился бы Никлас туда сразу, если бы знал? Вряд ли. Самое главное сейчас – поменяться местами с Карианне. А потом пусть все будет так, как суждено. Никлас побрел дальше, тропинки, о которой ему написали, он не видел, а шел по небольшой просеке. Несколько раз ему пришлось наклоняться, чтобы ветки не исцарапали лицо. Когда он добрался до болота, то почувствовал, как ноги увязли в жидкой грязи. Никлас очень испугался, но все-таки сумел выбраться, хотя уже успел представить, как утонет в этой бездонной топи. Он пошел дальше, жижка под ногами хлюпала, брюки по колено промокли от болотной воды. Никлас заметил впереди поляну. Ему показалось, что он заблудился, но потом увидел дом. Он остановился, зная, что его заметили. Дом был очень старым и маленьким. Никлас подумал, что, скорее всего, его использовали для охоты.

– Наручники, – голос был знакомым, но все же звучал непривычно.

Никлас показал наручники.

– Сними куртку.

Он сделал, как ему было сказано, и отбросил куртку в сторону.

– Мобильный.

Телефон тоже полетел в грязь.

– Закатай рукава свитера.

Он все еще не видел противника, голос доносился откуда-то из дома.

– Повернись на девяносто градусов и застегни наручники. Медленно и спокойно. Я хочу слышать, как щелкнет замок.

Никлас внезапно почувствовал, что замерз. Промокшие ноги заledenели, а ветер принизывал голое тело. Он вытянул руки вперед и демонстративными движениями застегнул наручники. Он удивился, что преступник не приказал ему завести руки за спину.

– Иди вперед.

Из-за угла дома показалась фигура похитителя Кари-анне. Амунд Линд был одет в темную обтягивающую куртку и черную вязаную шапку.

Увидев его, Никлас окончательно все понял – картинка полностью сложилась. Стало понятно, почему Линд был так уверен, что Корнелиуссен уже никогда не выздоровеет. Никлас вспомнил, как его коллега осторожно выпрашивал, как чувствует себя Карианне. Благодаря нападению на Эллен Стеен освободилось место, на которое отлично подходила его жена. Потом выбор пал на Сару Халворсен, наверное, из-за того, что Никлас как-то обмолвился, что они подыскивают другой дом и что Карианне очень понравился живописный дом художницы. Ради того, чтобы Карианне получила дом своей мечты, Линд пошел на убийство, и это вновь доказывало, что он сошел с ума. Он не жалел никаких средств, если думал, что ей что-то нужно. Никлас попытался воспрепятствовать этому, и поэтому его попробовали вывести из игры. Спросив у Линда про донорские карточки у жертв, Никлас окончательно подтвердил, что нащупал след. Именно поэтому тот засыпал его эсэмэсками, спрашивая, где он и что происходит.

– А вот и наш герой.

Хотя Никлас не видел лица Линда, он почувствовал, как тот ухмыляется.

– Где Карианне?

Глаза Линда были похожи на выеденные глазницы бледного черепа.

– Не бойся за нее, моя совесть чиста. Я заботился о ней лучше, чем ты. Ты слюняй, Никлас, честно говоря, не думал, что ты решишься прийти. Думал, ты попытаешься привести с собой полицию, что для Карианне означало бы верную смерть. Но ты бы спас свою чертову шкуру, такую безукоризненную и чистенькую.

Хотя эти слова произносил сумасшедший, Никлас почувствовал, что они его ранят. Ведь он действительно сомневался, хотя знал, через что пришлось пройти его жене.

– И какой же у тебя план? – спросил Линд.

– План?

– Ну да. Не могу себе представить, что у тебя нет никакого плана. У героев он обычно есть.

– Я пришел, чтобы поменяться местами с Карианне.

Никлас увидел, что Линд наклонил голову, как будто ждал его признания.

– Должен тебе сказать, ты меня разочаровал, Никлас.

– В конце концов мы оба хотим одного – чтобы Карианне было хорошо. Она достаточно настрадалась.

– И это говоришь ты, Никлас Хултин, который приплыл к накрытому столу и дрожит от одной мысли о том, что нужно будет отрезать кусочек плоти ради жены?!

Линд видел его насквозь с первого же дня.

– На ошибках учатся, – ответил Никлас.

Линд молчал, как будто сомневался в чем-то.

– Я ее отпущу, – наконец вымолвил он. – Знаешь почему?

Никлас взглянул на окна домика, надеясь увидеть жену. Он почувствовал, что отчаянно надеется, что Линд играет с ним честно.

– Потому что однажды ты уже спас ей жизнь и хочешь сделать это снова?

Линд засмеялся:

– Как-то так, да.

Снова тишина.

– И никакого прикрытия?

Никлас покачал головой.

– Хорошо.

Линд нашел палку и глухо ударил ей по стене дома. Никлас сразу понял, что сейчас произойдет, и напрягся. Ему показалось, что он услышал, как открылась дверь. Он старался смотреть одновременно на оба угла дома, но ничего не произошло. Линд не двигался и не сводил глаз с Никласа. Вдруг внимание Никласа привлекла тень примерно в пятидесяти метрах от дома. Он пригляделся и увидел, что тень – это человек, который, согнувшись, медленно двигался от дома. Это была Карианне.

– Ты не позовешь ее?

Никлас все еще не был уверен в том, что освобождение не было частью тщательно продуманного плана, поэтому какое-то время стоял, опасаясь сделать ошибку. Потом выкрикнул ее имя. Она сразу же остановилась, но ничего не сказала. Он крикнул снова, и она отозвалась.

– Это я! – крикнула Карианне, наклонила голову и пошла дальше. По голосу это, несомненно, была Карианне.

– Сомневаешься, да? – Линд подошел к Никласу. Из темноты появилось его лицо. Это был совсем не тот человек, который так радушно

встретил его в участке – холодный, переполненный ненавистью. А ведь он с искренним сочувствием рассказывал о бедняге, который посвятил всю свою жизнь тому, чтобы разыскать останки своей исчезнувшей сестры. И этот человек казался потрясенным, когда нашли Эллен Стеен, игра велась на высшем уровне вплоть до того момента, когда Никлас спросил про список доноров. Случилось невероятное: новичок его выследил, а ведь этот новичок не кто-нибудь, а супруг той единственной, ради кого все и затевалось.

Никлас оглянулся и заметил, что Карианне исчезла из виду.

– Я объяснил ей, как дойти. Она не ошибется. Ты ведь оставил ключи в машине?

Никлас кивнул.

– Она спустится минут через десять-пятнадцать, а уже через полчаса будет дома. Так что нам нужно поторопиться.

Линд подошел к Никласу, грубо схватил наручники и потянул его в дом.

– У нас с тобой есть одно дельце.

Линд завел Никласа в дом. Входная дверь явно была рассчитана на невысоких охотников, так что Никласу пришлось наклониться. Комната была только одна, в ней стояли две кровати и печка-буржуйка, Никлас видел такие, когда служил в армии. Линд сказал – тридцать минут, но он ошибается. В машине лежит еще один мобильный, так что уже через четверть часа Карианне сообщит обо всем Броксу. Они придут в течение часа, если только ленсман не станет тратить время на сомнения и бесполезные оргвопросы.

– Знаешь что? – Линд усадил Никласа на деревянный стул, а сам, широко расставив ноги, встал перед ним. – Мы с тобой и похожи, и не похожи одновременно.

– Это как? – спросил Никлас, когда понял, что Линд ждет его вопроса.

– Ты пришел сюда без заготовленного плана, ведь так? И я тоже. У меня нет никакого плана, ну разве что на ближайший час. По моим расчетам, у нас примерно столько времени. Думаю, ты оставил в машине мобильный, да? Конечно, я ведь не настолько глуп. А знаешь, в чем наше отличие? В том же самом планировании. Потому что минуты вплоть до... – Линд взглянул на часы, – без четверти двенадцать распланированы до мельчайших подробностей. Так что все учтено: ты сидишь здесь, а Карианне в эту минуту идет к машине. Потому что мне не нужна была Карианне, Никлас, ты должен был это понять. Я все сделал именно так, потому что не знал, где ты и что ты выяснил. Но я понимал, что осталась

всего пара часов, и знал, что мне нужно заманить тебя подальше ото всех и вся. И поэтому я использовал Карианне.

Никлас ничего не понимал. Единственное, что было ясно – Линд продолжает играть в игру, которую вел двадцать пять лет.

– Зачем? – спросил Никлас.

– Зачем? А разве не очевидно, Никлас? Я не могу спасти Карианне в этот раз, а ты можешь. Твоя почка ей подходит, а не моя. Только благодаря тебе она сможет жить дальше. Я видел, что ты сомневаешься, понимаешь? И я понял, что ты из тех, кто может сбежать. Но шанса тебе не представится. Я заберу у тебя почку, Никлас, во что бы то ни стало. Поэтому ты здесь.

Глава 44

В этот момент последние следы человечности исчезли с лица Линда. Совершенно механически, как будто вел животное на убой, он схватил за наручники и потащил Никласа за собой. Не успел тот сообразить, что происходит, как оказался прикованным к свисающему с потолка крюку. Руки были задраны над головой и вытянуты во всю длину, при всем желании высвободиться он не мог.

– Вот так вот, раз, два, три!

До Никласа начало доходить, что произошло. Линд обвел его вокруг пальца. Точно так же, как двадцать пять лет обводил вокруг пальца весь город. Он и не думал куда-то сбегать вместе с Карианне или каким-либо иным способом подвергать ее жизнь опасности – все это было задумано лишь для того, чтобы заманить в ловушку единственного, кто может ее спасти. Потому что время поджимало, а доноров, как и в тот, прошлый раз, не хватало. И так как пробы тканей совпали, он в буквальном смысле держал в своих руках ее жизнь. И стал ее единственным шансом, а значит, и единственным шансом Линда.

– Не нужно этого делать. Я готов.

Линд строго взглянул на Никласа.

– Вовсе нет! Ты сомневаешься! А вот я был готов... все эти двадцать пять лет. Знаешь, я ведь получил доступ к ее истории болезни, по собственному желанию сделал пробу тканей, просто так, на всякий случай. Вот это я и называю «быть готовым».

Никлас не мог поверить в то, что слышал.

– К сожалению, она никогда не будет носить мою почку. Тело Карианне ее отвергнет.

Вдруг Линд резко и грубо схватил Никласа за подбородок.

– Именно это называется настоящей любовью. Когда тот, кто любит, без малейшего сомнения готов отрубить себе руку ради любимой. А ты, ты никогда не видел, как она страдала, никогда не слышал, как она жаловалась, ты волновался о нескольких часах под наркозом. Тебе стало жалко самого себя. Ты позволил ей бояться в одиночестве.

– Это неправда...

– Правда! – выкрикнул Линд и сжал подбородок Никласа еще сильнее, так, что челюсти закрипели. – А значит, ты никогда не был готов. И не готов до сих пор.

– Я...

– Заткнись! – Линд взглянул на часы. – У нас осталось сорок пять минут.

Он отвернулся и открыл портфель. Комнату заполнил звук скрежещущего металла.

– Ты попытался свалить вину на Рейнхарда.

Казалось, Линд немного успокоился.

– Я защищался. В принципе, я не думал, что кто-нибудь меня выследит, но на всякий случай заготовил пару ложных троп. Чтобы, если невероятное произойдет и кто-нибудь все-таки вычислит мотив, Рейнхард стал главным подозреваемым. Поэтому я немножко ему помог. Куклы достались мне бесплатно, а такие платья упустить я просто не мог. Казалось, все добрые силы действовали со мной сообща. Кстати, ты догадался, что все жертвы на что-то указывали?

Никлас попытался кивнуть.

– Черт, а ты совсем неплох. Я и не думал. А следы когтей – я надеюсь, ты выяснил, откуда они.

– Рысь. Карианне принесла ее в дом еще до того, как ты напал на Эллен Стеен.

– Закрытые двери никогда меня не останавливали, не говоря уж о разных развалюхах.

Линд был у них дома. Пока Эллен Стеен умирала на пляже, он позаботился о том, чтобы нанести ее кровь на когти рыси.

– Но зачем ты его отравил?

– Просто чтобы убедиться, что вы действительно отправитесь на север. Корнелиуссена я устранил, место было свободно, и я знал, что единственное, что может развеять все сомнения, – это серьезная болезнь отца.

– А если бы он умер? Если бы Корнелиуссен умер? Сколько людей ты собирался свести в могилу?

Линд улыбнулся.

– Сколько людей ты согласился бы свести в могилу ради того, чтобы Карианне жила? Никого? Насколько я тебя знаю, ты бы стоял у ее смертного одра и рыдал, но в то же время сохранил бы свое безупречное тело. Корнелиуссен жив, Рейнхард жив, убивать их я не собирался, так что не вижу никакой проблемы.

– Линея мертва.

Линд достал что-то, похожее на скальпель. Острая сталь засверкала.

– Жестко играешь. Как-то не по-слунтяйски.

Линд демонстративно разглядывал острый инструмент.

– Скажи-ка и, пожалуйста, не ври... Ведь что бы ты ни сказал, от моего замысла тебе не убежать.

Никлас, который все это время думал только о безопасности Карианне, впервые почувствовал, что боится. Боится за свою жизнь!

– Если бы можно было прокрутить историю назад и сделать все по-другому, ты бы позволил Линее и Сульвейг Элвенес жить и приговорил бы Карианне к смерти? Да? Как бы ты поступил?

– Мог появиться донор.

Линд сплюнул.

– У тебя даже не хватает храбрости ответить честно! Опять строишь из себя героя! Отвечай! Что бы ты сделал?

– Я бы позволил Линее вырасти.

– Жаль, что Карианне тебя не слышит. Обещаю тебе, я передам ей эти слова, – Линд снова взглянул на часы. – Нам нужно закончить кое-какую писанину. Готов?

Линд хитро улыбнулся.

– Эта история не должна закончиться плохо – это было бы неправильно. Согласен?

Линд сел за стол, на нем лежал блокнот.

– Как мы начнем? «Дорогая Карианне» – звучит неплохо, а?

– Чего ты хочешь? – Никласа охватил страх.

Линд обернулся.

– Я думал, все ясно. Спасти Карианне, пожертвовать тобой. Ну, хорошо, тогда я напишу «Дорогая Карианне».

Никлас видел, как Линд водил ручкой по листу бумаги: «Не знаю, жив я буду или нет в тот момент, когда ты прочтешь эти строки». Линд взглянул на Никласа, чтобы убедиться, что он слушает. «Несмотря на то, каким образом (хотя и вовсе не добровольно) была извлечена эта почка, я от всей души желаю, чтобы она подарила тебе жизнь. Карианне, надеюсь, ты не дашь злости или горю ослепить тебя и позволишь части моего тела навсегда занять место в тебе. Желаю тебе никогда не испытать того, что пришлось пережить мне».

– Подпишем «Твой Никлас», да?

Никлас сглотнул. Он представил себе то, что его ждало.

– Ну хорошо. Сначала я хотел написать что-то типа «Вечно любящий», но это было бы глупо, правда ведь? Потому что вообще-то ты не имеешь ни малейшего представления о том, что такое вечная любовь. Так, не хватает только подписи. Давай, подпиши, я подержу листок. И – на всякий случай,

даже не думай меня пнуть, Никлас. Именно я буду давать тебе наркоз... если захочу. Понял?

Линд поднес Никласу блокнот, и он проглядел текст. Все именно так, как только что прочитал ему Линд.

– Ты уж постарайся. Если Карианне не поверит, что это твоя подпись, она может отказаться. А тебе ведь этого не хочется?

Линд ослабил цепь и опустил крючок. Он сунул Никласу в руку ручку, чтобы тот подписал документ, который вполне мог стать его смертным приговором. Как только он закончил, Линд сразу подтянул крюк обратно.

– Пока все идет безболезненно, – Линд просто свети+лся от сознания своей власти. – И вот еще, ты знаешь, что это такое?

Линд поднес к лицу Никласа небольшую карточку, достаточно близко, чтобы тот смог прочитать слова, написанные на ней, а потом убрал ее в карман брюк.

– Всегда носи ее с собой, никогда не знаешь, что с тобой может произойти.

– Ты болен, Амунд.

– Перестань, Никлас. Забудь о всяком вчувствовании и прочем бреде, которому тебя учили в полицейском училище. Ты здесь вовсе не потому, что я тебя ненавижу. Ты здесь потому, что однажды я вошел в мир девочки, которая отчаянно боялась смерти. Меня это потрясло, и в тот день я дал обещание беречь ее во что бы то ни стало. Во многом именно она вдохновила меня на то, чтобы стать полицейским. Помнишь, ты спросил меня, почему я выбрал эту работу? Я тогда сказал: «Чтобы помогать людям». Это чистая правда. Ты говоришь, я сошел с ума... ну, может, и так. Ты забыл, что я отпустил ее, позволил ей выбрать того, кого она сама захочет. А вот кто-нибудь другой, наверное, решил бы, что она – его собственность, посчитал бы себя избранным. Я – нет. Я позволил ей выбрать тебя, жить своей жизнью. Я не вмешивался. Я просто был рядом. Всегда. И был готов в любой момент прийти ей на помощь. Помнишь, я рассказывал, что обычно провожу отпуск на юге? Каждый год я проводил отпуск рядом с Карианне, я был там, в толпе, понимаешь? Я не шпионил, не подглядывал из-за кустов. Просто следил, чтобы она была счастлива.

Никлас не мог поверить тому, что слышал.

– И когда ты выяснил, что она несчастлива, то решил отравить Корнелиуссена, чтобы расчистить место для меня?

– Ну... все началось довольно невинно, – Линд подошел к сундуку. – Репортаж в журнале «Очаг». Я не читаю такие журналы, это не мое, но о

том репортаже в городе говорили, так что мне пришлось его купить. И в этот момент что-то случилось. Я увидел, как она уютно свернулась в твоих объятьях. Супруг, который поддерживал ее в горе и в радости, которому она благодарна за то, что жизнь продолжает ей улыбаться. Она еще кое-что сказала. О страданиях и о поддержке, благодаря которой смогла пройти через самые тяжелые моменты своей жизни. И в этот момент я понял, что она говорит обо мне. И когда этим летом я узнал, что она снова больна, обратного пути уже не было, – Линд повернулся. – Ты читал мои письма?

Никлас изо всех сил замотал головой.

– Сделай это... если случай представится. Ты увидишь, это писал не сумасшедший мальчик... точнее, юноша... я тогда был уже юношей. Я на пять лет старше Кариан-не, в то время я уже закончил школу. Рейнхард организовал переписку между ней и ее одноклассниками, и я притворился одним из них. Иногда мне было сложно, например, когда она спрашивала мое мнение о других учениках или о том, что происходило в школе, но в целом все шло хорошо. Потому что нас прежде всего интересовали мы сами. У нас была прочная связь, понимаешь? Кем я был? Ну, если ты все еще считаешь, что я был сумасшедшим, я могу показать тебе письма, которые Карианне писала мне. Я прочитаю их тебе, все пятьдесят три письма. Да, ты не ослышался. Пятьдесят три. Она тебе не говорила, да? И по этим письмам явно видно, что мы с ней были необычайно близки. Гораздо ближе, чем ты когда-нибудь был со своей женой.

Боль в плечах и шее стала невыносимой.

– Как ты думаешь, Амунд, чего бы хотела Кариан-не, если бы была сейчас здесь?

– Оставь ее в покое, слюняй! Если ты, будучи на волосок от смерти... Какая игра слов, – Линд широко улыбнулся. – Если ты, будучи на волосок от смерти, хочешь попытаться отговорить меня, оставь хотя бы ее в покое. Это уж точно стратегия слабака. Если бы она была здесь, она бы умоляла меня, обливаясь слезами. Ты это хочешь услышать? Обливаясь слезами, она умоляла бы меня пощадить тебя, чтобы все пошло так, как было задумано. И ты, конечно, сдался бы и сбежал, как только я тебя отпустил.

– Я не собираюсь бежать.

– Разумеется. Потому что такой возможности у тебя не будет.

– Куклы... ты тренировался... превосходный удар.

Линд помрачнел.

– Я был у тебя дома, думал, ты держишь ее там.

– Строго говоря, в этом мое преимущество, ведь так? Я пытался сделать все быстро и аккуратно – единственный удар, безболезненный

обморок.

Один удар. Но на теле Эллен Стеен были следы множественных ударов. Как донор она была не нужна. Ее просто убрали с пути ради благополучия Карианне.

– Ты сумасшедший.

– Мне неприятно думать о том, сколько сил я потратил на тренировку. И ничего не вышло. Твое тело подошло, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. – Линд внезапно обратил внимание на мобильный, экран которого вспыхнул на секунду, но звука при этом не было. Он подошел к столу и проверил телефон.

– Брокс, – сказал он, в голосе не было никакого сожаления. – Значит, они едут.

Линд взглянул на часы.

– Время поджигает. У нас осталось пятнадцать минут. Пора начинать.

Уверенными шагами Линд подошел к портфелю и достал из него сверкающие стальные инструменты. Смотреть на это оказалось невыносимым, и Никлас поднял глаза к потолку, произнося про себя молитву.

– Хочешь, я продезинфицирую инструменты? Чтобы избежать заражения?

Никлас услышал, как открылась дверь шкафа, очевидно, Линд достал кастрюлю, но смотреть он не решился. Он не мог поверить в то, что его коллега действительно задумал столь бесчеловечный поступок, но теперь смирился. Никлас представил себе, что висит, как мертвая туша, на крюке, и задрожал. От этого боль в руках усилилась.

Он слышал, как Линд налил воду в кастрюлю и поставил ее на огонь.

– Боюсь, нам некогда ждать, пока закипит вода, но сделаем, что сможем.

Никлас слышал, как Линд опустил инструменты в кастрюлю, как зашипели на плите капли воды. Во рту появился металлический привкус. Потом раздались приближающиеся шаги. Он почувствовал дыхание Линда на своей шее.

– Попрощайся с привычным телом, – сказал Линд.

Глава 45

Брокс и два следователя из Центрального управления забирались на холм с другой стороны, увязая в грязи, с трудом переводя дыхание. По тревоге были подняты соседние полицейские участки, но Брокс быстро понял, что ждать нельзя. Долго убеждать его не пришлось; как будто из тени, показались все детали пейзажа – того самого, который всегда навевал на него беспокойство. Что-то было не так с Амундом Линдом, он всегда это чувствовал, но никак не мог понять. Теперь понял.

Им приходилось останавливаться, чтобы восстановить дыхание, но Брокс, которому восхождение давалось тяжелее всех остальных, первым устремлялся вперед. Он даже в мыслях не допускал, что опоздает.

Темной тенью возник перед ним дом. Из растительности возле дома виднелась лишь пара карликовых берез, так что полицейских легко было заметить. К тому же именно здесь было расположено единственное окно. Брокс махнул рукой и, пригнувшись, побежал вперед. Служебное оружие камнем лежало в руке. Раньше он никогда его не применял. От мысли, что именно сегодня, возможно, он впервые в жизни выстрелит в человека, а тем более в того, с кем много лет работал плечом к плечу, ситуация казалась еще более невероятной. Все прижались к стене. Они так тяжело дышали, что Броксу на секунду показалось, что их услышат и раскроют.

– Слишком тихо, – прошептал Сандсбакк, главный следователь из Центрального управления.

Брокс тут же подал знак ломать дверь. Все нужно было делать быстро, и не только потому, что речь шла о спасении жизни. Впервые Брокс боялся за свою собственную жизнь и понимал, что, если остановится, им завладеет страх. Вместе с младшим из следователей он зашел за угол. В доме все еще было тихо. Дрожа всем телом, Брокс оперся коленом о лестницу и нажал на ручку двери. Как он и предполагал, она была закрыта. Подсознание шептало ему, что что-то тут не так, и он подумал, что они опоздали. Он потянул следователя за собой, они отошли немного от двери, а потом по сигналу изо всех сил бросились вперед. На удивление ленсмана, дверь сразу же поддавалась, и они упали на пол. В суматохе Брокс выронил пистолет, заметил, как тот завертелся на ковре, и судорожно пополз к нему, ожидая услышать звук выстрела и почувствовать страшную боль от вонзающейся в тело пули. Он схватил оружие, перекатился на бок и попытался оглядеть сразу все углы дома. Он видел дом не полностью, но

уже через несколько секунд понял, что комната была пуста. Их здесь не было.

Глава 46

Никласу показалось, что снаружи раздался какой-то звук. Ему очень хотелось, чтобы помощь подоспела! Он громко застонал, чтобы Линд не услышал тот же звук.

– Когда боишься, становится еще больнее, – Линд все еще стоял возле него. От плиты послышалось шипение. Вода выкипала.

– Шесть минут. И все будет кончено.

Никлас начал задыхаться. Шипение усилилось, от звука соприкоснувшихся стальных инструментов в глазах у него потемнело. Он старался увернуться, отчаянно хватал ртом воздух, который наполнял легкие только наполовину, он почувствовал, что скоро потеряет сознание. Оглушительный удар и сильная боль в щеке вернули его обратно.

– Эй, соберись!

Линд ударил его. Наконец Никлас смог дышать нормально.

– Ноги вместе!

Не успел Никлас отреагировать, как Линд ударом заставил его сдвинуть ноги. Через мгновение левая нога, а затем и правая оказались крепко связаны. Больше Никлас не мог сопротивляться, даже если бы очень хотел.

Тот звук. Ну почему, черт возьми, он не становится громче? Ну конечно. Они готовятся к штурму, хотят напасть стремительно, чтобы использовать эффект неожиданности. Он прислушался, а потом вздрогнул и судорожно попытался поймать взгляд Линда. Тот стоял перед ним, держа скальпель в вытянутой руке.

– Господи, Амунд, не делай этого, умоляю тебя!

Линд поднял скальпель вверх, резко опустил его – раздался треск разрезаемой рубахи. Звук! Как же ждал Никлас звуков снаружи, как хотел услышать шаги на лестнице, увидеть, как врываются в комнату спасатели. Линд снова поднял скальпель.

– Вперед! – закричал Никлас. – Черт подери, я здесь! Он убьет меня!

Голос эхом отразился от стен.

– Забыл сказать, – раздался голос Линда. – Мой дом стоит на другой стороне горы. А это дом Торсена из профсоюзов. Кажется, я не сказал Карианне об этом.

Глава 47

– Ты знаешь, что такое психопатия?

– Это не твой дом? Ты привез сюда Карианне, я видел и слышал ее.

– Да, это так. И все-таки это не мой дом. По моим расчетам... – Линд демонстративно взглянул на часы, – ...как раз в эти минуты они ломают дверь в мой дом. К счастью, он застрахован.

– Ты врешь!

– Правда? Кричи во все горло, если хочешь, я даже могу распахнуть дверь, чтобы ты все увидел своими глазами.

Никлас понял, что надежды больше нет, что он истечет кровью, как раненое животное, когда Линд вырежет у него почку. От ужаса он перестал что-либо чувствовать.

– Основным симптомом психопатии, – повторил Линд, – является неумение проявлять свои эмоции. Вот, например, говорят о материнском инстинкте. Инстинктивно мать должна заботиться о своем ребенке и любить его. Это заложено природой. Но некоторым подобное не дано. Они позволяют своим детям расти в бесчувственном вакууме, превращают их в холодных зомби. Некоторые такими и остаются, холодными и бесчувственными. И для них ничего не стоит, например, лишить человека жизни. Поэтому многие становятся убийцами. А остальные до конца жизни ищут чего-то, может быть, из-за того, что однажды им случается ощутить эту самую утопическую любовь, и пробуждается тоска. К счастью, я отношусь именно к этой категории. Потому что моя мать была одной из тех, кто не проявляет любовь, потому что не знает, что это такое. Она, безусловно, была психопаткой, но еще она страдала от того, что в медицинской терминологии называется «ангедония» – в принципе, это одно и то же. Только когда я пошел в школу, то узнал, что в мире существуют чувства и эмоции. Сначала я неправильно истолковывал эти сигналы, потому что не понимал их. Мне становилось страшно. Я старался их избежать. Но скоро я не мог насытиться, мне все время хотелось в школу. Я начал понимать. И потом, когда я начал переписываться с Карианне, во мне проснулись такие чувства, о существовании которых я и не подозревал. Мы никогда не говорили о любви, я просто не способен любить. Скорее, я чувствовал нестерпимое желание заботиться о ком-нибудь. Что я и делал. Вплоть до этого самого мгновения.

Линд поднес скальпель к глазам Никласа.

– Я приезжал в этот дом пару раз, так что они нас найдут. Даю им час. Не знаю, будешь ли ты жив к тому времени, Никлас, но, поверь, я этого искренне хочу. Я просто не могу позволить тебе сбежать. Карианне должна жить во что бы то ни стало.

– Амунд, я...

– Тссс!

– Амууу... – звук оборвался, превратившись в свистящее дыхание.

– Я сделаю все настолько осторожно, насколько это вообще возможно, а вот что касается наркоза...

От дыхания Линда разило металлом.

– ...это была ложка чистой воды. Тебе придется потерпеть, как мужчине.

Линд схватил рукава рубашки Никласа и закатал их.

– Если тебя это утешит, – он начал расстегивать свою рубашку, – ... хуже уже быть не может.

Линд распахнул рубаху и обнажил невероятно непривлекательное тело. Кожа, а точнее, то, что когда-то ею было, ороговевшая, местами розовая, усеянная черными пятнами размером с изюмину, была похожа на чешую чудовищной рыбы.

– Как ты думаешь, кому-нибудь захочется прильнуть к такому телу? И, кстати, сейчас все уже не так плохо. В подростковом возрасте я был похож на ходячую котлету.

На секунду на его лице промелькнула грусть, потом он застегнул рубашку и достал что-то, напоминающее сумку-холодильник. К Никласу сразу вернулся голос. Он заорал со всей мочи, последним, предсмертным криком. Линд прижал скальпель под ребра Никласа и провел им сначала по коже, потом глубже в ткани. Он действовал легко, как будто резал масло. Сначала появилась кровь, много крови, потом пришла боль. И в этот момент раздался оглушительный удар.

Глава 48

На Линда обрушился дождь из осколков стекла, крестовина от оконной рамы процарапала ему левую сторону лица и сбила его с ног, а через окно в комнату кто-то запрыгнул и тут же набросился на Линда. Оба зарычали, и комнату заполнили страшные звуки вперемешку с хрустом разбитого стекла. От вида собственного окровавленного тела Никлас оцепенел. Усилием воли он заставил себя взглянуть на мужчин, дравшихся голыми руками, но никак не мог понять, кто же был его спасителем. Потом ему удалось разглядеть среди осколков сабо Рино.

Мужчины дрались всерьез. Кричал уже только Линд, отчаянно, как сумасшедший, как будто от мысли о том, что он может потерпеть поражение, он утратил контроль над собой. Одежда пропиталась кровью, катаясь по полу, усыпанному осколками, соперники серьезно поранились. Линду удалось набросить джинсовую куртку на голову Рино, ситуация изменилась. Теперь удары сыпались по лицу соперника.

Никлас понял, что приходит в себя. Он знал, что ему нельзя смотреть на свое израненное тело. Он постарался подвигать руками и ногами и понял, что веревка натянута очень туго. От этих усилий в животе появилась колющая боль, Никлас почувствовал, как по обнаженной коже потекла теплая жидкость.

Линд продолжал рычать, но теперь это скорее были звуки победителя. Рино двигался заметно медленнее. Силы заканчивались. Никлас понял, что Рино может оказаться в списке жертв Линда, и вновь дернулся. От боли в животе его затошнило. Выбраться не получалось. В отчаянье он поднял голову, как будто хотел выплеснуть Богу, в которого никогда не верил, всю свою боль. Он не хотел встречаться взглядом с Линдом, не хотел видеть, как тот радуется. Звуки борьбы стихали. Никлас устался на крюк в потолке. Он был сделан вручную, но выглядел довольно крепким. Линд продумал все. Почти. Никлас встал на носки, почувствовал, как натянулась веревка на ногах, и все-таки ему удалось немного продвинуть цепь вперед, так что он почти освободился. Оставалась еще пара сантиметров. Никлас попытался снова, почувствовал, как саднит рана. Он знал, что от движений кровотечение усиливается. В глазах снова потемнело, и он понял, что теряет оставшиеся силы. Последняя отчаянная попытка. Он согнул колени, подпрыгнул – этого было достаточно, чтобы наручники соскочили с крюка. Никлас присел, покачиваясь, ноги по-прежнему были связаны. Он увидел

Линда. Тот сидел спиной к Никласу напротив казавшегося мертвым Рино. На секунду Никлас вспомнил, что еще пару часов назад он считал убийцей Рейнхарда. Тогда он вернулся к машине, чтобы вооружиться хоть чем-нибудь, и взял то единственное, что оказалось под рукой. Разводной ключ. Никлас нагнулся и почувствовал, что ключ до сих пор лежит в боковом кармане. Ему удалось дотянуться до ключа и вытащить его. Затем, сжав ключ обеими руками, Никлас бросил его вперед. Но ноги были крепко связаны, поэтому во время броска он пошатнулся и ключ лишь слегка задел затылок Линда.

Глава 49

Тишина.

Лишь оглушительный стук его сердца.

Никлас лежал, внимательно прислушиваясь. Никто не двигался. Может быть, он все-таки попал?

Он не решался двинуться, боясь, что из-за его малейшего движения Линд оживет.

Сначала на него обрушилась тошнота, затем боль. От мысли, что он истекает кровью, что у него в животе открытая рана, затошнило еще сильнее. Потом начались судороги, руки и ноги дрожали. Наконец он решился повернуть голову. Первым, что он увидел, была его собственная рука. Она дрожала и казалась совсем чужой. Никлас повернул голову еще немного и встретился взглядом с Линдом. Ему удалось приподняться, теперь он полулежал и широко улыбался.

– Попытка защитана, – сказал он и врезал Никла-су кулаком по лицу.

Никлас упал и потерял сознание. Он надеялся, что уже не очнется. Как будто во сне, он почувствовал, как его снова подняли, боль пульсировала в такт сердцу, из раны сочилась теплая кровь. Он хотел умереть сейчас, когда чувства были приглушены.

Никлас очнулся от звука клацающего металла.

– Пятнадцать минут, – голос доходил до него с задержкой. – Продержишься?

На него вылили холодную воду. Линд казался тенью. Рино лежал на полу, его руки были связаны за спиной. Значит, инспектор еще жив, – подумалось Никласу.

– Вообще-то я собирался провести всю операцию по возможности гуманно, но ты профукал эту возможность. Поэтому будет по-другому.

Сталь прорвала ткани, кишки. Никлас почувствовал себя забиваемым животным. Казалось, внутри у него что-то взорвалось, все внутренние органы разнесло на куски. Никласа вырвало, и ему показалось, что с рвотным массажи из него вышли все внутренности. Он снова потерял сознание. Никлас стал бесплотным; он мягко и грациозно покинул свое несчастное тело и теперь наблюдал со стороны, без неприязни, принимая и понимая, что все так, как и должно быть, что все случившееся произошло по его воле. Он взлетел еще выше, и увидел внизу, под собой, тело, лежащее на полу в позе эмбриона. Он видел, как движется живот, слышал

спокойное дыхание. Выкарабкался! Тот, кого за руки подвесили к крюку на потолке, тоже был жив, хотя по тени над его головой было ясно, что он в шоковом состоянии. Палач, кровавой рукой кромсающий кожу и плоть, казался зеркальным отражением человека. Вся сцена выглядела как в замедленной киносъемке. Кровь текла, тень над головой жертвы становилась все темнее. Внезапно пол озарила молния, она становилась все ярче и ярче. Шла она от двери. Потом дверь закрылась. В комнату ворвались трое мужчин, но, казалось, они бежали и прямо на ходу разрушались, растворялись в воздухе. Все вокруг тоже исчезло. Стало темно.

Глава 50

Снега выпало очень много, мороз пощипывал щеки и нос. Они с трудом брели по кладбищу, разыскивая надгробье. В конце концов отыскали его на самом краю. Кари-анне заботливо стряхнула снег, и на камне показалась надпись. Они стояли, держась за руки, и смотрели на камень. Этот момент принадлежал только Карианне, но он был рядом с ней, ему хотелось делить с ней все значимые события ее жизни. Потому что теперь они были единым целым.

С дня операции прошло пять недель, восстановились они без проблем, и пока никаких признаков отторжения не наблюдалось. С каждым днем Карианне становилась все сильнее, и говорила, что задалась целью вернуться на работу к концу месяца. Возможно, это звучало слишком оптимистично. Но так она решила. Банк уже давно пообещал сохранить за ней место, несмотря на то, что Эллен Стеен вышла из комы и шла на поправку.

Карианне отпустила его руку и опустилась на колени возле могилы. Никлас оставил ее одну, дал ей побыть наедине со своими мыслями. Он вспомнил о том, что произошло три месяца назад, как Брокс пришел ему на помощь. Ему нравилось думать, что это было предопределено, что все силы света сплотились ради того, чтобы спасти Карианне. И замысел Линда просто не мог осуществиться. Помог Рейнхард. По реакции Никласа он понял, что разгадка в письмах от поклонника Карианне. Он все понял, когда увидел подпись на письме из участка. Письмо было подписано Амундом Линдом от имени ленсмана. Он сообщил обо всем Броксу, рассказал о доме, а там уже позвонила Кари-анне. У них оказалось десять минут преимущества и, как выяснилось, это спасло Никласу жизнь.

Рино тоже выжил, и даже без особых последствий. Боль в шее и повторяющаяся мигрень – вот и все. Он навещал приемного отца Эвена Харстада в доме престарелых, хотел посмотреть на старика, который молчал больше двух лет и заронил в душу сына зерно такой сильной ненависти. И кое-что произошло, старик заговорил и подтвердил старый слух о том, что отцом Эвена Харстада был сотрудник полиции Амунд Линд. В этот момент Рино вдруг понял, что эти двое действительно похожи. Из-за строгих черт лица оба казались намного старше своих лет. Он решил рассказать об этом Никласу, но когда очутился возле его дома, то увидел, как Никлас уезжает. Рино поехал следом, но успел заметить лишь

огни фар – Никлас мчался так, будто речь шла о жизни и смерти. Потом Рино обнаружил машину и вышел по тропе к дому. В окно он увидел, что происходит, и, наткнувшись на запертую дверь, прибег к несколько нетрадиционному плану штурма. Оружия у него при себе не было, так что он надеялся только на эффект неожиданности. Рино прицелился так, чтобы палкой попасть Линду по голове, и ринулся внутрь через окно. Остальное Никлас видел уже сам.

Эвен Харстад поделился чудовищными подробностями о своем детстве в железных руках психопата Лоренца, а затем полностью признался во всех нападениях. Он уверял, что первый случай, который произошел три года назад, должен был стать единственным. Но когда он узнал, что сестра сдала дом, а стало быть, выставила напоказ трагедию его детства, в нем проснулась затаившаяся ярость – злость на тех отцов, которые отправили своих детей в свободное плавание.

Оказалось, удар Никласа попал в точку, он пробил череп Линда. После ареста тот не промолвил ни слова. Скорее всего, из-за повреждения мозга он онемел и, очевидно, считал, что так будет даже лучше.

По телу Никласа пробежал холодок, и он поплотнее запахнул пальто. Рана после операции еще побаливала. По иронии судьбы через два месяца после того, как он чуть не умер от потери крови, врачи в операционной раскрыли именно ту, едва поджившую рану. Линд действительно хорошо подготовился.

Карианне поднялась и отряхнула снег с колен.

– Это она, девочка, которая хотела проснуться в моем теле. В общем, ей это удалось. Последние двадцать пять лет она там была.

Никлас смотрел на надгробье Сульвейг Элвенес, женщины, которая носила ребенка Амунда Линда. Женщины, которую Линд убил. От отчаянья ему и действовать пришлось отчаянно.

– А теперь в твоём теле есть кусочек меня, – улыбнулся Никлас и сжал ее руку.

Эпилог

Она зачала ребенка не по своей воле, сопротивляясь изо всех сил, до тошноты. Неприязнь и отвращение к тому, кто рос внутри ее тела, со временем только усиливалась. Она никак не могла заставить себя полюбить его, появившегося из ненависти и вожделения.

Тело изменилось, она стала не похожа сама на себя и с отвращением смотрелась в зеркало. Когда эти изменения стали заметны всем, люди начали отпускать комментарии. Кто-то искренне поздравлял, кто-то осуждал и даже обвинял, но она отстранилась от всех.

Роды стали повторением насилия, очень болезненным событием, над которым она была не властна. Когда ребенка положили ей на живот, тепло маленького тельца смогло лишь растопить чувство отстраненности, но так и не пробудило в ней безусловную материнскую любовь.

Она была внимательной матерью, заботилась о том, чтобы ребенок был сухим и ухоженным, но во время кормления грудью она с грустью думала, что никогда не сможет его полюбить, хотя у них единая плоть и кровь. От стыда она отводила взгляд, избегала смотреть в глаза младенца, только тихо напевала себе под нос какую-то мелодию.

Когда ребенок научился ползать, общение с ним свелось к кормлению и смене подгузников. В остальном малыш рос один – у него было много игрушек, и он мог свободно ползать по всему дому, изучая мир. И только когда злые языки в городке начали поговаривать о том, что мальчик слишком плохо говорит для своего возраста, мать начала общаться с малышом. Она заявила, что ребенок молчит, потому что стесняется, а наедине с ней болтает без умолку. Если она замечала, что на них кто-нибудь смотрит, то брала сына за руку, чтобы доказать, как они близки. При этом ей приходилось сильно сжимать его руку, потому что сын отчаянно вырывался.

Уже через несколько недель после того, как мальчик пошел в школу, его перевели на индивидуальное обучение. Преподаватели были обеспокоены. И только в конце осени он начал отвечать на вопросы учителя, сначала неохотно и неуверенно, но затем быстро догнал остальных учеников. Скоро мальчик перестал бояться смотреть учителю в глаза, а внимание и забота, которую он чувствовал в школе, подчеркивали отстраненность от матери. Постепенно школа и дом стали восприниматься им как два отдельных мира. И только в подростковом возрасте он понял,

что мать его не любит.

* * *

Он убил ее в день своего пятнадцатилетия. Пришел из школы, сел обедать. Еда лежала на тарелке. Сама она уже поела. Как всегда. Он слышал, что в гостиной работает радио, и понял, что мать сидит в своем привычном кресле. Рыбные котлеты и картошка. Довольно вкусно. На столе лежала коробка. Без открытки, без украшений, без ленточек и бантиков. Мать не любила излишеств. Он сидел и жевал остывшую еду, потом открыл подарок. Галстук. Для разнообразия сойдет. Доел обед, встал и пошел в комнату. По тихому металлическому стуку спиц он понял, что она не спит.

– Спасибо за подарок, – поблагодарил он.

– Пожалуйста.

Слова прозвучали заученно. Мать не спросила, понравился ли ему подарок. Не поздравила.

– Очень красиво.

Только постукивание спиц и бормотание радио. Он немного постоял, надеясь, что сегодня, именно сегодня что-то изменится. Что она повернется к нему, посмотрит ему в глаза, поговорит с ним. Но она осталась сидеть, как будто автопилот, поддерживавший в ней жизнь все эти годы, никак не мог отключиться. Лишь тихий напев, та же самая монотонная мелодия, единственная, которую она знала. Она напевала эту песню только тогда, когда была в отличном настроении, так что это был хороший знак. Но в тот момент в этой мелодии воплотилась вся всеобъемлющая пустота, в которую могло засосать и его самого. Он стоял рядом с матерью, держа галстук в руке, почти умоляя ее о внимании. Но она никогда не оборачивалась к нему. Внезапно она стала бесцветной, превратилась в фигурку из черно-белых фильмов. Все вокруг тоже поблекло. Он схватил галстук двумя руками, заметил, что сочащиеся язвы уже появились и на тыльной стороне ладоней, и потянул изо всех сил. Спицы мелькали неустанно. Он встал за ее спиной. Мелодия стала громче. Напев длился всего восемь-десять секунд и повторялся бесконечно. Звук усиливался, эхом отзываясь у него в голове. Он еще раз обернул концы галстука вокруг своих ладоней и натянул их сильнее. Напев превратился в безумную кричащую музыку.

– Спасибо за подарок.

Никакой реакции. Лишь едва заметное движение головы, как будто она покачивалась в такт вязанию. Единственное, что он видел перед собой – волосы, седые, тусклые волосы.

– Спасибо за подарок, – повторил он. Мелодия. Стук спиц. Он накинул галстук ей на шею и потянул изо всех сил. Она замерла, потом подняла руки, продолжавшие сжимать вязание. Ни стоны, ни судорог, лишь напряжение на полминуты, и она обмякла. Умерла так же, как и жила. Равнодушно.

Он закопал ее в саду, давно заросшем сорняками. На следующий день заявил в полиции, что она пропала. Через неделю возле озера нашли ее вязаный свитер. Все решили, что она поскользнулась на камне, и ее унесло подводное течение. В пятнадцать лет и одну неделю Амунд Линд официально был признан сиротой.

notes

Примечания

1

«Зло шагает за тобой, Зло спит рядом с тобой, Зло шепчет тебе страстные слова, Зло шагает за тобой» (*англ.*) Припев песни Evil Walks группы AC/DC.

Риталин (метилфенидат) – психостимулятор неамфетаминового ряда. Применяется при лечении синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у детей.

Hurtigruten – суда, курсирующие вдоль западного побережья Норвегии от Бергена до Киркенеса с заходом в большие города и рыбацкие деревни. «Хуртигрутен» перевозит пассажиров, грузы и корреспонденцию.

4

Back in Black – песня группы AC/DC 1980 года.

5

Верьте! (англ.)

Ленсман (*фин.* Nimismies, *швед.* Länsman, *норв.* Lensmann) – исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, Норвегии и Швеции.

Aerosmith – американская рок-группа.

City Boy – британская рок-группа конца 1970-х.

The day the Earth got fire – досл. «День, когда сгорела земля». Альбом группы City boy 1979 года.

Скавлан, Фредрик – норвежский журналист, ведущий норвежско-шведского ток-шоу.